

Алтарь Европы

С началом войны русская армия формировала на Северо-Западе фронт против Германии, на Юго-Западе – против Австро-Венгрии. Однако посол Франции в Петербурге М. Палеолог не давал покоя русскому командованию с просьбами начать наступление еще и на Варшаву. Франции, боявшейся быть раздавленной Германией, было наплевать на стратегию русских. Париж не унимался в своем стремлении подтолкнуть Россию к скорейшему наступлению на Германию через Варшаву, что нарушало все планы российского Генштаба. 5 августа М. Палеолог был принят Николаем II и умолял его начать наступление, после чего последовал приказ, и два корпуса из Пруссии перебросили на Варшавское направление. А 10 августа последовал приказ в ближайшее время начать наступление в Восточной Пруссии. Военные специалисты были вне себя и оценивали ситуацию первых чисел августа как самоубийство.

17 августа Россия начала наступление в Восточной Пруссии, где ей противостояла 75 тысячная армия на ее 64 тысячи. Несмотря, казалось бы, на выгодное положение германской армии, натиск I русской армии П.К. Ранненкампа был настолько силен, что немецкий генштаб готов был отдать приказ об отступлении. К 20 августа поражение немцев было очевидным. Притвиц отдал приказ об отходе за Вислу. Однако, после столь успешного наступления армия Ранненкампа неожиданно остановилась.

* * *

Ранненкампф Павел Карлович, родился в замке Паикуль близ Ревеля 17 апреля 1854 г., сын эстляндского дворянина, немца по происхождению, генерала от кавалерии. Образование получил в Гельсингфорском пехотном юнкерском училище и Николаевской академии Генштаба. Службу начал в 1870 г. унтер-офицером в 89 пехотного Беломорского полка.

Принимал участие в подавлении восстания ихэтуаней в Китае как командир казачьей дивизии, за что награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Во время войны с Японией командовал Забайкальской казачьей дивизией и в Мукденском сражении 1905 г. проявил большое упорство. С окончанием войны состоял в распоряжении главнокомандующего на Дальнем

Востоке. За боевые отличия награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами.

Во время революции 1905 г. получил приказ подавить революционные выступления на железной дороге, которая связывала Маньчжурскую армию с Западной Сибирью, что и было сделано его карательным отрядом. Среди офицеров получил мрачное прозвище «желтая смерть», т.к. носил форму Забайкальского казачьего войска с желтыми лампасами.

С января 1913 г. назначен командующим войсками Виленского военного округа, а с началом Первой мировой войны в его округе было создано управление 1-й армии, командующим которой он же и был назначен. В

Алтарь Европы

Восточно-Прусской операции показал себя умелым командующим. На его донесение Верховному главнокомандующему о том, что "все корпуса вышли из боя», великий князь Николай Николаевич ответил: «От всего любящего вас сердца благодарю за радостную весть. Поблагодарите геройскую 1-ю армию за ее труды. В дальнейшем в вашей энергии и помощи божьей уверен». Однако новое наступление он начал вяло.

В начале октября 1914 г. штаб армии перебросили на Млавское направление и фактически сформировали новую 1-ю армию, а германские войска начали Лодзинскую операцию, в которой П.К. Ренненкамф не смог перехватить у немцев инициативу и, несмотря на его решительные протесты, командующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рузский отдал приказ об отступлении. Он обвинил П.К. Ренненкамфа в непонимании обстановки и добился его отстранения от командования армией и перевода в распоряжение военного министра.

Действия генерала во время Восточно-Прусской операции стали предметом разбирательства специальной комиссии. После чего в 1915 г. он был уволен со службы «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией».

После Февральской революции П.К. Ренненкамф был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, где находился под следствием Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Против него фабриковались серьезные обвинения, но нужного количества фактов собрано не было. Октябрьский переворот большевиков он не принял, поэтому когда ему предложили вступить в Красную армию, он категорически отказался, после чего Антонов-Овсеенко В.А. распорядился расстрелять П.К. Ренненкамфа. Перед смертью Павел Карлович был подвергнут зверским издевательствам.

20 августа 1914 г.

юг Англии

замок лорда сэра Оливера Соунсвиля

Получив известие о фактическом поражении германской армии в Восточной Пруссии лорд Соунсвиль был взбешен, таким его еще не видели. Он долго метался по кабинету как загнанная лисица в поисках выхода из создавшегося положения. Но мысли его путались, а негодование мешало принять разумное решение.

– Боже мой...! Боже мой...! – Думал он. – Сколько сил было потрачено и, выходит, все напрасно. Кажется концепция «баланса сил» достаточно твердо вошла в политическое сознание европейцев и на тебе: мощная Германия, оставаясь такой же мощной, почти разгромлена, а Россия готова

Алтарь Европы

захватить Берлин и продиктовать волю державам. Расчет на то, что они обескровят друг друга в изнурительной борьбе, полностью провалился.

Успокоившись сэр Оливер вызвал к себе Смита и усадил его писать послание князю А.П. Шахову и графу де Жермену. Послания были краткими и категоричными: «Срочно и любыми средствами остановить наступление русских, хотя бы на какой-то срок, подключите к этой работе всех наших друзей. Используйте для этого все возможные средства».

– Смит, – сказал он в заключении, – сами лично зашифруйте эти телеграммы нашим сверхсекретным шифром и передайте их передатчиком – одну по первой красной линии, вторую – по второй. Мою подпись не ставьте, они и так поймут. Да припишите, чтобы подтверждения о получении сего были посланы незамедлительно. На ключ посадите нашего лучшего радиста, но ответ расшифруйте сами. Рукописные тексты телеграмм верните. Пока почта не уйдет, от радиста не отходите ни на шаг. И прикажите готовить наш походный багаж – едем в Лондон.

Через час тридцать две минуты Смит вошел в кабинет сэра Оливера и протянул ему ответ из Европы. Оба корреспондента сообщили, что принимают все меры и рассчитывают на благоприятный исход. При этом они просили найти поддержку в дипломатических кругах. Лорд Соунсвиль позвонил в Лондон сэру О. Грею. Тот радушно приветствовал лорда. И в ответ на его просьбу о поддержке обещал ее, при этом заверил, что только и занимается проблемой Восточной Пруссии.

*Август 1914 г.,
Европа*

После неожиданной остановки армии Ранненкампаффа обрадованные немцы начали переброску с французского театра военных действий шести корпусов и кавалерийской дивизии в Восточную Пруссию против 2-й русской армии генерала А.В. Самсонова, что имело фатальное значение, а французы вновь почувствовали облегчение немецкого нажима. Их последующая победа на Марне воспета на Западе, а армия Самсонова приняла на себя самое тяжелое бремя операции в Восточной Пруссии. Она спешила преградить путь отхода немцев за Вислу. Солдаты были вымотаны скоростью передвижения, по несколько дней они не видели пищи, тылы безнадежно отставали, офицеры роптали по поводу происходящего. Однако армия успела в срок выйти к Грюнвальду.

В эти дни Париж не унимался, он продолжал свой нажим на русское командование, настаивая на скорейшем наступлении, хотя русские в полной мере уже выполнили свой союзнический долг перед французами. Победа под

Алтарь Европы

Гумбинненом покрыла славой русского солдата и русское оружие. Германский план молниеносной войны был сорван, и тем самым был сделан шаг к полному разгрому Германии. Путь на Берлин фактически был открыт, но армия Ранненкампа, как мы уже знаем, неожиданно остановила свое движение.

* * *

Александр Васильевич Самсонов родился в 1859 г. в семье среднего достатка. Военное образование он получил в Киевской военной гимназии и продолжил его в Николаевском кавалерийском училище, из которого выпустился в 1877 г. Восемнадцатилетним корнетом он был направлен в 12-й Ахтырский гусарский полк, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Честной и ревностной службой после войны добился права на поступление в Академию генерального штаба и в 1884 г. успешно закончил ее. Служил в штабах различных войск. В 1896 г. назначен начальником юнкерского кавалерийского училища в Елизаветграде. В этом качестве прослужил до 1904 г. За годы службы не приобрел никакого недвижимого имущества.

В 45-летнем возрасте Александр Васильевич женился на дочке помещика, Екатерине Александровне Писаревой.

Участвовал, уже кавалерийским генерал-майором, в русско-японской войне, сначала возглавлял Уссурийскую конную бригаду, затем 1-ю Сибирскую казачью дивизию. За боевые заслуги награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и другими орденами, почетным оружием, золотой саблей с надписью: «За храбрость». Закончил войну в чине генерал-лейтенанта.

В 1909 г. направлен в Туркестан на тяжелейшую должность генерал-губернатора и войсковым атаманом Семиреченского казачьего войска. В то время Туркестан включал Закаспийскую, Семиреченскую, Самаркандскую и Ферганскую области, а также вассальные Хивинское и Бухарское ханства. Управление такой обширной территорией с разноплеменными тюркскими народами численностью до трех миллионов человек требовало значительных усилий и административного искусства.

За несколько дней до Великой войны он отправился в Варшаву принимать командование над армией, а с началом войны получил задание во взаимодействии с 1-й армией генерала Ранненкампа осуществить наступательную Восточно-Прусскую операцию. Досадное ощущение вызывало у него то обстоятельство, что ему придется взаимодействовать с неприятным ему со времен русско-японской войны на почве традиционного взаимного недолюбивания офицеров русского и немецкого происхождения П.К. Ранненкампом. Времени на подготовку армии практически не было:

Алтарь Европы

спешка диктовалась назойливыми просьбами Франции о помощи, подвергшейся удару германской армии. Французский посол М. Палеолог наседа на Николая II: «Я умоляю Ваше величество приказать Вашим войскам немедленное наступление, иначе французская армия рискует быть раздавленной».

1-й и 2-й армиям фронта надлежало разгромить в Восточной Пруссии немецкую 8-ю армию генерала фон Притвица. Первой вступила в соприкосновение с противником армия Ранненкампа и через три дня она нанесла поражение передовому немецкому корпусу, а еще через четыре дня во встречном сражении у Гумбиннен–Гольдапа заставила отступить основные силы 8-й немецкой армии. Петербург ликовал в связи с таким успешным началом войны. В немецких штабах царило смятение. Победа 1-й армии способствовала росту патриотических настроений в армии.

Армия Самсонова после ускоренного марша, преодолев за три дня более 80 километров по песчаным дорогам, перешла границу Восточной Пруссии и вышла на стратегическое направление на Грюнвальд (Таненберг). Однако Самсонов был глубоко озадачен тем, что тылы его армии растянулись и отстают. Было очевидно, что в таком состоянии втягиваться в серьезные боевые операции нельзя. Он сообщал командующему фронтом Я.Г. Жилинскому: «Необходимо организовать тыл, который до настоящего времени организации не получил. Страна опустошена: лошади давно без овса, хлеба нет, подвоз из Остроленки невозможен», но командующий, невзирая на это, каждый день требовал от Самсонова ускорить движение, командующий не обращал внимание на заявления Самсонова, т.к. его, в свою очередь, постоянно торопил главковерх великий князь Николай Николаевич.

* * *

Не встречая серьезного сопротивления противника, 2-я армия занимала незначительные населенные пункты, но Самсонов, предчувствуя ловушку, просил разрешения развернуть армию уступом на Северо-запад. После трехдневных переговоров со штабом фронта он получил, наконец, такое разрешение. По приказу верховного главнокомандующего ему было предписано направить на север правофланговый 6-й корпус, а левофланговый 1-й корпус остановить у Сольдау. Самсонов и его штаб были в полном смятении, но ничего не могли поделать.

Пользуясь бездействием Ренненкампа, немцы выставили против 1-й армии заслон из двух дивизий, перебросили свои главные силы и поступившие резервы против армии Самсонова, которая вскоре натолкнулась на неожиданно сильное противодействие, а ее 6-й корпус потерпел

Алтарь Европы

поражение под Бишофсбургом и начал отступление. На следующий день 1-й корпус отступил к югу от Сольдау. Узнав об этом, Александр Васильевич Самсонов был вне себя от возмущения, так как положение центральных корпусов становилось угрожающим.

Переживая за судьбу армии, А.В. Самсонов отправился на передовую линию. У него были надежды на то, что 1-я армия уже начала активные действия в тылу, и прорыв удастся. Однако армия Ренненкампа не пришла на помощь соседям и как встала, так и продолжала стоять.

Действия П.К. Ренненкампа во время Танненбергского сражения вызвали крайнее раздражение Я.Г. Жилинского, особенно плохая координация со 2-й армией. Игнорируя приказ Ставки, он не выдвинул свои войска на помощь Самсонову, за что Жилинский даже хотел отстранить Ренненкампа от командования армией. Однако, поскольку успешные действия 1-й армии с начала Восточно-Прусской операции сохранял, большой резонанс в Петербурге, то рапорты Жилинского не возымели действия. Некоторые историки объясняют его пассивность личной неприязнью Ренненкампа к Самсонову еще с времен русско-японской войны до такой степени, что одна из их стычек на мукденском вокзале в 1905 г. дошла до рукоприкладства, поэтому Ренненкампф мог не хотеть, чтобы после его успешных действий пальма первенства перешла в руки Самсонова. Возможно и то, что Ренненкампф не хотел распылать свои силы, готовясь к новому наступлению.

В результате против армии А.В. Самсонова немцам удалось собрать все свои наличные силы и создать их значительное численное превосходство. Но им так и не удалось достигнуть стратегической цели – окружить 2-ю армию и уничтожить ее. Они нарвались на исключительно мощное сопротивление. В результате чего Самсонов вначале разгромил правое крыло корпуса Франсу – потерпела неудачу группа Шольца, а затем сама попала в плен и наголову была разбита 41-я пехотная дивизия. На ряде участков немецкие войска начали отступать.

Командующий Гинденбург сам выехал на позиции, но до них ему не удалось доехать, т.к. он встретился с потоком отступающих, которые бросали не только технику, но и личное стрелковое оружие. Под выкрики бегущих солдат «русские наступают» автомобиль командующего вынужден был развернуться и поехать назад. Смятение в немецких штабах достигло крайних пределов, когда они подсчитали цену их победы над 2-й армией русских.

Ощущая явное превосходство немецкой армии, Самсонов дал приказ своим частям отступать, но отдельные подразделения переходили в контратаки, а прикрытие отступающих заканчивалось, порой, разгромом и бегством наступающих. Немцы терялись, не понимая кто отступает, а кто

Алтарь Европы

наступает? Александр Васильевич Самсонов был потрясен тем, что успешное наступление его армии так неожиданно обернулось ее отступлением.

На одном из оперативных совещаний Самсонов пригласил к себе всех офицеров штаба, еще раз уточнил план отступления и сделал заявление.

– Господа офицеры, наш победоносный марш неожиданно превратился в фактическое поражение. – заявил он, – Многие из вас потеряли управление своими войсками, а я – армией, значит я виноват во всем: в том, что наши первоначальные победы обернулись одной большой неудачей. Этого не произошло бы, если наши высшие чины не предали нас и не принесли в жертву противнику ради спасения союзников. Мы боролись с превосходящими силами противника. Благодарю вас за службу. Я свой долг знаю и выполню его, моя жизнь, как военного, кончилась. Прошу всех разойтись и продолжать исполнение ваших обязанностей.

– Господа генералы и офицеры, – заявил он, – многие из вас потеряли управление своими войсками, а я – армией, но этого не произошло, если бы наши высшие чины не предали нас и не принесли в жертву противнику ради спасения союзников. Благодарю вас за службу, прошу всех вернуться к своим делам. А я свой долг знаю и выполню его.

Все присутствовавшие в кабинете покинули его, но не спешили уйти из приемной. Через минуту они услышали звук выстрела и молча повернулись к двери кабинета. Помощник забежал в кабинет командующего и быстро вернулся назад.

– Господа, – печально сказал он, – командующий армией застрелился.

Все перекрестились и посмотрели на начальника штаба.

– Господа, – сказал он, – расходитесь и продолжайте выполнять свои обязанности, когда я не свяжусь с командующим фронтом и получу соответствующие указания, я приглашу Вас.

Прощаясь с А.В. Самсоновым, его сподвижник полковник А.Крымов сказал: «Александр Васильевич был благородный человек, каких мало. Чисто русский, отечестволюбивый офицер... он роковым выстрелом взял на себя мужество отвечать за всех».

Вдове погибшего генерала, оставшейся с 15-летним сыном и 12-летней дочерью, была выделена царем пенсия в размере 10 645 рублей в год. Осенью 1915 г. Екатерина Александровна Самсонова ушла на фронт в качестве сестры милосердия; ей удалось отыскать место захоронения мужа. Она перевезла его останки в Россию, в свою родную деревню Акимовку, и похоронила его на погосте Акимовской церкви. А.В. Самсонов непрерывно прослужил в армии 37 лет.

Алтарь Европы

* * *

Через две недели командование отстранило Я.Г. Жилинского от должности.

Яков Григорьевич Жилинский родился 15 марта 1853 г. в дворянской семье, в Рязанской губернии. В армии с 1873 г. Окончил Николаевское кавалерийское училище и Академию Генштаба. Принимал участие в изучении зарубежных государств, результатом чего явились многочисленные печатные труды, в большинстве не подлежавшие оглашению.

Во время испано-американской войны 1898 г. находился на Кубе. О своих наблюдениях представил интересный и подробный отчет, в котором представил полную картину войны с выяснением причин поражений и неудач испанской армии. Во время русско-японской войны до октября 1904 г. был начальником полевого штаба главнокомандующего вооруженными силами и наместника на Дальнем Востоке.

С 5 января 1905 г. состоял в распоряжении военного министра. Командовал 14-й кавалерийской дивизией, 10-м армейским корпусом. В 1910 г. удостоен звания генерала от кавалерии. Благодаря придворным связям, несмотря на отсутствие боевого опыта и военного кругозора, с 22 февраля 1911 г. стал начальником Генерального штаба, а с 4 марта 1914 г. – командующим войсками Варшавского военного округа и Варшавским генерал-губернатором.

С началом войны назначен Главнокомандующим армиями Северо-Западного Фронта. По итогам боев в Восточной Пруссии снят с поста Главнокомандующего фронтом и генерал-губернатора, переведен в распоряжение военного министра. В 1915–1916 гг. представлял русское командование в Союзном совете во Франции. Осенью 1916 г. отозван в Россию и 19 сентября 1917 г. уволен со службы с мундиром и пенсией. Награжден орденами Святого Станислава 2-й и 3-й ст., Святой Анны 2-й и 3-й ст., 1 ст. с мечами, 4-мя орденами Святого Владимира 2-й, 3-й и 4-й ст., Святого Станислава 1-й ст. с мечами, орденом Белого орла.

За службу в Генштабе удостоен ордена Святого Александра Невского. После Октябрьской революции пытался выехать за границу, но был арестован и в возрасте 65 лет расстрелян.

* * *

Стратегические цели союзников были достигнуты: немцы перебросили в Восточную Пруссию часть сил, ослабив свой натиск на Францию. Так жертвенная судьба генерала А.В. Самсонова и спасение Франции оказались тесно связанными между собой.

Алтарь Европы

После Гумбиннен-Гольдапского сражения А.П. Шахов посчитал возможным направить новое письмо лорду Соунсвиль. «Армия Ренненкампа без нашего участия стоит, – рассуждал он. – Жилинский никак не может изменить сложившуюся ситуацию, армия Самсонова потерпела поражение. В тяжелейших условиях, ослабляя фронт, Россия идет на поводу союзников, помогая им всеми силами. Таким образом, вполне можно написать, что «наши усилия» не пропали даром. «А там пусть думают, что хотят, чьими усилиями, но факты – вещь упрямая».

«Сэр, – писал Шахов в шифровке, – ситуация становится управляемой. Подробности читайте в европейской прессе».

* * *

В один из трагических дней сентября 1914 г. в селе Озёры в электро-театре в пользу воинов Русской действующей Армии и их семейств устраивался литературно-вокальный вечер при участии хора под управлением М.Ф. Щербакова. По окончании концерта планировались танцы. В программу вечера входила музыка П. Чайковского, Ф. Мендельсона, А.Г. Рубинштейна и других известных композиторов.

В каждой части огромной России были свои особенности. Этим она интересна. Казалось бы, чем может быть примечательна незамысловатая и простая и тяжелая жизнь крестьян? Ан-нет, она притягивает к себе внимание стороннего наблюдателя, особенно если учесть, что начало XX века – это время пробуждения русской деревни. Время, когда русский мужик стремился освободиться от своего холопского прошлого, а на свет нарождались новые поколения крестьян – поколения свободных собственников, производителей – опора Российского государства – и пробуждалось движение к гордому будущему Великой России.

В городе происходили свои мощные тектонические движения, которые способны были материализоваться вместе с сельским хозяйством в появление одного из самых передовых государств в мире.

Это было начало – период, самый трудный. Людям приходилось бесповоротно отбрасывать груз старых традиций, еще не обретя будущего, когда многие, но каждый по-своему, не понимали и хотели новшеств, держались за то, что они уже имели. Крупные землевладельцы боялись потерять свои права и лишиться огромных прибылей, не требовавших от них больших усилий. Обедневшие крестьяне не хотели перестраивать свои хозяйства на новый лад, так как ленились и предпочитали жить впроголодь, кое-как организуя свои хозяйства. Однако, успехи своих богатых соседей не могли их не волновать, поэтому взаимная неприязнь между хуторянами и

Алтарь Европы

обычными общинниками перерастала в ненависть — взаимные оскорбления и мордобой. Ненависть бедняков в их безысходном безделье и пьянстве доводила их до поджогов домов и хозяйственных построек местных богачей, которые, казалось бы, совсем недавно жили жизнью, мало отличавшейся от жизни остальных.

Война задела всех за живое, но не сломила народных стремлений. Все равно русский мужик шаг за шагом приближался к своей Судьбе, не ропща на нее за уготованный ему тернистый путь, а благодаря Господу Богу и Святым Угодникам за то, что они осветили этот путь Всевидящим оком и Святым словом.

* * *

В то лето 1914 г. о войне ни кто не думал, мужики не ждали катаклизмов, а стремились не упустить время и скорее добиться своих желанных целей и судьба благоволила к промыслу наших компаньонов. Все у них ладилось, как и было задумано: и деньги нашлись, и мужики с охотой шли к ним на заработки, не уезжая из села. Особенно всех радовало то, что скоро и их село получит небольшую, но все же речку.

Младший Некитаев пребывал на седьмом небе от сознания того, что у него появился доход, не требующий от него никаких усилий. Его не покидала радостная мысль вечно пьяного придурка, что теперь он уж точно выиграет в карты кучу денег и на них, наконец-то, уедет в Париж, подальше от российского хамства и жизненного неустройства. Бог ему судья, а нам такие персонажи неинтересны.

Иное дело веселый, деловой и вороватый Митяй из Сенниц. В тот раз он, как и обещал, в назначенное время явился к Евстафию Кузьмичу с гостинцами, собрал все, что хотел из того, что мог. Василиса была без ума от нового знакомца Евстафия Кузьмича. Своей обходительностью Митяй очаровал ее бесповоротно, и всколыхнул радостную мысль: уж не его ли присмотрел Кузьмич, когда обещал Анюте найти ей жениха?

Анюте Митяй понравился сразу, и она тоже с надеждой вспомнила обещание отца. От смущения не знала, куда спрятать глаза, особенно когда встречались их мимолетные осторожные взгляды. Судя по всему и Митяй догадался о хитрости Кузьмича. Выходило, что все понимали, но никто не подавал виду о своих мыслях. Деловой визит Митяя быстро перерос в веселые посиделки, так как договориться им удалось сразу и обо всем, а расходиться никому не хотелось.

Тем не менее вечерело. Гость и хозяйева стали радушно прощаться. Все были озабочены одной мыслью: ну и что, вот так и расстанемся? Когда

Алтарь Европы

Митяй уже почти вышел за ворота, Василиса и Анюта не сговариваясь с надеждой ожидания смотрели на Евстафия Кузьмича.

– Да, Анюта, – встрепенулся тот, – Митяй забыл картуз, отнеси-ка ему быстренько, покуда он не уехал, – в руках у него невесть откуда оказался картуз Митяя, который Анюта почти вырвала у отца и умчалась за ворота.

Родители молча вошли в избу и сели за стол. Василиса вопреки своей традиции не спешила начать уборку со стола, да и Кузьмич сидел в задумчивости. Когда Анюта вернулась, было очевидно, что она пробыла за воротами больше времени, чем требовалось ей для дела. А вскорости родители стали замечать, что она все чаще и чаще стала запаздывать вечерами, а подружки недоумевали, куда она исчезает, не говоря никому ни слова.

К концу осени ситуация начала проясняться, особенно когда вечерами из Анютиной светлицы стали доноситься старые свадебные песни, о которых в народе почти уже забыли. А однажды Василиса обнаружила под матрацем Анюты сборник старых обрядовых песен, составленный известным в ту пору профессором–фольклористом Московского университета Г.Ю. Угловым и изданный типографией Сытина. В книжке была закладка. Василиса открыла книгу и прочитала:

Не слыхала душа-девиться,
Опустились руки белыя,
Как бояра на двор въехали,
Наклонилась головушка,
Поезжана на широкий двор,
Во слезах-то слово молвила:
Только узрела, увидела,
«Вон идет разоритель мой,
Как князь-то вошел в горницу,
Вон идет погубитель мой,
Первобрачный во светлую...
Вон идет расплести руссу косу,
Она увидела, заплакала,
Вон идет погубить красоту!»
Подломились ноги резвыя,

Василису охватило радостное волнение, она даже всплакнула. «Вот и наша Анюта заневестилась». – Подумалось ей. А на Крещение Митяй прислал сватов, сговорились быстро и на Красную горку сыграли шумную свадьбу. Шафером на которой был сам М.Ф. Щербаков. Сыграли по всем правилам, не нарушая традиции. Венчал молодых отец Николай – настоятель озерской Введенской церкви, который не побрезговал и принял приглашение шафера на трапезу в честь молодых. Свадьба удалась на славу, даже отче чуть не пустился в пляс вслед за разгулявшимся Щербаковым, когда тот запел:

Эх, сыпь, Семён,
Да подсыпай, Семён.

Алтарь Европы

У тебя, Семён,
Брюки клешь-галифе.

И прыгнул вприсядку в круг разгоряченных плясунов. Когда все уже изрядно выпили, то можно было порой услышать сквозь шум голос отца Николая: «Ну, братия, по единой». А собираясь к отъезду он молвил:

– Славненько посидели. Давно я так не гулял. Последний раз, пожалуй, у князя Парастая на Кавказе, но у того не было таких пирогов, осетинские пироги с сыром, конечно вкусны., но наши со стерлядью и юшкой или с ливером да жареным луком на нутренном жиру! Куда там ихним всяким пирогам и чебурекам!

Когда отгуляли свадьбу, молодые уехали в Сенницы, где вскоре Митяй начал ставить новый пятистенок с двумя сенями, светелкой, большой верандой и просторным подвалом. А семья Евстафия Кузьмича продолжала жить своей жизнью. Михаил целыми днями с отцом и Афанасием пропадал на ручье и мельнице. Время от времени на несколько дней он уезжал в деревню Борхино, что на речке Осетре к знакомому мельнику и работал у него помощником, осваивая мельничное ремесло.

Сергей с охотой служил в пожарной дружине Щербакова. Он так увлекся работой, что, побывав несколько раз на пожарах, стал проситься у брандмейстера перевести его в простые пожарные. Щербаков обещал, но только после того, как он наладит делопроизводство и обучит этой работе молодого помощника. Каждый выходной Сергей спешил в Речки – скучал по дому, и отцу с братом помочь требовалось.

Июль 1914 года ушел на наладку оборудования и пробные обмолоты, готовились 1 августа запустить производство. Кузьмич предупреждал всех: «Просеивайте муку через сито, диски еще новые и не обтертые, потому от них в муку попадают крошки. И чтобы без претензий». Мужики из соседних сел уже начали записываться на очередь, а Кузьмич и Афанасий прикидывали предстоящие барыши, на круг по-минимальному получалось столько, что компаньонам и не снилось. Только поворачивайся и моли Бога, чтобы ничего не случилось.

На утро 1 августа был приглашен батюшка для освящения мельницы. Готовились к этому дню как к большому престольному празднику. Однако, этот праздник оказался омраченным большой политикой, активной участницей которой оказалась Россия.

Алтарь Европы

*Начало ноября 1916 г.,
юг Англии, замок лорда сэра Оливера Соунсвиля*

Война все больше и больше затягивала Россию и Германию в бучило бойни, взаимного уничтожения и выматывания сил. В русской армии стала расхожей фраза: «союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». Это было не совсем так. Разгром России Германией не был предусмотрен вершителями мировой политики, так как в этом случае за Германией сохранялась возможность претензий в послевоенном устройстве мира, а Англия и Франция самостоятельно готовились диктовать свои условия, невзирая на потребности других государств и концепцию «баланса сил». Только такой расклад, особенно с переходом военной инициативы к Антанте, после «верденской неудачи» Германии мог привести к «балансу сил» в Европе, как он понимался союзниками.

В этих условиях лорд Оливер Соунсвиль провел собеседование со своими «друзьями» о целесообразности очередной встречи, но в ограниченном представителями Антанты составе и при желательном участии Америки. Приглашение лиц из германского блока было признано «самоубийством», а барону фон Вольфу рекомендовалось организовать локальное совещание участников конференции «круглого стола» – их «друзей» из германского блока. Фон Вольф аж подпрыгнул от негодования, получив такое предложение. «Они продолжают держать меня за болванчикаю. И, принимая свои решения, в то же время, желают знать наши стратегические планы. Это же полное неуважение наших прав, как членов «круглого стола», и начало диктата в европейской политике. Тоже мне охотники на лис». Он ответил отказом, сославшись на то, что сейчас не время для академических дискуссий, но когда война будет двигаться к мирным переговорам, полезно будет провести хотя бы челночные консультации со всеми участниками «круглого стола».

Таким образом, на этот раз в Соунсвиле сэр Оливер принимал князя Александра Петровича Шахова, графа Огюста де Жермена, мистера Майкла Брэда из Америки – одного из руководителей уолстритского сообщества банкиров, и графа Камиллоде Кончили, сменившего скончавшегося к тому времени графа Энрико де Пенченцио. На сей раз встреча была обставлена как открытие первого зала музея – собрание старинной литературы. Были приглашены высокопоставленные гости из Англии. А накануне состоялось обсуждение запланированных вопросов. Сэр Оливер заранее просил князя А.П. Шахова сделать обзор социально-политического положения России.

Алтарь Европы

* * *

Александр Петрович Шахов принадлежал к старинному и знатному роду князей Шаховских. Их праотцом был Глеб Васильевич Ярославский по прозвищу «Шах». Отсюда, видимо, и фамилия Александра Петровича, чья линия среди князей Шаховских была младшей и малозаметной, хотя ее представители всегда верой и правдой служили царю и отечеству, за что все они имели полную меру заслуг и наград, а, вместе с ними и имений. Князья Шаховские–Шаховы долго служили Ивану Васильевичу IV, а один из них был даже воеводой в Сибири. При Алексее Михайловиче и царевне Софье были среди них и окольные, и стольники. А вот Григорий Петрович Шаховской настолько был привязан к Ивану Грозному, что в смутное время отказался признать царем Василия Шуйского, за что был отправлен на окраину российских земель в Путивль воеводой. Но и там он не успокоился.

В Путивле распустил слух, что царевич Дмитрий жив. После чего собрал двенадцать тысяч беглых крестьян, посадских людишек, стрельцов и казаков, а его единомышленник князь Телятевский дал ему своего бойкого холопа Ивана Болотникова и отправили их в Москву воевать против Шуйских, но под Москвой Болотников со своим воинством потерпел поражение, отступил до Тулы, где его войско окончательно было разбито.

Другие представители князей Шаховских в подобных позорных занятиях замечены не были. Их женщины приглядывали за хозяйством и предавались наслаждениям, мужчины несли службу и воевали.

Примерно служил и воевал и Александр Петрович. Он участвовал в турецких войнах. После ранения А.Н. Куропаткина – начальника штаба генерала Скобелева, 12 января 1878 г. на Шметлийском перевале, его место занял граф Ф.Э. Келлер, а Александр Петрович, служил при нем. Когда подоспело перемирие, Келлер был назначен в комиссию по размежеванию турецкой и русской армии от Черного до Мраморного морей. Перед отъездом из штаба он вызвал к себе Шахова.

– Александр Петрович! – Я получил депешу из Петербурга, в коей сообщается, что Вы удостоены Георгиевского креста, а специальный курьер из Софии привез Вам болгарскую награду – золотое оружие.

– Благодарю Вас, господин генерал.

– Александр Петрович, поздравляю Вас, и давайте без церемоний, мы же родственники.

Присаживайтесь, у меня есть к Вам сугубо конфиденциальный разговор. Ваши годы таковы, что пора делать свою карьеру и становиться самостоятельным человеком.

– Я весь внимания Федор Эдуардович.

– Так вот, – ко мне обратился из нашего Министерства обороны один очень важный чин и мой давнишний друг с секретной просьбой

Алтарь Европы

рекомендовать к нему на службу надежного офицера, грамотного и культурного человека, владеющего языками и умеющего скрывать государственные тайны. Я бы сказал – сверхсекреты, оглашение которых может привести к ненужным переменам в мировой дипломатической жизни. – Келлер внимательно посмотрел в лицо князя Шахова. Оно приняло напряженно непроницаемый вид, но было очевидно, что Александр Петрович слушает с большим вниманием и пониманием, что подобные разговоры случаются не часто и от них зависит будущее того, к кому они обращены. – Я изучил дела нескольких боевых и заслуженных офицеров и пришел к заключению, что Вы превосходите их на много порядков, к тому же далеки от придворных интриг и сомнительных связей. Если Вы примите наше предложение, Ваша жизнь резко изменится. Вы останетесь на виду в свете, но, если так можно сказать, никто не будет видеть Вашего внутреннего мира. Жизнь Европы развивается таким образом, что через 20–30 лет она неузнаваемо изменится, и Россия должна будет занять в ней достойное место, когда никто не посмеет указывать ей, как поступать в той или иной ситуации. Вы будете уже немолодым человеком, но дороги назад для Вас и тогда не будет. – Что Вы на все это скажите?

– Федор Эдуардович! Предложение неожиданное и слишком серьезное, чтобы можно было ответить на него не подумав. Я догадываюсь, о чем идет речь, и должен для себя понять: способен ли я на возлагаемую на меня миссию? И вопрос к Вам, Федор Эдуардович: во имя чего эта служба?

– Что ж, прекрасный ответ и нужный вопрос. Я еще раз убеждаюсь, что не ошибся в вас. Подумать у Вас обо всем время будет, пока Вы будете добираться до Петербурга. Во имя чего служба? Что бы Вам ни предстояло делать, никогда не сомневайтесь – это во имя Отечества. Руководить Вами будут умные и преданные Отечеству люди, далекие от политической трескотни и суетности. Они уже давно и всерьез заняты нужными делами, которые часто приходится делать в условиях строгой секретности, а порой и под страхом смерти.

Я выхлопотал для Вас две недели отпуска, не считая дороги, успеете заехать к родителям, проведать их. Они сейчас, я слышал, живут в имении в Коломенском уезде. Заодно, не откажите в любезности, по дороге проведать и мою супругу и Вашу родственницу Марию Александровну Шаховскую в Сенницах. Помнится, у Вас всегда были с ней добрые отношения. Заодно передадите ей мое письмо и небольшую коллекцию старинного турецкого оружия. Возиться мне с ним на Балканах становится не досуг, а коллекция эта мне дорога, и собираю я ее давно по крупицам.

Так князь А.П. Шахов попал на службу в Министерство обороны Российской империи в специальное и секретное управление, о характере

Алтарь Европы

работы которого никто ничего не знал. Впрочем, так было принято, что лишняя информация не уходила из стен и других управлений, а секретности на всех хватало. Официально его существование прикрывалось координацией деятельности Минобороны, Мининдел и еще двух-трех министерств, связанных с внешними сношениями Российской империи.

Все сотрудники отдела, которым предстояло руководить А.П. Шахову, были назначены именным указом императора, а всем служащим империи предписывалось оказывать им всемерную поддержку в делах их и просьбах. Даже Министр не все знал, а только догадывался о секретных целях управления и старался не вмешиваться в его работу. Поэтому, когда Александр Петрович в прошлый раз по дороге в Соунсвиль получил в Париже предписание срочно вернуться в Петербург, он понял, что произошло нечто неожиданное. Прежде он решил, что на самом верху власти случилось нечто вроде резкого поворота во внешней политике, но все газеты молчали. Не хотелось думать, но приходилось – неужели война? Он знал, что война неизбежна, знал также, что ни в этом, ни в следующем году войны быть не может. Связаться со своим начальством он не мог, так как тот уже две недели был в Константинополе и вел тяжелейшие секретные переговоры с султаном. Может кто-то, чего-то пронюхал и тогда... – подумал он, – хотя все равно потом отпустят. «Значит, – решил он, – личное повеление императора». Это не утешало, а вызывало массу других вопросов.

Однако В.А. Сухомлинов встретил Александра Петровича, как всегда слащаво– радушно. Поинтересовался, как тот прокатился по Европе, успел ли хоть немного отдохнуть в поезде, спросил, какие у него впечатления от Европы.

– Владимир Александрович! – прервал его князь, – что случилось? Почему моя поездка была так неожиданно прервана? Вы же знали, куда и зачем я еду? Я теряюсь в догадках. Знает ли об этом начальник управления?

–А Вы знаете, дорогой князь, ничего не случилось. И, слава Богу, но могло случиться, если бы Вы успели добраться до Соунсвиля. Ко мне пробился один шустрый журналист и полчаса вытряхивал душу о положении в Европе. Что да как? По его вопросам я понял, что он, что-то пронюхал о Вашей миссии. Намекал на скандал. А зачем нам сейчас нужен скандал?

– Как «пронюхал», что-то? О моей поездке знали Вы и начальник управления. Его сейчас в Петербурге нет, я в дороге.

– Господин генерал, – пряча глаза и уже без улыбки, явно нервничая, – неужели Вы думаете, что это я ему проговорился?

– Я не предполагаю, а пытаюсь размышлять. Дело в том, что ни Император, ни глава Правительства теперь не получают из первых рук

Алтарь Европы

стратегической информации, в лучшем случае до них дойдет суррогат об итогах этой встречи.

– Ну, будет, будет Вам, Александр Петрович все не так страшно, как Вам кажется. Я готовлю годовой отчет, потрудитесь заполнить Ваш раздел, а то Ваш начальник неизвестно когда вернется. – Он посмотрел в окно, мечтательно вздохнул: Ох! Стамбул, Стамбул! Там сейчас солнце, тепло, море.

– Я могу идти, господин Министр?

– Идите, дорогой князь, и с отчетом не тяните.

«Вот сволочь, – подумал Шахов, выходя из кабинета, – в Стамбул его потянуло на солнышко и море. Оказывается, он скандала испугался. От страха забыл, что официальная справка для прессы лежит у него на столе, а наш отчет давно сдан в установленном порядке. Какой вывод из этого может быть? Кому-то явно не хотелось, чтобы я принял участие в Соунсвиле. Кому?»

* * *

– Дорогие друзья, – начал утреннее заседание лорд сэра Оливер Соунсвилль, – благодарю, что вы нашли время приехать для нашей встречи. Я вижу в этом факт важности нашего общения.

Но прежде хотел бы вас просить почтить память нашего большого друга из Италии графа Энрико–Петруччио де Пенченцио, недавно скончавшегося после продолжительной болезни.

Все встали и молча почтили графа.

– Он был крупнейшим борцом за наши идеалы и сделал очень много для их воплощения в жизнь. Вряд ли мир узнает когда о его вкладе в дело процветания Европы и свободы. Мы должны гордиться, что нам повезло общаться с ним и учиться у него.

Теперь перейдем к нашей повестке. Общестратегическая ситуация в Европе и положение на фронтах, думаю, хорошо всем известна. Не будем отдельно касаться ее. Напомню, когда мы встречались в декабре 1913 г., то поставили вопрос о необходимости поддержания «баланса сил» в Европе во имя совместного процветания и прогресса. Мы пришли к заключению, что многие из правящих кругов России стремятся настроить ее экономическую политику, не соответствующую европейским среднестатистическим темпам развития наших государств, что ведет в будущем к ее доминированию в Европе. И то и другое было признано недопустимым.

Я обратился к князю Александру Петровичу с просьбой рассказать нам об экономическом и социально-политическом положении России в настоящее время. Для нас эта информация важна тем, чтобы не ошибиться в сроках

Алтарь Европы

очередного раунда борьбы и не опоздать к принятию требуемых мер. Дорогой князь, Вам слово.

– Спасибо, друзья, за честь и доверие. Однако доклад будет несколько сумбурным, так как я не писал специального текста, везти его через несколько границ воюющей Европы да еще под вымышленным именем американского журналиста – дело не безопасное. К тому же недавно меня еще привлекали по делу о «шпионаже». Только вмешательство императора позволило выкрутиться из этого положения. Как «журналист» некоторые блокнотные записи и цифры я все же взял. И второе, сделать обзор по всей России представляется делом малоперспективным. Во всех регионах ситуация отличается. В основном я буду опираться на данные Центрального промышленного района, то есть на Московскую губернию и Москву. Этот материал интересен тем, что положение в Подмоскovie является своеобразным барометром общего состояния экономики России на неоккупированных противником территориях. И третье, я хочу показать Россию в контексте столыпинской программы ее развития. Хотя она официально отменена, важно увидеть, расстроила война планы реформаторов или нет, т.к. фактически по ряду направлений продолжает действовать.

Россия переживала перемены уже с конца XIX – начала XX вв. во времена, когда правительство возглавлял Сергей Юлиевич Витте. П.А. Столыпин предбл реформам системный характер. В результате этого развитие производства стало настолько интенсивным, что основной заботой наших промышленников стал постоянный поиск дополнительных инвестиций даже в годы войны. Отсюда первый вывод: война несколько снизила темпы развития, но не уничтожила промышленность. Общие потери промышленности достигли всего 20% от довоенной. Значительный урон промышленность понесла из-за нарушения инфраструктуры и управления. Особую роль в расстройстве промышленности играет хаос на транспорте. Но здесь опять требуется оговорка – транспорт, связь, взаимодействие отдельных территорий и предприятий оказались нарушенными не только и не столько из-за войны, но в силу неспособности правительства и нежелания некоторых деятелей после П.А. Столыпина по-новому управлять экономикой огромной страны.

После войны России, как и другим воюющим странам, придется пережить кризис, который будет естественным и краткосрочным. Он займет столько времени, сколько потребуется для перестройки экономики с обслуживания армии на мирный лад. По подсчетам специалистов, это займет два-три года.

Что из этого выйдет, сейчас сказать трудно, но если последователи Столыпина объединятся и смогут оказывать влияние на правительство, то его

Алтарь Европы

реформы будут продолжены и за десять-пятнадцать лет в России завершится индустриализация.

Участники слушали и не верили ушам своим. Они были готовы услышать доклад о бедах и крахе экономики России, а услышали полный оптимизма доклад, как Россия продолжит свое шествие на рубежи мировых держав. Казалось, князь либо издевается, либо просто смеется над ними и их стратегией.

– Теперь о сельском хозяйстве, на которое Столыпин делал ставку как на основную отрасль формирования производителя среднего класса в России вообще. Господа! Может показаться парадоксальным, но война не только не нарушила этот порядок вещей, но она стимулировала эти процессы.

Слушатели молча, но явно вопросительно, медленно, как бы невзначай, переглянулись. Каждый подумал: «Что-то я никак не могу понять, а Вы понимаете?» Действительно было странно слышать князя Шахова – война, как она задумана, должна была остановить Россию, а она вроде как наоборот – «стимулировала» ее движение дальше. Оглянувшись еще раз, все вновь уставились на докладчика.

– Казалось бы, с оттоком мужских рабочих рук из деревни и расстройством транспортно-торговых возможностей деревня должна замереть. За истекшие годы в России было мобилизовано более 15 млн. человек, то есть всего около 9%. Но оставшиеся нашли средство их компенсации: рабочую скотину. И, когда деревня адаптировалась к условиям войны, в 1916 г. обозначился резкий рост молодняка. Лошадиное стадо выросло более чем на 13 % и превысило довоенный уровень. Явный рост отслеживается среди коров, овец, свиней и коз.

Рост поголовья тягловой скотины, уменьшение и сокращение их реквизиции в пользу армии привели к быстрому восстановлению и росту посевных площадей. Уже в 1915 г. в среднем по московской губернии он вырос в 2,2 % процента. При этом не учитываются площади посевных трав, которые росли и до войны, они продолжали расти и в 1914, и в 1915 гг. К настоящему году их площадь удвоилась.

У меня недавно состоялся разговор с известным в России экономистом Чаяновым. Он подсчитал, что в Московской губернии отмечена положительная динамика целого ряда основных сельхоз-показателей, а на признаки продовольственного кризиса деревня ответила колоссальным ростом сбытовой кооперации. А вот куда деваются продукты в городе, он не знает, так как это вопрос уже не экономический, а политический и требующий особого изучения.

Александр Петрович по вопросам сельского хозяйства часто заглядывал в свою записную книжку, так как все цифры на память он знать не мог. При

Алтарь Европы

этом он не просто последовательно зачитывал их, а как бы выбирал наиболее яркие, характерные и требующиеся в данном разговоре. Слушатели невольно вслед за ним тянули свои взгляды к его записям в нервном ожидании, чего еще он усмотрит там такого «новенького» для них.

– Важно отметить, что неожиданно для военного времени продолжался процесс землеустройства и перехода от экстенсивных форм хозяйствования к новой сложной агротехнике. Это особенно примечательно, так как до войны все эти проблемы решались с большим трудом. Ни война, ни смута не перечеркнули результатов столыпинского землеустройства. А вот царь сам взял и отменил его реформы.

В Петербурге, Москве, других крупных городах создалась противоречивая ситуация: на фоне стабильных и даже растущих индексов производства в городах нарастает стихийная волна всеобщего недовольства. Рабочие бастуют, их жены и городская голытьба митингуют, громят магазины. Нарастает продовольственный, топливный и транспортный кризис. Падают заработки рабочих, а цены растут. Появляются карточки на продовольствие. Дума критикует правительство, но оно парализовано. В январе наконец-то И.Л. Горемыкин получил отставку, но его преемники – Б.В. Штюрмер, затем А.Ф. Треплев, а за ним и Н.Д. Голицын не смогли изменить положение.

Возникает несколько вопросов. Первый – продовольственный кризис. Его можно было бы объяснить нарушением транспортных поставок из других губерний, но, к примеру, в московской губернии это повлекло за собой исключительный рост продовольственной кооперации, которая способна решить эту проблему. Но продовольствия в Москве становится меньше. Введены карточки – 200 граммов хлеба в сутки. Введена продрозверстка, а хлеба опять нет.

Еще вопрос: русская армия понесла огромные потери, но в ней растет дезертирство, братание с немцами под лозунгом «Мир народам». Все это происходит в условиях нарастания всеобщего недовольства царем, стремления к его свержению, укрепления ложной веры в то, что устранение Николая II решит сразу все проблемы. Я считаю, что недавнее убийство Г.Е. Распутина – это один из шагов к устранению Николая II. Хотя о каком сепаратном мире идет речь? Как я знаю, ставка верховного главнокомандующего разрабатывает план широкомасштабного наступления. И смею заметить, господа, такие генералы как М.В. Алексеев свое дело знают.

А.П. Шахов всеми силами стремился докладывать без эмоций, ровным голосом, чтобы слушатели верили в объективность его слов и не поняли, какова же его действительная личная оценка происходящего в России.

Алтарь Европы

– Что характерно, господа, все убеждены, что во всем виноват царь, – продолжал он. – Но мало кто обвиняет в бездействии правительство, Думу, в конце концов, Прогрессивный блок с его Некрасовыми, Гучковыми, Львовыми, Терещенками, Чхеидзами и прочими, Милюкова, наконец, – апостолы прогрессистов. На это следует обратить внимание. В контексте нашей стратегии и российских ресурсов политики «баланса сил».

Ответ, видимо, надо искать в пропаганде, которая тотально ведется в России, которая давно захлестнула политические круги России и способна привести к разрушению всей общественной жизни. Тот же П.Н. Милюков публично поставил вопрос: «Что это? Глупость или измена?»

Вот на этом мне и хотелось бы закончить свое выступление. Ответ на поставленные вопросы позволит нам принять правильное решение в определении места России в послевоенном устройстве мира.

Господа, мое время практически исчерпано, но я обещаю интересующимся в перерыве privately ответить на вопросы. Все настороженно обратили свои взгляды на сэра Соунсвиля и подумали о заявлении Милюкова. К чему докладчик привел его слова? Как-то они неоднозначно прозвучали из уст Шахова. Было непонятно, к чему он клонит, складывалось впечатление, что он озабочен последними событиями в России, но с другой стороны, его доклад был похож на стремление к объективности, что очень важно для выработки требуемой стратегии.

– Большое спасибо, дорогой князь, – после некоторой паузы в задумчивости произнес лорд Соунсвиль. – Все мы услышали много такого, чего не ожидали услышать. Сказанное Вами заставляет нас внести серьезные коррективы в нашу стратегию. Вместе с этим Вы ничего не сказали о состоянии русской армии, а без этого образ России остается не полным.

– Я готов и постараюсь быть кратким, – А.П. Шахов полистал свою книжку и начал с того, что до недавнего времени армия находилась в состоянии всеобщего патриотического подъема, а сегодня вся Россия переполнена слухами о шпионаже и предательстве в высших эшелонах власти. – Хотя это все, думаю, выдумки господина Милюкова и таких, как он. Фактически, все это пустые разговоры, – резюмировал он. – Процесс над Мясоедовым С.Н. эти слухи не подтвердил, да и дело В.А. Сухомлинова не дает к тому оснований. Сухомлинов и другие наказаны, но не за предательство, а за развал в управлении промышленностью, армией и транспортом. Но списывать все это на Министра, значит сужать проблему. Россию вели к этому давно и, видимо, обдуманно. В России и ее армии с самого начала войны господствовали патриотические настроения, но они слабели под грузом неудач, а главное – гнусной революционной пропаганды о прекращении войны. В армии последнее время получили распространение

Алтарь Европы

пораженческие настроения большевиков, которые все больше овладевают массами и которых называют действительными предателями. Все разглагольствуют на счет того, чтобы превратить, как они говорят «братоубийственную» войну в гражданскую войну против своего правительства. Как они хотят это сделать, не знаю?

Думаю, наибольшую возможность оказывать влияние на общественное мнение сейчас имеют либералы. Прежде всего, кадеты, и прочие. В Думе они создали так называемый Прогрессивный блок, в котором выделяется «масонское объединение». В армии – «военное масонство». В сущности – это не то классическое масонство, оно усыплено в начале века, а надпартийное политическое масонство. Среди них личности приметные, скажем Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский и другие. Однако В.В. Шульгин считает, что ими руководит Василий Маклаков. Того же М.В. Алексеева некоторые тоже считают масоном. Они ради своих идей готовы переступить через рамки своих партий и ради единства действий готовы вести надпартийную пропаганду. Не исключаю, что их роль в агитации за отречение царя значительная.

– Сухомлинова и масонов, – подумал про себя сэр Оливер, – это он напрасно упомянул. Их позиция во многом помогает достижению наших целей. Не ведет ли господин Шахов двойной игры? Хотя во всей Европе его имя известно, как прогрессивного, вдумчивого и исключительного тонкого политика. И все же надо его еще раз проверить по каналам Ватикана.

– В отличие от радикалов они стремятся «мягко» привести дело к отречению императора и сформировать свое правительство, намерены вести войну до победного конца и боятся, что Николай II опередит их и заключит с немцами сепаратный мир. Хотя, как мне известно, Николай II не собирается замиряться с немцами, так как ресурсов у армии хватает на успешное продолжение войны, но при условии наведения порядка в стране и армии.

– Ох, уж эти русские, – подумал про себя мистер Майкл Брэд, – любят они крайности: одним только мир подавай, другим – только победу. Кому это нужно, и кто это допустит? Кто бы там не победил, он на послевоенной конференции будет не нужен со своими амбициями. «Мягкая революция» – это хорошо, так как порядка она все равно не наведет, но заставит их быть стоворчивыми. Вот здесь и кредиты будут кстати. Так что, господа русские, ваше дело колотиться с германцами пока вас не остановят.

– В каком состоянии находятся ресурсы армии? – продолжал А.П. Шахов. – Она явно отстает от германской по количеству самолетов и тяжелой артиллерии, хотя их абсолютный рост за годы войны составляет 47 %. К тому же зарубежные поставки по тем же самолетам очень поддерживают русскую армию. В начале войны Россия имела, видимо, большее количество

Алтарь Европы

самолетов, чем другие страны, но сейчас и в Англии, и во Франции их выпускается значительно больше. Германия, по некоторым подсчетам, опережает Россию более чем в 4 раза. Однако я не склонен преувеличивать силы Германии, наделять ее генералитет исключительными способностями.

– То-то же, – подумал Майкл Брэд, – а то собрались воевать до победы. Пора уже союзников звать на помощь.

А.П. Шахов поднял глаза от записей: «Авиация, – сказал он, – это не главное. Главное пехота и полевая артиллерия. – И снова порылся в записях. – Военные нужды России обслуживает 2300 предприятий, на которых трудится почти 2 миллиона рабочих, а производство вооружения за годы войны выросло на 230 %. Но и при таком росте оно отстает от потребностей армии. В декабре 1916 г. выпущено более 120 тыс. винтовок и пулеметов, патронов к ним произведено в достатке. В 1916 г. фронт получил 7238 полевых пушек 74 миллиметрового калибра, обеспеченных снарядами. В дополнение к этому заводы произвели почти 12 с половиной миллионов бомбометов и минометов.

Граф Огюст де Жермен растерянно посмотрел по сторонам, как бы ища глазами что-то. Его лицо покраснелось и покрылось испариной. Он вынул из кармана платок, промокнул лоб, щеки, под носом. Сэр Оливер шепнул что-то Смигу, тот встал, налил воды в стакан на приставном столике и подал его графу, при этом приблизился к его уху.

– Вам плохо граф? – тихо спросил он, – может подать лекарство?

– Спасибо, Смит, просто очень душно.

– Я прикажу открыть дверь.

– Спасибо, Смит.

Смит вышел в сигарную комнату и распорядился приоткрыть здесь и в каминной зале окна, а также двери из них в залу заседаний. Приказал начальнику охраны всех посторонних убрать, оставить только по одному охраннику у каждой двери. Вернулся на место, и вскоре почувствовалось легкое веяние свежего воздуха. Де Жермен посмотрел на Смита и благодарно кивнул ему.

Тем временем князь Шахов закончил доклад.

– Господа, как вы знаете, общепризнано, что под Верденем велась самая интенсивная за годы войны артиллерийская пальба. Так вот если все пушки русской армии поставить по фронту от Балтийского моря до Персии, то они могли бы поддерживать огонь такой интенсивности в течение месяца.

Дорогие друзья! Я бы мог построить свой доклад в духе нынешней прессы, которая не устает возводить в абсолют «отсталость» России и распускать сплетни о «предательстве» в ее армии. Но я вас уважаю и отдаю

Алтарь Европы

отчет о серьезности наших решений, поэтому не считаю возможным дезинформировать вас, как это делают кадеты и их единомышленники.

– Так вот, куда клонит эта лиса Шахов, – осенило графа де Жармен, – наконец-то он проговорился. Фактически он заявил о праве России в послевоенном мире на равных правах отстаивать ее интересы и не рассчитывать на «баланс сил» в ущерб ее планов. Этак они еще додумаются предъявить нам счет за их помощь Франции в тяжелые периоды войны против Германии. Ну, что ж, поживем увидим, что значит выступить против воли ее союзников.

Закончив доклад, Александр Петрович посмотрел на сэра Оливера, который пребывал в подчеркнутой сосредоточенности. «Не понравились Вам, господа, мои слова? А на другое я и не рассчитывал, я вам не девка, что бы нравиться. «Баланс сил» пусть будет «балансом», но не за счет России в вашу пользу, а будем торговать и торговаться».

После секундной паузы лорд Соунсвиль поблагодарил князя Шахова и сообщил дальнейший регламент заседания. Когда он это делал, было очевидно, что он никак не может оторваться от своих внутренних мыслей. Так же в задумчивости он объявил кофе-брейк.

– Какие будут распоряжения, сэр? – обратился к лорду Смит.

– Распорядитесь закрыть окна в сигарной комнате, а здесь открыть, – сухо ответил сэр Оливер и отправился в свой кабинет, – да и скажите гостям, что я сейчас вернусь.

Участники молча прошли в сигарную комнату. Майкл Брэд решительно направился к винному столику, не дожидаясь, когда подадут, сам налил себе виски и, не положив в стакан лед, залпом выпил «дабл», налил еще, положил лед и отошел к камину. Его примеру последовал граф Огюст. Он налил две трети фужера сухого вина, который быстро осушил, второй фужер он взял с подноса подоспевшего подавалы. А.П. Шахов не спеша подошел к окну и стал раскуривать свою шикарную трубку, чубук которой был изготовлен из вишневого корня, а кольцо из золота с черненым орнаментом.

– Ваш кофе, сэр, – услышал он за спиной.

– Поставьте его на столик, – он повернулся вполоборота и спросил, – а коньяк у Вас есть?

– Да, сэр.

– Подайте, если есть, то грузинского двенадцатилетней выдержки.

– Слушаюсь, сэр.

– Где-то я перегнул, – подумал Александр Петрович. – Впредь следует быть мягче. Надо поддержать идею перехода от войны к миру, как ее поставит лорд. Все равно, если нашим правителям потребуется, они поступят по-своему. В конце концов, эта идея в любом виде меньшее зло из всех.

Алтарь Европы

Смягчить возможность перспективы сепаратного мира с Германией, высказать предположение, что дни Николая II, как императора, сочтены. Это утешит всех, хотя неизвестно, если действительно так получится, сможет ли новое правительство вести войну до конца. Жаль, что Николая II приносят в жертву демагогам, хотя это реальный путь сохранить монархию.

Князь Александр Петрович Шахов был загадочной фигурой для многих в правительственных кругах. Смущало то обстоятельство, что он был вхож к Николаю II, поэтому министерская публика побаивалась молчаливого и мрачноватого, не улыбочивого генерала, никто не понимал, что одинокому князю ветерану и герою турецких войн было не до улыбок. Задолго до войны он уже воевал, но его война была особой, и каждый его шаг мог быть повернут его недоброжелателями в сторону обвинений в шпионаже и предательстве. Он надолго мог исчезнуть из столицы, но всегда возвращался как ни в чем не бывало. Задавать вопросы было неприято. Сам Александр Петрович воспринимал себя человеком, мобилизованным пожизненно служить Отечеству. С годами он понял, что результаты его деятельности, его оценки, выводы и рекомендации способны оказать влияние на правительство. Бывало, что от них просто отмахивались как от чудачеств немолодого педанта. А, поскольку действовать чаще всего приходилось самостоятельно, автономно от позиции правительства, то это заставило его поступать не как ему хотелось бы, а самостоятельно искать интерес России, ни с кем не советуясь. Сей груз был не по силам многим, поэтому все чаще он подумывал об отставке. Однако возникали новые проблемы, которые кроме него или без его участия оказывались не решаемыми, и служба его продолжалась. От романтики молодых лет давно не осталось и следа, а груз ответственности постоянно возрастал. Эта ответственность была не перед Николаем II и его правительством, цари и правительства могли меняться, но оставалось Отечество. И выходило, что присягал князь не правителям, а Отечеству. С годами все чаще вспоминался покойный граф Ф.Э. Келлер, его сосредоточенное беспокойство во время их разговора. Теперь то он понимал масштаб деятельности Федора Эдуардовича.

– О чем задумались, князь? – услышал он за спиной.

Александр Петрович повернулся, за его спиной стоял Майкл Брэд.

– Наверное о том же, о чем думают все.

– Вы даже не выпили свой кофе и до коньяку не притронулись.

А.П. Шахов взял коньяк: «Ваше здоровье, мистер Брэд. Вы правы, о коньяке забывать нельзя».

– Вам привет от Президента В. Вильсона.

– Спасибо, мы давно с ним знакомы, еще до того, как он стал президентом, а был всего лишь профессором университета. Человек он

Алтарь Европы

нестандартного и разумного мышления. Таким в жизни приходится не просто. Общество пользуется такими людьми, но, порой, не ценит их, потому как оно прагматично, а господин Вильсон – человек искренний, в чем-то идеалист. Думаю, ему вряд ли удастся реализовать концепцию «мир без победы». Европа полна разговоров о скором визите господина президента в Старый свет.

– Я думаю, нам есть о чем поговорить. Господин Вильсон считает, что Англия и Франция постараются расчлнить и растащить российскую империю. Он же ратует за сохранение ее единой и неделимой. После войны союзнические отношения вероятнее всего претерпят изменения. Германия будет раздавлена, Англия окажется в тисках задолженностей Америки, которая станет финансовым лидером в мире, и для нее такие аналитики, как Вы, будут очень интересны.

Однако хозяин приглашает на заседание. Давайте после ужина встретимся в библиотеке. Кстати, Вы могли бы рассказать мне об этом вашем Григории Распутине? У нас в Америке болтают о нем всякие небылицы и трудно представить его истинное положение при дворе. А личность его, судя по всему не заурядная. Интересно, какое он имеет влияние на принятие решений о войне.

– Давайте встретимся, но имейте в виду, что там стены имеют уши. Хорош гусь, – подумал Александр Петрович, – расскажи ему о Распутине, Сам наверно изучил всю его подноготную. Значит, что-то затевается, если этим америкашкам дело стало до Григория Ефимовича.

Оставшееся перед обедом время ушло на обсуждение вопросов, связанных с возможностью революций в странах Европы. Обсуждение было путанным и потому малоинтересным. Чувствовалось, что сэр Оливер исходил из того, что Англии вряд ли грозит революция, а Франция вполне может избежать ее. Италия только вступила в войну и не претерпела тех потрясений, но она стояла перед реальностью фашизма, от которого еще не знали чего ждать. Мистер Майкл вообще не мог понять, с какой стати Америку может посетить революция? Он настолько верил в американскую демократию и свободу, что считал революцию архаизмом Европы. Поэтому разговор вращался опять же вокруг России и государств германского блока. Здесь участники не могли выработать единой приемлемой программы действий. С одной стороны, перспектива революции в России прельщала всех, но все боялись, будет ли она управляема, и если будет, то кем?

– Мне попал перехват письма графа Ульрих фон Брокдорф-Ранцау из Копенгагена в МИД Германии, где он делится весьма забавными и не лишены смысла соображениями, – сообщил мистер М. Брэд и заглянул в свои записи, процитировал: «Нужно сделать все возможное, – писал

Алтарь Европы

немецкий дипломат, – чтобы в России произошла революция, а поэтому нужно вести «психологическую войну» с целью разрушения коалиции врагов Германии, в которой в данный момент главную роль играет Россия, а это значит, что нужно ликвидировать Восточный фронт». Насколько мне известно, – продолжал мистер М. Брэд, – этот совет не остался в Берлине без внимания. Есть сведения, что уже в конце 1915 г. МИД Германии выделил 20 миллионов золотых рублей на подрывную работу в России, из военной добычи в Польше немцы в январе 1916 г. передали различным революционным группам большие суммы денег. Революционеры, находящиеся в эмиграции, тоже получали деньги для борьбы с царским режимом. Особенно в этот момент немцев заинтересовали самые радикальные из них, а именно большевики. Программа большевистской партии вполне устраивает их генштаб: в условиях воюющей России устроить в ней большую смуту, а именно учредить республику; ликвидировать помещичье землевладение; ввести автономию для всех наций и народностей; заключить мир и вывести все ее войска с занятых позиций в других странах; реализовать лозунг «долой аннексии и контрибуции»; установить восьмичасовой рабочий день и т.д. Есть также сведения, что немцы готовы провезти большую группу русских революционеров-эмигрантов, человек 400–500, через Германию в Швецию и оказать им солидную поддержку в виде денежной помощи через подставных лиц.

Недавно в Нью-Йорке объявился некий Лейба Бронштейн, единомышленники называют его Львом Троцким. В Европе он хорошо известен, в Америке – меньше. Но очевидно, что этот человек достаточно энергичен и слов на ветер не бросает.

– Осенью этого года его выслали из Франции, в декабре из Испании, – сообщил граф О. де Жермен.

– Спасибо граф за информацию, я знаю об этом. Сейчас он объявился в Америке с женой и своими сподвижниками, но намерен вернуться в Россию и произвести там революцию. По некоторым данным Троцкий является еще одним агентом немецкого генштаба, который финансирует его деятельность. Но в Америке он может получить сумму несравнимо большую с немецкими деньгами, если его сочтут фигурой действительно полезной для нашего общего дела.

Мистер М. Брэд умолчал, что в Нью-Йорке Троцкий попал в руки Уильяма Вэйзмана, возглавлявшего английскую резидентуру SYS в Нью-Йорке и, несмотря на возражения британской военно-морской разведки, организовал визу Троцкому для следования через британский порт Галифакс. У. Вэйзман знал, кто такой Троцкий, и игнорировал информацию о его связях с германским генштабом потому, что сам занимался планом

Алтарь Европы

пропагандистской кампании в России. После общения с Вэйзманом Троцкий однозначно заявил в интервью газете «Нью-Йорк Таймс», что он «возражает против сепаратного мира с Германией». Вэйзман сделал заключение: «Троцкий – человек, с которым можно иметь дело». У меня, пожалуй, все, – констатировал Майкл Брэд.

– Спасибо мистер Брэд. У меня есть дополнение к сказанному нашим другом из Америки, – продолжил разговор сэр Оливер. – Если я обладаю достоверной информацией, то все, кого финансирует германский генштаб, позверинуому ненавидят Россию. Я приготовил одну запись разглагольствований Л. Троцкого: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами... Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши умеют ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожат русскую интеллигенцию офицеров, академиков, писателей!...»

Участники конференции «круглого стола» так ни до чего конкретного не договорились, поэтому приняли обтекаемое заключение о необходимости «принятия всех доступных средств цивилизации для установления контроля и сдерживания возможного послевоенного хаоса в России и других странах Европы во имя прогресса и совместного процветания» – лозунг далеко не новый, а потому в целом понятный.

После перерыва заседание прошло в традициях дипломатической любезности, но фактически безразличного равнодушия по поводу послевоенного устройства мира потому, что было очевидно, что править бал при заключении мирных договоров будет Англия и Франция, связанные секретными договорами, протоколами и прочими договоренностями времен войны. Очевидно было и то, что все понимали: ни одно правительство победивших стран не откажется от аннексий и контрибуций, поэтому все стремились избежать прямого обсуждения, так как оно было способно взорвать мыльный пузырь концепции «баланса сил» и совместного процветания.

Сэр Оливер и де Жермен делали акцент на необходимости предоставления кредитов побежденным странам, как средства их контролируемого восстановления и подчинения воле победителей. Мистер

Алтарь Европы

Брэд всячески поддерживал их позицию, так как ради этого он и прибыл в Соунсвилль, и это было делом и интересом США. Что же касается графа де Кончилли, то он, отдавая отчет слабого участия Италии в войне, ограничивался демагогией, что «баланс сил» будет неполным, если не учитывать интересы Италии. Князь Александр Петрович старался избегать пространных рассуждений, так как знал, что сейчас Россия находится перед тяжелейшим выбором: император Николай II стоял на грани отречения, поэтому какой будет политика России, все зависело от того, какие силы придут к власти.

Все сошлись во мнении, что наступил благоприятный момент, когда пора вести дело к окончанию войны, пока кто-нибудь не склонил Германию и Россию к сепаратному миру.

Это решение стало основной последующей выработки союзниками их стратегических планов и удушения России.

К шестнадцати тридцати конференция была завершена. К этому времени, как всегда, успели обсудить и принять резюме, оговорить механизм его применения, после чего участники довольные собой проследовали в сигарную комнату, где их ожидали шикарные кубинские сигары «Золотая корона», напитки и крепкий бразильский кофе, от одного только запаха которого кружилась голова и поднималось настроение. Сэр Оливер по традиции попросил принести ему горячего зеленого чая, заваренного на нежирных сливках.

После выкуренных сигар, выпитого кофе и бодрящих напитков всех пригласили к обеду, который прошел в непринужденной обстановке самоутешения – тостов о важности и гуманности миссии, которую выполняют участники конференции «круглого стола». Даже неулыбчивый и казавшийся всегда серьезно задумчивым Александр Петрович рассказал анекдот о русском крестьянине и немецком гроссбауэре.

– Если немецкий бауэр, – неспешно сделав глоток вина, сказал он, – имеет корову, то его уже считают гроссбауэром (зажиточным крестьянином), но если русский крестьянин имеет одну корову, то его считают бедняком.

Все весело восприняли анекдот, но, пожалуй, каждый подумал: «А как бы отреагировал фон Вольф, будучи он здесь?» Вместо фон Вольфа парировал сэр Оливер.

– Господа, у меня тоже анекдот про Россию и Германию.

Все с удивлением и в веселом ожидании повернули головы в сторону хозяина дома. «Сейчас наверняка расскажет какую-нибудь гадость про Россию» – подумал Александр Петрович.

Алтарь Европы

– Немецкий солдат возвращается из отпуска на фронт, спешит и опаздывает на поезд всего на минуту. Прибегает на перон, поезда нет и народ уже расходится. Он спрашивает у станционного смотрителя:

– А где же поезд?

– Как где? Только, что ушел, вон виден еще «хвост».

– Что же мне теперь делать?

– Вовремя нужно приходиться, молодой человек, война не терпит халатности, во всем должен быть порядок.

Схожая ситуация в России. Когда опоздавший солдатик выбежал на платформу и не увидел ни поезда, ни провожавших, спрашивает у скучающего смотрителя:

– А где же поезд?

– Не спешите, молодой человек, – отвечает он, – поезд еще не приходил и когда будет неизвестно.

– Как же так? Что же мне делать?

– Идите на станцию и ложитесь на скамейку спать. Война... Чего же вы хотите? Кругом беспорядок и разруха, а ты хочешь, чтобы тебе поезд подали во время.

И этот анекдот был оценен по заслугам. Повеселевший мистер Брэд, когда его спросили, а есть ли в Америке анекдоты про войну, не удержался и решил тоже блеснуть чувством юмора.

– Конечно, – ответил он. – Я только не помню конец одного из них про гуманность американского солдата, но смысл в том, что оказались два раненных солдата немец и американец в одной воронке от тяжелого артиллерийского снаряда.

«То, что немец попал под артобстрел, – ехидно подумал сэр Оливер, – это понятно, но вот как там оказался американский солдат – необъяснимо. Ох, уже эти америкашки. Они того и гляди припишут себе и победу в войне.

– Зачем вы стреляете и убиваете друг друга? – спрашивает американец, сын банкира. – Передайте своим, когда мы выберемся отсюда, что не надо этого делать, я готов написать папе и он заплатит всем, кому сколько не хватает... Что ответил немец я не помню.

Все доброжелательно поулыбались, но особого смеха этот анекдот не вызвал. Граф О. де Жермен даже решил съязвить.

– Я думаю, практичный немец должен был спросить: «А под какие проценты Ваш папа заплатит за прекращение войны?»

Вот это дополнение вызвало новый прилив веселья, а мистеру Майклу пришлось смущенно улыбаться в ответ, осознав, что анекдот его с дополнением Огюста де Жермена не лучшим образом характеризует американца с его психологией торговца. «Так тебе и надо, гуманист ты наш с

Алтарь Европы

торгашескими наклонностями», – позлорадствовал граф К. де Кончилли, – а то замучили всех своим гуманизмом.

После анекдота Майкла Брэда уже никому не хотелось больше рассказывать анекдоты, что, впрочем, никому не испортило аппетита.

Следующей переменной шла сочная с кровью, маринованная в красном вине и восточном сборе трав и приправ, жареная на открытом огне, заправленная соусом на оливковом масле, с черносливом и жареным луком, оленья лопатка. Мясо подавалось на листьях каких-то, судя по всему, индийских или латиноамериканских экзотических растений, посыпанное свежайшим молодым укропом и в дополнение с запеченной прямо в кожуре картофелиной, посыпанной солью. С краю лежал молодой бамбук в кисло-сладком соусе. Перед подачей мясо каждому окроплялось каким-то эликсиром и поджигалось. Во время подачи каждый с нетерпением ожидал своей очереди, предвкушая, какое он получит удовольствие, когда раскусит это мясное чудо, насыщенное романтическими соусами.

– Дорогие друзья, – обратился к присутствующим хозяин, – предлагаю на время сосредоточиться исключительно на этом блюде. Оно естся только горячим или очень горячим. В нем и зелень, и картофель, и бамбук из моих собственных теплиц.

Поданное блюдо не разочаровало ожиданий участников. При всем при том, что они были знатоками кулинарных чудес: едали и раньше всякой экзотики предостаточно.

– Любят эти европейцы всякие навороты в своих блюдах, – подумал А.П. Шахов, – научились в своих колониях всяких всякостей. А своего ничего не имеют. Так бы всю жизнь и ели свою овсянку без молока и пили бы ревеневый кисель. Попробовали бы они нашей простой еды в Москве, в «Славянском базаре», под смородиновую настоечку, или баранинки с жирком на косточке из русской печки.

После оленины был подан разнообразный десерт с фруктами и ягодами тоже из теплиц лорда Соунсвиля.

На следующий день в присутствии множества гостей состоялось торжественное открытие музея-библиотеки старинной рыцарской литературы. Библиотека действительно была прекрасной и содержала множество редких и уникальных изданий и рукописей.

– Да, – подумал про себя мистер М. Брэд, – библиотека отменная, видно, что это не простая библиотека обычного любителя старины, к тому же нам показаны не основные фонды, а главные книги и рукописи скрыты в тайных помещениях и доступны не каждому. Вероятно разными путями они пришли сюда на сохранение, а какая-то их часть наверняка изъята из фондов старых орденов и обществ. Непростой этот лорд сэра Соунсвиль, не зря перед ним

Алтарь Европы

открываются все двери Европы и Ватикана. Надо бы заняться им и его библиотекой повнимательнее, а то, не равен час сам помрет или библиотека его сгорит. Такое не раз бывало.

– Все, что собрано в этом помещении, хранится в особом температурном режиме и влажности. Это подлинники, – комментировал содержание хранилища хозяин.

Все без исключения остались довольны, а участники конференции сразу же после фуршета начали разъезжаться, искренне благодаря гостеприимного хозяина за прием.

Начало ноября 1916 г.

Англия, замок Соунсвиль,

Кабинет сэра Оливера

В то дождливое ноябрьское утро, теперь уже канувшего в Лету тяжелого 1916 г., сэр Оливер Соунсвиль с утра испытывал какое-то внутреннее раздражение. Настолько сильное, что после конной прогулки отказался от завтрака и закрылся у себя в кабинете. С ним было всегда так, когда информация из Европы поступала нерегулярно и была отрывочной, противоречивой. Вот и сейчас, он чувствовал, что в России, что-то назревает, но никак не мог уловить самые существенные детали происходящего. Было очевидно, что в Петрограде зреет недовольство политикой Николая II и вообще его семьей и окружением. Политические и военные круги многое в его поведении связывали с именем Распутина, который раздражал их безмерно. Но они никак не могли разобраться с ним. Григорий Ефимович давно считался одиозной фигурой при дворе и к тому были основания.

Недовольство по поводу участия Г.Е. Распутина в делах государства зрело давно, пока не вылилось, наконец, в заговоры против него. Когда осенью 1916 г. оно дополнилось ростом недовольства политикой самого царя, судьба Григория Ефимовича была предопределена. Он был признан виновником многих бед, обрушившихся на Россию.

Сэр Оливер больше всего опасался, что Распутин подвигнет Николая II к сепаратному миру, чего допустить было нельзя, так как случись такой мир, тогда Германия сразу же перебросит на западный фронт около трехсот пятидесяти тысяч солдат, а это – явное поражение Антанты. Было очевидно, как угодно Россия должна оставаться военным фактором. «Маршал Фош, – думал сэр Оливер, – прав, когда заявил, что, “если Франция не стерта с карты Европы, она этим, прежде всего, обязана России”».

Алтарь Европы

Мысли сэра Оливера были прерваны звонком из Лондона по секретной телефонной линии, которую ему предоставил сэр Уильям Черчилль, командовавший в то время военным флотом Великобритании.

– Рад Вас слышать, сэр Черчилль, – деляя обрадованный, насколько это возможно, голос, – произнес он, – чем обязан, столь раннему звонку.

– Дорогой сэр Оливер, ночью я получил шифровку из Петрограда, в которой сообщается, что там зреют заговоры с целью свержения Николая II. Хотел узнать Ваше мнение на этот счет.

– Нечто подобное мне уже сообщали, но я никак не могу выяснить, кто вместо него будет приведен к власти и каким политическим силам перейдет инициатива.

– Я знаю одно, что все они пытаются заверить нас в готовности продолжать войну, а это главное.

– В таком случае их намерения следует приветствовать и по мере необходимости оказывать им поддержку. Однако эту акцию опасно проводить пока в императорском дворце господствует Григорий Распутин. Мне сообщают, что последнее время у него идея мира с Германией стала навязчивой, к тому же говорят, что он способен предчувствовать планы, направленные против Николая II. Так это или нет, но подобную информацию следует учитывать.

– Я подумаю над Вашими словами. Тем более, что я знаю: Россия завершает разработку операции на Черном море в отношении проливов, а нам было бы очень нежелательно господство России на Босфоре и в Дарданеллах. Адмирал А.В.Колчак уже имеет некоторые, мне пока не известные, инструкции относительно этой операции. Успешное проведение Россией черноморской операции неизбежно нарушит устанавливающийся в годы войны «баланс сил».

У. Черчилль специально заговорил о «балансе сил», он знал, что каждое упоминание об этом действует на О.Соунсвиля, как чашка кофе по-турецки на невыспавшегося человека.

– Понимаю Вас, господин Черчилль, – в задумчивости растягивая слова, сказал О. Соунсвиль.

Собеседники, хотя и вели свой разговор по специальной, сверхсекретной телефонной связи, понимали, что всяк может случиться, а потому не все говорили «открытым» текстом, но понимали друг друга что называется «с полуслова».

– О возможных новых лидерах, – продолжал сэр Оливер, – я постараюсь узнать подробнее, здесь главное иерархия политической пирамиды и недопущение к ней людей вредных. А Вы, сэр Уильям, информируйте меня, если Вам будет поступать интересная информация.

Алтарь Европы

– Непременно, дорогой сэр Оливер, рад был Вас слышать. Вы тоже не пропадите, телефонируйте. Будьте здоровы.

– Спасибо, Вы тоже. Жду вас на лисью охоту, вы все обещаете, но не едете.

– Приеду, но сейчас..., сейчас важнее завалить медведя, а с лисицами мы разберемся. Еще раз до свидания, – почти скороговоркой свернул завершение разговора У. Черчилль и повесил трубку.

«Ну вот, ситуация проясняется». – Подумал О. Соунсвилль, вызвал секретаря и попросил кофе, закурил шикарную кубинскую “Корону”. «Черчилль, конечно, прежде всего беспокоится за проливы. Это правильно с его стороны, но мне, – размышлял О. Соунсвилль следует думать о большем. Вопрос о России проясняется в сторону отречения Николая II и, главное, обновление российской политической элиты из числа «молодых бизнесменов». Россия, видимо, действительно затевает, что-то серьезное и проливы – часть этих планов. Неслучайно князь А.П. Шахов уже больше месяца официально при посольстве сидит в Стамбуле. Чего бы ему там делать? Ведь он специалист по Европе, а не по Востоку. Значит в Стамбуле решаются европейские проблемы. Что-то давно не было от него никаких известий. Надо бы через Мухамада-пашу выйти с ним на связь».

Повесив трубку телефона, У. Черчилль вызвал к себе Ричарда Каллена – старшего офицера разведки военно-морского флота Великобритании. В кабинет вошел человек средних лет, среднего возраста, неприметной внешности, со светлыми в рыжину волосами и с типичными «английскими» усами. Взгляд его светлых, несколько мутноватых глаз мало что выражал, а когда нужно было посмотреть несколько в сторону, он медлительно поворачивал не голову, а туловище. Пальцы рук у него были длинные, тонкие и холеные. И, казалось, что веет от него холодом.

– Ричард, мы давно знаем друг друга и вполне доверяем друг другу. Вы уже не раз с блеском выполняли наши задания. Хочу поручить Вам новое сверхсекретное и сверхважное задание. Вы готовы?

– Что от меня требуется, сэр?

– Нужно устранить одну политическую личность хорошо известную всей Европе и крайне опасную. При этом выполнить его предстоит таким образом, чтобы ничто не свидетельствовало о Вашем, то есть нашем участии. В случае Вашего провала я вам не завидую.

– Сэр, после того, как в 1912 г. меня чуть не съели в Центральной Африке, я мало чего стал бояться, это придает мне силы и энергии. Слушаю Вас, сэр.

– Поедите в Россию. Что вы знаете о Григории Распутине?

Алтарь Европы

– Многое. Сравнительно недавно я входил в правительственную группу по составлению его психологического портрета.

– Помню этот доклад, толково приготовлен. Не знал, что Вы один из его составителей. Хотел Вас ознакомить с ним. Официально едите в наше посольство для переговоров в рамках соглашения о сотрудничестве с петроградскими правоохранительными органами. У Вас в Петрограде есть кто-либо из наших надежных людей?

– Да, сэр, – лейтенант морской разведки Освальд Рейнер. Работает в России почти год, хорошо знаком со многими политическими и военными деятелями России. Вхож в лучшие дома Петрограда.

– Хорошо, он будет главным действующим лицом, но исполнителями должны быть русские.

– Об этом вашем задании должны знать три человека: я, Вы и Ваш лейтенант, все. Как намерены действовать?

– Старым английским способом, сэр. Пригласить Распутина в гости к кому-то из влиятельных русских, угостить сладким вином и миндальным пирожными, он их любит. Крем в пирожных может оказаться испорченным. В него случайно может попасть всякая гадость.

– Хорошо, в тот же день лейтенант должен выехать в Лондон. Накануне он получит вызов, так что даже в посольстве не будут ничего подозревать. Вы поработаете еще недельку. Очередное звание, награда и денежное вознаграждение будут заранее Вам заготовлены. Через недельку мы Вас отзовем куда-нибудь в Стамбул, поработаете там, пока в России все не затихнет, заодно пообщаетесь с одним русским, может чего узнаете от него интересного. Счастливого пути, да хранит Вас Господь Бог.

Р. Каллен хорошо знал привычки Г. Распутина, хорошо, но не все. Григорий Ефимович был человек осторожный, а в чем-то и мнительный, он имел обыкновение перед приемом пищи в чужом доме, выпивать стакан растительного масла, а после приема еды и вина – два пальца в рот, пока не прочистит желудок.

* * *

Р. Каллен прибыл в Петроград на Финляндский вокзал, где его встретил О. Рейнер.

– Здравствуйте, Освальд.

– Здравия желаю. Ваши вещи, сэр?

– О них позаботятся, со мной едет новый сотрудник консульского отдела. Что у нас на сегодня?

Алтарь Европы

– Сейчас едем на Ваш выбор в отель «Европейский» или «Астория» и там, и там забронированы номера.

– Тогда в «Европейский», от него рядом Пушкинский музей.

– Я знаю, – сэр, – Вы любитель музеев, будет, где отдохнуть после работы. Затем на прием к военному атташе, вечером – к послу.

– Хорошо, а вот между этими визитами надо бы переговорить без лишних ушей, а заодно и пообедать.

– Есть ресторан, хозяин – англичанин, наш сотрудник. Давно проверен, все там чисто, филеры куплены, а лишние туда не заглядывают. Был один из новичков, проявлял назойливость, но однажды напился, а через квартал отсюда был избит неизвестными и ограблен, он свалился в сугроб и ночью замерз. Я закажу столик за занавеской и попрошу, чтобы рядом с нами никого не было, ну и прочие меры предосторожности.

За обедом визитер из Лондона посвятил лейтенанта в планы предстоящей операции. Нашелся и исполнитель – князь Феликс Юсупов, которого О. Рейнер знал его еще по годам учебы в Оксфорде, знал он и то, что Юсупов давно вынашивал планы устранения Г. Распутина.

– Расскажите мне о нем, кратко, – попросил Р. Кален.

– Феликс Феликсович Юсупов, 39 лет, князь, граф Сумароков-Эльстон. Принадлежит к одной из наиболее знатных и богатых российских фамилий. Сын Ф.Ф. Юсупова (старшего), графа Сумарокова-Эльстон, генерал-адъютанта, главного начальника Московского военного округа и княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой – последней в роду, ведущим происхождение от ногайского хана Юсуф-Мурзы, считается, что основателем их рода является племянник пророка Магомета.

Единственный наследник фамильного состояния Юсуповых, один из самых богатых людей России. Рафинированный аристократ. Отличается благородством и силой духа. Во всем его поведении чувствуется большая воля и характер. Увлекается спиритизмом и магией. Таких людей называют искателями приключений.

Окончил классическую гимназию. В 1909–1912 годах учился в Оксфордском университете. Там мы с ним и познакомились.

В 1914 году с согласия императора Феликс вступил в брак с княжной Императорской крови Ириной Александровной, племянницей Николая II.

Позволяет манипулировать собой. Склонен к разгульному образу жизни и допускает половые связи с лицами мужского пола. В юности любил наряжаться в женские одежды, в его доме постоянно живут сомнительные юноши, подобранные им на улице.

– Достаточно, Освальд, мне все понятно. – Нужно поступить так, что бы наши заговорщики не осознавали Вашей инициативы в заговоре, а считали,

Алтарь Европы

что они выполняют свой долг, освобождая монаршею семью от дурного влияния.

– Однажды я его спросил: как к Вам относится Распутин, – заметил Рейнер, – Вы пользуетесь его доверием? Юсупов рассмеялся.

– О, вполне! Я вне подозрений и очень ему нравлюсь. Он жалеет, что я не занимаю административных должностей, но обещает сделать из меня большого государственного человека.

Договорились о том, что Ф. Юсупов привлечет к делу еще двоих-троих человек и пообещает Распутину, что будут дамы.

* * *

Все складывалось лучшим образом. На призыв откликнулся великий князь Дмитрий Павлович, который давно хотел посчитаться с Гришкой за нанесенные ему когда-то оскорбления и непристойное поведение, компрометирующее семью, и В.М. Пуришкевич, который только и искал случая, чтобы как-нибудь посильнее ударить Распутину. Владимир Михайлович пообещал подобрать надежного шофера.

*Ноябрь 1916г.
Россия, Могилев,
Ставка верховного
главнокомандующего*

В то время Владимир Митрофанович Пуришкевич, командовал на румынском фронте санитарным поездом и добросовестно много сил отдавал своему занятию, за что снискал к себе уважительное отношение фронтовиков. 3 ноября 1916 г. он был приглашен Николаем II в Могилев к обеду и, в знак высокого к нему доверия, по поручению императора, должен был сделать доклад о настроениях в русской армии.

В Ставке Пуришкевича атаковывали великие князья, царедворцы и генералы с мольбами доложить царю о беспомощности правительства и тайных силах, которые разлагают и армию, и государство, а главное о роли Распутина в грязных делах.

– Господин Пуришкевич, Владимир Митрофанович, умоляем, откройте глаза государю на все происходящее.

– Скажите ему о Штюмере, Воейкове и им подобных.

– Укажите на пагубную роль Распутина.

– Обратите его внимание на их разлагающее влияние на страну.

Алтарь Европы

– Не жалейте красок, государь Вам верит, и Ваши слова могут оказать на него соответствующее впечатление.

«Боже мой! – Думал Пуришкевич, глядя в растерянные глаза просителей. – Как жалки все они, что их то самих заставляет молчать? Трусость. Да, только одна беспредельная трусость и боязнь утратить свое положение, и в жертву этому приносятся интересы России.

Неужели мне, проводящему всю войну на фронте и живущему одними только военными интересами наших армий, приходится сказать Государю о том, о чем ежедневно ваш долг говорить ему, ибо вы в курсе всего того, что проделывает Распутин и его присные над Россией. Трусцы!» – убежденно заключил он.

И В.М. Пуришкевич, зная, что может навредить себе и своей карьере, молчавший и не делавший ни каких заявлений всю войну, сказал тогда много из того, что он думал и что скрывали другие, как «верноподданный и неподкупный слуга царя».

– Я знаю, – вспоминал он, – что высказал то, что чувствовала вся Россия. Вся Россия от правых до левых одинаково оценивает создавшееся положение и одинаково смотрит на тот ужас, который представляет собою Распутин, в качестве неугасимой лампы в царских покоях.

Государь отнесся к выступлению Пуришкевича сдержано. Благо он прибывал в хорошем расположении духа. Конечно, слушать все это удовольствия было мало, но и распекал Пуришкевича не было резона, т.к. это могло усилить недовольство и окончательно развязать руки всяким проходимцам, мздоимцам и разгильдяям, о деяниях которых он вполне догадывался.

– Владимир Митрофанович, голубчик, – успокоительно сказал он, – я верю в Вашу честность и искренность, но так ли все ужасно, как Вы представляете? В ваших словах видна одна сторона дела, и она печальна, т.к. являет собой досадную неизбежность действительности. А есть и другая сторона, о которой мне докладывают: наша армия готовится к победоносным действиям, промышленность худо-бедно обеспечивает ее потребности, финансы в порядке. Сегодня главное положение на фронтах и не стоит усугублять политическими дрызгами и без того сложное положение.

Но не таков был наш Владимир Митрофанович. Со времени «могилевского обеда» в нем постоянно нарастал патриотический зуд. 18 ноября на заседании правой фракции Госдумы он попросил разрешения выступить в Думе от имени фракции, в чем ему было отказано. Отказ подействовал на Пуришкевича как красная тряпка на быка: не долго думая он заявил, что выходит из фракции. При этом он предупредил, что не намерен впредь покрывать, как это делают правые, все те безобразия, которые

Алтарь Европы

творяется в эшелонах власти. Пуришкевич честно признался, что ему омерзительно покрывать своим молчанием политику ради собственного кармана и он не намерен «мериться с тем, чтобы морали государственные идеалы люди, в представлении коих Россия олицетворяется шитым мундиром говорящего от ее имени подлеца на любом ответственном посту, добравшегося до власти, обманувшего государя и распоряжающегося государственным сундуком».

19 ноября В.М. Пуришкевич выступил в Государственной думе. В своей речи он призвал правительство «открыть государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить монарха о грозящей России опасности».

Потрясая кулаками и хищно поблескивая пенсне, он громогласно заявил, что «русский тыл кишит темными силами, которые готовы переложить на царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства».

– Правительство наше, – обрушил он на головы аудитории очередной набор обвинений, – все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о Родине и помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем.

Речь В.М. Пуришкевича была встречена такой бурей восторга, какого вряд ли знал ранее Таврический дворец. Вокруг трибуны Владимира Митрофановича окружила толпа сторонников различных партий и людей разного общественного и официального положения. А его жена принимала такие же поздравления на хорах от праздных великосветских петроградских дам.

В.М. Пуришкевич купался в лучах славы, всеобщей любви и признательности. На следующий день волна восторга не спала, и у него целый день не умолкал телефон. Рано утром одним из первых позвонил престарелый граф С.Д. Шереметьев, которого Владимир Митрофанович давно любил и уважал. По-старчески спокойно и размеренно, не давая вставить слово Пуришкевичу, не просто поздравлял его, а постарался дать свою оценку выступлению. Он, как давнишний и заботливый учитель наставляет молодежь, разложил речь «по полочкам» и высказался по каждой из них.

– Главное, – сказал он в конце, – что речь Ваша была полна верноподданешей любви к Государю-императору и лишена хамской наглости присущей таким политикам, как Гучков. В ней прозвучало, что вся Россия именно так смотрит на создавшееся положение и одинаково оценивает тот ужас, который представляет собою Распутин.

Алтарь Европы

К середине дня, устав принимать поздравления В.М. Пуришкевич решил покинуть кабинет и отдохнуть в библиотеке, но не удержался, на очередной звонок, поднял трубку. Звонил князь Ф.Ф. Юсупов. После своих поздравлений он попросился на прием для обсуждения некоторых вопросов, связанных с ролью Г.Е. Распутина при дворе. Договорились на завтра, в 9 утра.

* * *

Феликс приехал ровно в 9 утра. Внешне он произвел на Пуришкевича хорошее впечатление, по его словам «в нем сквозило непередаваемое изящество и порода, главным образом, духовная выдержка». После полагающихся поздравлений Юсупов заметил:

– Но Ваша речь не принесет тех результатов, которых вы ожидаете. Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо государь занят в ставке военными операциями.

– Что же делать?

– Устранить Распутина.

– Хорошо сказать, – заметил Владимир Митрофанович, – а кто возьмется за это, когда в России нет решительных людей, а правительство, которое могло бы это выполнить само и выполнить искусно, держится Распутиным и бережет его, как зеницу ока.

– Да, на правительство рассчитывать нельзя, а люди все-таки в России найдутся.

– Вы думаете?

– Я в этом уверен, и один из них перед вами.

Пуришкевич вскочил и зашагал по комнате.

– Послушайте, князь, этим не шутят. Вы мне сказали то, что давным-давно сидит в моей голове. Несколько лет тому назад, при жизни покойного В.А. Дедюлина, бывшего, как вы знаете, дворцовым комендантом, я хотел убедить его в необходимости ликвидировать Распутина, но он не дерзнул взяться за это дело, ибо ужас положения в том, что масса высших сановников наших строят свою карьеру на распутиных, и малейшая оплошность стоила бы головы инициатору, с одной стороны, а с другой, – содействовала бы укреплению значения при дворе этого гада. Вот вам князь моя рука, обсудим все возможности этой операции и возьмемся за ее выполнение.

Заговорщики пожали руки.

Алтарь Европы

Юсупов сообщил, что Распутин давно ищет случая познакомиться с одной молодой графиней, известной петроградской красавицей, бывающей в его доме.

– Графини сейчас в Петрограде нет, – сообщил он, – она в Крыму и в Петроград даже не собирается, но при последнем посещении моем Распутина я заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где будет несколько дней, и что, если он, Распутин, хочет, то я могу его с нею познакомить у себя в доме в тот вечер, когда графиня будет у моих родных. Григорий Ефимович с восторгом принял это предложение.

После продолжительного обсуждения было решено покончить с Распутиным, отравив его, ибо дворец Юсуповых на Мойке находится как раз против полицейского участка, что исключало возможность стрельбы из револьвера, хотя бы и в стенах подвального этажа, в коем помещалась столовая Юсупова.

Пуришкевич предложил взять в качестве шофера старшего врача его отряда д-ра С.С. Лазаверта.

* * *

После одобрения в Лондоне плана расправы над Распутиным, о чем заговорщики и не подозревали, была назначена дата встречи на поздний вечер 17 декабря. Имелось в виду, что Феликс примет Распутина у себя в столовой комнате, займет его разговором и угостит вином с пирожными, начиненными цианитом. Все остальные будут ожидать до поры неподалеку в соседнем помещении.

После долгого и мучительного ожидания только во втором часу ночи прибыл Григорий Ефимович, прибывал в хорошем настроении. Юсупов предложил на выбор марсалу, мадеру, херес, портвейн, т.е. то, что любил Распутин.

Будучи в приподнятом расположении духа, он с удовольствием и помногу пил, закусывая вино миндальным пирожным. Затем решил немного пощекотать нервы хозяину, а заодно посмотреть его настрой относительно Николая II.

– Сейчас многие недовольны царем, – насмешливо сказал он, – и Матушку не жалуют. Думают, что сменив царя, а то и вообще свергнув самодержавие, они смогут наладить жизнь, и в одночасье все пойдет по-новому. Я эти планы знаю, вижу кто и как рвется к власти. Несчастливые люди: не ведают, что творят. Все не так просто. Они не понимают, что их стремления только помогут нашим нынешним союзникам, а завтра – противникам, в их планах, а в этих планах важное место занимает Россия,

Алтарь Европы

которую нужно обескровить, а пока правит Николай II, они этого не могут сделать, хотя вреда России они принесли немало. А еще эти крикуны – богоотступники забывают, что самодержец наш – Помазанник Божий, символ Веры православной, а на Веру посягать грех. Обрушат Николая II, рухнет Вера, а рухнет Вера, – рухнет и всякий порядок.

Феликс с напряжением и интересом слушал Григория и не понимал, к чему он затеял этот разговор, хотя в последнее время все и везде, так или иначе, только и говорили об этом.

Казалось, что слова его ни к кому не обращены, его спокойный и размеренный голос, отвлеченный взгляд были похожи на внутренние размышления, но можно было заметить, что глаза его внимательно наблюдали за реакцией собеседника. Ф.Юсупов хотел что-то сказать или спросить, но Распутин строго остановил его.

– Нет греха большего, чем противление воле Помазанника Божия! А кто противится, тот есть предатель и изменник. Судьба Царя – судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия, а не будет Царя, не будет и России. Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим.

Пока Григорий Ефимович рассуждал о высоких материях, находящиеся в соседнем помещении прибывали в смятении. Все изрядно нервничали в ожидании исхода дела, в застывших позах, стараясь не дышать и не двигаться, они прислушивались к малейшему шороху. Особенно нервничал доктор С. Лазаверт. Было видно, что он чувствовал себя отвратительно, лицо его залила красная краска, он сидел в кресле, обхватив голову руками, взгляд его блуждал по лицам заговорщиков.

– Мне дурно, – шептал он, – я не выдержу.

И это был человек, который мог работать на передовой под артиллерийским и пулеметным огнем противника, награжденный за храбрость двумя Георгиями.

С. Лазаверт нервно посмотрел на часы, они показывали 2 ч. 30 мин., встал и решительным шагом вышел в соседнюю комнату, где упал в обморок, который, впрочем скоро прошел и он вернулся в свою комнату.

– Кстати, – вдруг как бы очнулся Распутин, – ну где-же женщины? Сколько их еще ждать?

– Он встал, но его, изрядно выпившего, вдруг качнуло и он пожаловался, что почувствовал себя неважно: «Зайду, пожалуй, в туалет».

– Григорий Ефимыч, – засуетился вокруг него, желая поддержать и делая испуганное лицо, Ф.Юсупов, – да что же это будет, что с Вами, давайте я поддержу.

Алтарь Европы

– Не надо, я уж сам.

– Да нет, я провожу Вас, как бы чего не вышло.

Вдруг отсутствующий взгляд Распутина случайно мелькнул по лицу Юсупова и остановился на нем. Распутин увидел в глазах князя тихую ненависть и напряжение в ожидании исхода дела. И он все понял.

– Феликс, ты...ты отравил меня, – отчетливо понял Распутин, – как ты мог, Феликс, зарычал он и двинулся на Юсупова, но тот успел отскочить, выхватил револьвер и с близкого расстояния, не целясь, выстрелил нападавшему прямо в грудь. Но не зря молва гласила о недюжинных физических способностях Распутина. Его еще раз качнуло, но он не упал и вновь двинулся на Юсупова, тот от охватившего его ужаса даже забыл про свой револьвер в руках. Хорошо на выстрел успели прибежать остальные.

Они схватили Распутина и хотели повалить его на пол, но получилось наоборот, Григорий Ефимович разбросал их и в приступе безумной ярости бросился бежать на улицу, его убийцы поспешили за ним, Юсупов только крикнул великому князю: «Вы, князь, останьтесь, на Вас не должно быть крови, мы сами».

Распутину удалось выбежать на улицу и сделать несколько шагов, но его настиг выстрел Пуришкевича из его «сэвэджа» в спину. Какое-то время он еще постоял, покачался, повернулся к своим убийцам и рухнул навзничь, широко разбросив руки.

Только тут заговорщики обратили внимание на автомобиль, который, как показалось Пуришкевичу, только подъехал. На самом деле в нем лейтенант О. Рейнер ожидал сигнала Юсупова, как было заранее условлено, для появления на сцене со словами: «Григорий Ефимович, давно хотел с Вами познакомиться». В нужный момент никого в доме не было, вся прислуга до утра была заблаговременно отправлена домой, а события развивались таким образом, что самому князю было недосуг позвать лейтенанта.

– А.., Освальд? – Протянул князь, увидев вылезавшего из машины Рейнера. – Хотели познакомиться с Г.Е. Распутиным? Вот он, знакомьтесь.

– Кто такой? – спросил Пуришкевич.

– Потом, потом, Владимир Митрофанович, – не отрывая взгляда от Распутина, – сказал Юсупов.

И в этот момент он вроде как шевельнулся и дернулся, – это последние остатки жизни покидали его, такое случалось. Все бросились к убитому, а О. Рейнер, не долго думая, для верности выхватил свой «уэмбли» и выстрелил ему в лоб. «Все, это конец», – облегченно выдохнул Ф. Юсупов.

– Владимир Митрофанович, – тащим его к забору, там готовые сани, отправим его на Неву под лед.

Алтарь Европы

В этот момент из дома выбежал Великий князь: «Ну что, как дела?»
– «Святого черта» больше с нами нет.

Пока заговорщики возились, упаковывая его, автомобиль лейтенанта тихо уехал как незаметно и приехал. Заговорщики условились никогда не упоминать его имя, дабы не быть уличенными в связях с английской разведкой. А О. Рейнер в полдень того же дня, будучи недавно отозванным, отбыл в Лондон, но уже на территории Франции он исчез из поезда. Два дюжих молодца из соседнего купе уверяли, что вечером он как и все лег спать, а утром в купе его не обнаружили, хотя вещи оставались на месте.

Февраль 1917 г.

*Россия, Московская губерния,
село Речьки*

На улице чаще всего было сумрачно, и солнце по много дней не появлялось из-за мглы, обложившей все небо. Погода стояла не очень холодная, но ветреная. Время от времени шел снег, который поземка постоянно перегоняла по улице, местами заваливая дорогу сугробами, а возвышенные участки продувала до наледи. Не зря говорят – «февраль – кривые дорожки».

В последнее время Евстафий Кузьмич не спешил после обеда вылезать из-за стола, он подолгу задумчиво смотрел в окно. Со стороны было видно, что его обуревали невеселые мысли. Хотя казалось: в хозяйстве у него был полный порядок, мельничное колесо даже зимой, пусть медленнее и реже, чем осенью, но все же вращалось от донной воды не замерзавшей даже в морозы. Только Михаилу каждый день приходилось по утрам обкалывать намерзший лед перед падением воды на лопасти колеса.

* * *

Михаилу воевать пришлось не долго. В начале октября с остатками жесточайшей контузии и Георгиевским крестом на груди он вернулся домой, подчистую списанный из армии. Семья была рада-радешенька, что его не убили и не изуродовали, контузия потихоньку пройдет, а не пройдет, то и с ней можно жить, не дураком каким-нибудь стал, а что память ослабла... Да Бог с ней, глядишь еще восстановится, а головные боли и головокружения можно перетерпеть. У многих и не контуженных голова болит. Словом вернулся живой, а это главное.

Алтарь Европы

Случилось это с Михаилом 29 августа. А накануне 41-я немецкая пехотная дивизия корпуса Франсуа пыталась окружить некоторые войска из армии генерала А.В. Самсонова, но была наголову разбита и сама попала в окружение. Остатки немецкой дивизии ринулись на прорыв. Началась настоящая бойня на взаимное уничтожение. Самсонов зная, что силы немцев превосходят его вдвое, отдал 29 августа приказ на организованное отступление, а еще утром, часов в 5–6, на позиции Каширского полка, в котором служил наводящим Михаил, вышла большая немецкая колонна. Когда она приблизилась к позициям полка на 600–800 шагов, по ней был открыт ураганный картечный, пулеметный и ружейный огонь. Через несколько минут поле покрылось горами убитых и раненых, немцы бросились бежать. Как потом выяснилось, у соседей полка справа случилась такая же история.

Бегство немцев было настолько стремительным, что Михаил еле успевал передвигать наводящую рамку орудия и раскручивать ствол на нужную дистанцию. Когда бой затих он, как и многие другие, вышел из-за орудия на поле и его взору – взору молодого солдата, еще не привыкшего так близко в таком количестве видеть смерть – предстала картина неопишуемой дикости последствий произошедшего. Поле покрывали не трупы убиенных, а отдельные окровавленные части тела. Михаил ужаснулся, что он один из тех, кто произвел все это. В голове у него все закружилось, а к горлу подкатил рвотный ком. Его рвало долго с надрывом. Потом, когда желудок опустел, его продолжало выворачивать «наизнанку» одной слюной и какой-то слизью. Его осенила мысль, что среди этого хаоса крови, костей и человеческого мяса, которое уже успели облепить кучи зеленых мух, в любой момент могут оказаться и его останки. Более или менее он пришел в себя от голоса, который как ему показалось, раздался из неоткуда.

– Эко тебя проняло, молодой еще, непривыкший. Ничего обвыкнешься, не ты первый, – Михаил увидел, что с боку к нему подошел немолодой ефрейтор, – пошли сынок, будет с тебя на первый раз.

Нужно отдать должное немцам: они быстро оправались от нанесенного удара и поняв, что русские не собираются их преследовать, перегруппировались и выкатили на край леса тяжелые и легкие орудия по всему фронту Каширского полка. Благо наши расчеты к этому времени еще не были свернуты для отступления, но после боя уже были приведены в порядок. Часов в 11 окрестности огласили первые залпы немецкой артиллерии и ответные залпы наших орудий. Огонь немецкой артиллерии был настолько мощным, что каширцы вместе с землей при каждом их залпе подпрыгивали в воздух. Началась артиллерийская дуэль, в которой наши

Алтарь Европы

дуэлянты явно уступали. Сказывалось превосходство немецкой тяжелой артиллерии и недостаток ее у русских.

Но у нас было свое преимущество. Наши пушки наводились из-за укрытия, а немецкая техника не обладала такими достоинствами и поэтому устанавливалась на открытом пространстве. При хорошем наводчике бить по таким пушкам было достаточно легко, но и от немцев, если засекут место твоего расположения, жди больших неприятностей.

Так получилось и на сей раз. Тяжелый снаряд рванул около пушки Михаила и побил весь расчет кроме него, задев слегка осколками плечо и бок. Превозмогая боль, он притащил снаряд, зарядил пушку, обломал ветки куста для огня прямой наводкой, скрывавшего его пушку от немцев. Напротив него без усталости наши позиции молотили три тяжелых орудия. Он навел ствол прямой наводкой на центральную пушку и дернул спусковой шнурок. Неожиданно и для Михаила и для тех из его соседей, кто наблюдал эту сцену, снаряд угодил точно по вражескому орудью. В бинокль было видно, что оно как бы просело, а прислуга трех орудий на какое-то время исчезла – было очевидно, что кто-то убит, кто-то ранен. Не теряя времени, Михаил притащил еще снаряд, забил его в ствол, чуть повернул его влево и вниз, дернул шнурок и, надо же такому случиться, опять угодил в цель. На помощь ему подбежали пушкари от соседник с ним разбитых орудий.

– Ну Михаила, ты даешь, – восхищались они.

– Мужики, – прервал веселье подбежавший унтерофицер, – после боя будете радоваться, – заряжай, – скомандовал он.

Пока расчет хлопотал вокруг пушки Михаила, там у третьего оставшегося немецкого орудия кто-то из живых уже пришел в себя, и Михаил видел через зарядное устройство, как его ствол напрямую наводится на куст и чувствовал, что не успевает опередить немца. Когда Михаил крикнул «готов», он увидел, что немецкая пушка дернулась и изрыгнула снаряд. С этого мгновения он слышал только усилившийся шелест приближающегося снаряда. Ему показалось, что он видит этот снаряд, который быстро вырос, заполняя собой все видимое пространство его оптического прибора.

– Ложись, – автоматически крукнул он и сам резко свалился под пушку.

В следующее мгновение он почувствовал, как что-то тяжелое со звоном и визгом ударило по металлу пушки и раздался оглушительный взрыв, после чего наступила полная тишина. Михаил успел увидеть, что пушка высоко вздыбилась, как конь, но как она вернулась на землю, он уже не видел. Не видел он и того, как засидевшаяся в окопах пехота и уставшая от бездеятельной гибели своих товарищей, перекрестившись с криками «ура», «за Царя и Отечество», вылезла из них и кинулась вперед, на ходу прикрепляя штыки к винтовкам. А еще солдаты кричали, прогоняя страх

Алтарь Европы

смерти: «Эх братцы, помирать так с музыкой». И того не видел Михаил, как в ужасе от неожиданной атаки русских немцы не выдержали и, побросав орудия, снова кинулись бежать в лес. Как потом стало известно, в этом бою погиб немецкий генерал Тротт – командир бригады, и некоторые другие немецкие офицеры. Связь Каширского полка со штабом армии давно была прервана, куда отступать и как, никто не знал, а поэтому героизм русских солдат не мог обеспечить управляемый отход наших войск. Полк отступал хаотично, но при случае наносил немцам ощутимые удары, и они не всегда понимали: отступают русские или готовят атаку?

Оставшиеся живые вытащили Михаила из под пушки и поволокли в тыл. Вместе с ним откопали заряжающего, но у него оторвало обе ноги выше колен, когда он очнулся, то начал кричать таким благим матом, что даже у старых солдат не выдерживало сердце. Унтер офицер, понимая, что до госпиталя его не донесут, где он госпиталь-то, достал револьвер со словами «прости Господи», выстрелил ему в голову и солдатик затих. Унтер еще раз перекрестился, вынул из нагрудного кармана убиенного документы и скомандовал: «Отступаем, орудия оставить, маршрут движения через поле к уступу леса». Чуть солдаты двинулись, как услышали крики о помощи. Недалеко в воронке от тяжелого снаряда они увидели бойца, который никак не мог из нее выбраться.

– Помогите бойцу, – скомандовал унтер.

Когда его вытащили, оказалось, что он ранен. И не просто ранен, осколок разрезал ему брюшину, а внутренностей не попортил, но они вываливались наружу и были видны через прижимавшую их руку солдата. Не столько от боли, сколько от ужаса держать свои, дымящиеся внутренности в руках, он только и мог произносить: «Помогите, братцы, не дайте сгинуть на чужбине у немчуры, помогите, я ведь живой и боли не чувствую».

Такое на фронте случалось. Один солдат полз к своим сутки, заткнув живот шапкой.

– У кого есть чистое белье, – спросил унтер? – Дайте спирту.

Он намочил рубаху спиртом, тихо произнес: «Терпи родной» и запихнул ему кем-то поданное белье в живот, двумя исподними штанами перевязал кое-как.

– Кто поздоровее, тащите его, Бог даст выживет.

После этого боя и выхода в наши тылы, Михаил валялся в госпиталях и, когда более или менее восстановился, то был комиссован, как непригодный к воинской службе. Кстати, когда он ожидал своей очереди на комиссию, то вновь встретил того солдата с развороченным пузом, он тоже ожидал комиссии. Как выяснилось, солдат оказался почти земляком Михаила из села Ожерелье, что недалеко от Каширы. Был он веселого нрава и обещал любому

Алтарь Европы

за полкружки спирта рассказать историю, как он со своими кишками в руках искал наших отступавших из Восточной Пруссии.

* * *

Евстафий Кузьмич был озабочен вопросом: «Как жить дальше». Война есть война и, если над твоей головой не летают снаряды, то она все равно чувствуется рядом. Не в том, так в другом дает себя знать и приходится думать, как поворачивать хозяйство, чтобы война тебя не разорила, а, наоборот, использовать ее запросы в сельхозпродуктах.

– Василиса, – крикнул жену Кузьмич.

– Тута я, тут родненький, – Василиса появилась из-за кухонной шторки, как будто только и ожидала там, когда Евстафий Кузьмич позовет ее.

– Ты чего там прячешься, сидишь, как мышь затихшая. Я уж думал – ушла куда?

– Да, вот, не хотелось тебе мешать, а уйти куда не хотелось, вдруг тебе чего потребуется.

– Ты вот, что, Василиса, съездила бы в Сенницы к дочке, посмотрела не нуждаются ли в чем? Одна ведь она там с детьми на руках крутится после смерти свекры у нее же по дому все в одни руки. Митяй хоть и при ней, но у него, поди, своих хлопот хватает. Спасибо барыня который год хлопочет за него. Так и доверие такое к нему отрабатывать приходится, тоже непросто. А то барыня отвернется, миг угодит в армию, сейчас это просто. Что тогда делать?

– По дому-то помочь ей имеется кто, многие солдатики свое хозяйство, считай, побросали, без мужиков в доме им туго сейчас приходится. Вот они по другим домам и помогают, тем и кормятся. Но съездить хорошо, хоть на недельку, ей все было бы повеселее. Да куда я вас-то брошу, трех мужиков-то?

– Ну, Сергей, не в счет, он неделю в Озёрах живет, без твоей стряпни обходится, а в выходной день мы втроем обойдемся, не маленькие. С Михаилом неделю-то проживем, не безрукие какие, опять же Мария твоя обед завсегда нам сварганит. Так, что собирайся в воскресенье по утрам, Михаил отвезет тебя, да собери гостинцев ей домашних. Сала, мучицы, хлеба испеки круга три, лепешек ржаных, чтобы там с квашней не колготиться, ну чего я тебя учу, ты сама не хуже меня знаешь.

На дворе хлопнули ворота.

– Кого это там нелегкая принесла, в непогоду, – Василиса прильнула к окну, – ба, да это же Афанасий, уж не беда-ль какая? Упаси Господи!

– Накличь еще, – пробурчал Евстафий.

Алтарь Европы

Дверь в избу открылась и появился Афанасий. Как водится, перекрестился на образа.

– Мир дому сему, – весело сказал он.

– Здравствуй, Афанасий, раздевайся, проходи. Какая нелегкая вытащила тебя из дому в такую погоду?

– Раздеваться не буду, нет времени, – ответил Афанасий, подходя к столу и протягивая руку хозяину дома. – Здравствуй, Евстафий Кузьмич.

– Присаживайся, что у тебя стряслось?

– Слава Богу, ничего. Вот какое дело. Наши артельщики-рыбаки затеяли рыбную ловлю и приглашают нас с тобой на уху, будут еще некоторые наши. Помнится, ты говорил, что хочешь с мужиками потолковать о чем-то. Вот тебе и случай удобный, ушицы похлебаешь и с мужиками потолкуешь.

– Да, уж, с мужиками есть о чем потолковать. Только вот в такую погоду?

– Я был у них на берегу, видел, небось, за бугром сарай, они там снасти держат, с рыбой управляют. Сарай просторный потолки высоченные, стены не продуваются, обшили горбылем, а между досок нащельников набили, печка отменная, да еще три буржуйки. Понятное дело тулуп да валенки не помешают.

– Когда заводить собираются?

– Да вот пробную скоро запустят, а потом уже на ночь ставить будут. В основном народец собирается сегодня вечером, а там, кто останется на ночь, а кто и домой уедет.

– Ну так и я к ужину подъеду, а то ночью все перепьются, не до разговору будет. Хорошо бы без шишголи, толку от них мало, а как выпьют, так лезут с пустыми словами, весь разговор путают, да потом по селу всякие сплетни-небылицы разносят.

– Вот и ладненько, Евстафий Кузьмич, сговорились. Часам к восьми подъезжай, без тебя не начнем. Тогда я поехал.

* * *

В семь, начале восьмого Кузьмич на санях-розвальнях двинулся на реку. На сани навалил побольше соломы для тепла. Взял с собой Михаила, на всякий случай, с ружьем. Вдруг волки или какая еще нелегкая встретится по дороге, намотал на два кола старых тряпок, смоченных керосином, вроде как факелы, глядишь, сгодятся, хотя ехать было недалеко и места были спокойные, но, как говорится, «береженного Бог бережет». Прихватил шмот сала, луку, хлеба, два штофа водки, яблок моченых.

Алтарь Европы

У рыбацкого стойбища горели костры и сутились люди. Несколько костров горело на льду Оки, освещая вырубленное в пока еще толстом льду «окна». Встретил Кузьмича сам старшина артели.

– Здорово, Евстафий Кузьмич, – радостно протянул ему руку, – все собралось, только тебя и ждем, рыбную мелочевку уже проварили, сейчас будем закладывать хорошей рыбки.

– Здравствуй, Степан Пантелеймонович, – Как ловля?

– Пока только попробовали, рыба есть, но не сказать, чтобы очень. На уху хватает с остатками, думаю, ночная сеть будет с настоящим уловом, она на свет костров соберется, тут и угодит в путанку.

Подбежал Афанасий поздоровался еще раз.

– Пошли, Евстафий Кузьмич. Нечего стыть на ветру, хотя здесь под бугром и не очень сквозит.

Кузьмич окликнул Михаила, распорядился привязать лошадь, повесить ей на морду торбу с овсом и не забыть корзину с харчами.

В сарае мужики встретили его веселыми возгласами приветствия. Степан Пантелеймонович повел его на середину стола рядом с собой. Одного стола на всех не хватило и артельщики разместились за вторым, рядом стоящим со столом для гостей, так что мест всем досталось; расселись, не теснясь, удобно. Подоспел Михаил, отдал корзину отцу, сам ушел на край стола. Кузьмич достал припасы, на что народ довольно заурчал, хотя на столах все это уже было, но без излишеств. Чувствовалось, что к весне мужики стали поедаться и не шикуют, как прежде.

– Степан Пантелеймонович, – кто-то кликнул от печки, – что рыбу-то закладывать?

– Закладывай, Фомич, – отозвался хозяин стола. – Пока рыбка побулькивает в ведрах, давайте, земляки сподобимся за встречу и для сугреву.

По первой в охотку опростали в моменты, закряхтели, занюхали хлебом, захрустели луком, квашеной капустой, а кто и соленым огурцом. Незадерживаясь выпили по второй – «пока луна не зашла за тучи». Постепенно начали налаживаться разговоры: «кто как живет, как с продуктами, как зимует скотина», вообще поговорить было о чем. Евстафий Кузьмич решил сразу не начинать разговор, а дать мужикам выговориться и похлепать ушицы. Сам решил послушать, о чем в их разговорах пойдет речь. Он и сейчас не молчал, тоже делился житьем-бытьем с рядом сидящими Степаном Пантелеймоновичем – о рыбном промысле.

Тем временем уха поспела. Проворный и знающий толк в кухонном деле доставал рыбу из ведер и раскладывал ее по большим мискам, щуку к щуке, головля к головлю, сазана к сазану, судак к судаку, налиим к налиму.

Алтарь Европы

Стерлядки на этот раз не пришло ни одной. Лещей отложили пожарить. Помощники Фомича, те, что помоложе, почти бегом разносили миски по столам, чтобы рыба не успела остыть. Отдельно на любителя положили рыбки головы. Сам же, Фомич, понес ведра к столам и там стал разливать бульон по кружкам.

– Фомич, – окликнул его Степан, – ты садись сам-то, а то закрутился поди, «причастись» с народом.

– Да, я это, щас, вот разолью бульончик гостям и присяду. – Мужики, у меня еще ведро томится на печке, так что не стесняйтесь, давайте кружки. Мужики, – крикнул он артельщикам, вы уж там сами управляйтесь. Степан Пантелеймонович, как лещей жарить, ты скажи, все готово, вмиг сварганю.

– Не спеши, Фомич, дай мужикам вдоволь ушлицы попить, я знаю, она у тебя сладкая должна быть, да и рыбки поесть никто не откажется. Вижу, она у тебя не разварилась, значит сочная. Вот только голов мало подал, любители, смотрю, почти все растащили. Им мяса не давай, подай с головой разделаться. Ты все головы положил или себе заначил?

– Господь с тобой, Пантелеймоныч, разве я когда..?

– Смотри, а то прикажу, твою сварим. Ну, ну, Фомич, не обижайся, я по-дружески, шутя, что ж я тебя не знаю, потому и доверяем тебе – к плите приставили. Давай, мужики, наливай по-скорому, пока уха не простыла.

Все с удовольствием пили бульон и ели рыбу, вспоминали, кто, где и когда, какую пил уху, но все в конечном счете приходили к заключению, что их уха лучше всех, хотя стерлядки да сомиков не помешало бы, и налимчик вовсе не был бы лишним. Все так: «каждый кулик свое болото хвалит», поскольку каждый кулик привык к своему болоту, а чужие места в действительности могут оказаться лучше, но все равно вспоминать будешь о своих, и какая бы жирная уха не варилась из осетров на Волге, ты всегда будешь вспоминать свою, окских щучку и судачка. Так оно и есть, каждый привыкает к своему месту и ко всему, что с детства заполняет его жизнь, со временем наполняет его душу грузом воспоминаний.

В нужный момент Евстафий Кузьмич понял, что пора начинать настоящий разговор, к тому же он стал ловить на себе взгляды мужиков, понимавших, что не просто приехал он на уху, жди от него сообщений или слов каких важных для всего миру.

– Мужики, – гаркнул Евстафий Кузьмич, – вот мы здесь сидим, ушлицу попиваем, а думали ли вы, как жить дальше?

– Так, чего же здесь думать, Кузьмич? – донесся, чей-то голос из-за стола рыбаков, – как пахали землю, так и будем пахать.

– Да, уж, как пахали, так и будем пахать.

Алтарь Европы

Степан Пантелеймонович погрозил кому-то пальцем за тем столом, мол «не перебивай, а слушай».

– Так вот я и говорю, – продолжал Кузьмич, – и хлеб, и скотину как выращивали, так и будем выращивать, вон я смотрю: почти все бабы в Озёры стали ездить, торговать молоком, сметаной и творогом, а многие имеют и постоянных покупателей. Скоро в Озёрах им будет не протолкнуться, по Речькам видно, сколько коров растёт, в начале войны, поди, поменьше было. Не так ли?

Все мужики за обеими столами загомонили, мол «так и есть», кто-то крикнул: «да и овец со свиньями не мало, слава Богу не голодаем».

– Не голодаете, это хорошо, но этого мало. Я вот наемдни в Озёрах встретил дружбана своего, мы с ним еще шалтаить начинали в Москве. Так он решил вернуться домой, пока не проел все заработанные деньги. «Голодно, – говорит, – в Москве жить стало. Хлеб идет по карточкам 200 грамм на человека, дороговизна, особенно дорожает говядина. Вот они дела-то какие. А мы кашу с маслом трескаем, да шей пустых, поди еще никто не пробывал».

Мужики снова загомонили: «Кузьмич, чего-то ты тучи нагоняешь?», «Это пусть шишголь деревенская щи-то пустые хлебает».

– Кузьмич, – встал представительный мужик с окладистой бородой, – вот слушаю тебя и не могу понять, к чему это ты клонишь? Выкладывай все напрямую, мы здесь все люди свои, сметливые, нам ведь много объяснять не надо.

– Аль задумал чего, Евстафий Кузьмич, – приподнялся другой, – не томи душу, говори.

– Сказ мой будет такой, мужики, – надо нам объединяться и своей артелью открывать торговлю – возить хлеб, да мясо в Коломну, а там московские артели скупают все под чистую.

Мужики разом все стихли, видно было, что они своим крестьянским смекалистым умом сразу почувствовали, что Евстафий Кузьмич говорит нечто дельное.

– Ну, мужики, – встал из-за стола Степан Пантелеймонович, – задал нам загадку Евстафий Кузьмич? Давайте пока будете думать, нальем еще да вот под сальце опрокинем, а то с ухой и сало лежит почти не тронутое, что ж его опять по домам разносить? Давайте нарежьте, наливайте, хлеб-то у всех есть? Фомич, глянь там, чтобы у всех все было и остатки ухи поставь подогреться, только смотри, чтобы не закипела. Ну, с Богом, мужики!

Все дружно выпили, захрустели, потянулись за толстыми, розовыми внутри и серыми от черного перца кусками сала, которое притягивало к себе чесночным запахом. Постепенно разговор возобновлялся. Вначале

Алтарь Европы

потихоньку между соседями по столу, но вскоре, казалось, все – со всеми. По-разному пришлась им затея Евстафия Кузьмича. Кто-то сразу согласился, кого-то мучали сомнения, а были и такие, которые не хотели ввязываться в дело им незнакомое. «Кому это надо, – думали они, – и что из этого выйдет? Я скотину на продажу резать не собирался, да и хлеба, чтобы везти его в Коломну, не так много. А надо будет, я и в Озёрах потихоньку поторгую, там фабричные завсегда по кусочку мяса да возьмут, а мука-то всем нужна». Кто-то из сомневающихся выкрикнул: «А ну, как коломенские не пустят? У них ведь своих там таких торговцев хватает».

– Не бойсь, – отвечал ему сосед напротив, – мы тоже не лыком шиты, за себя постоять сумеем.

– А коль засада по дороге?

– Мы на их засаду свои ружьишки с вилами прихватим. Что ты нас все пугаешь? Пуганные.

Разговор это шумный продолжался бы до бесконечности, к тому же все уже изрядно выпили, покраснелись. Евстафий Кузьмич подождал какое-то время, дал мужикам выговориться, потом встал и окликнул их:

– Мужики, мужики, пошумели и будя.

Постепенно все замолчали и принялись смотреть на Евстафия Кузьмича, что-то он еще скажет?

– Что мужики, озадачил я вас? Вот теперь и думайте, а чтобы лучше думалось, я вам газетку одну почитаю, мне ее сын из Озёр привез. Пожарные хотели искурить, так он им не дал, нашел в обмен другую. Я буду читать, а вы, как говорится, на «ус мотайте»: «Да имеющий уши услышит». Помните в 1916 годе был принят закон о продрозверстке, а вот 17 февраля газета напечатала, что на 1917 год назначена эта самая разверстка. Что же это такое? Так вот, что: изъятие всех излишков продовольствия у крестьян по ценам ниже торговых.

– Подумаешь, – протянул один мужик, сильно захмелевший и разомлевший у печки, – нам что твоя разверстка, что продналог, извернемся, как-нибудь, не впервой.

– А вот и не извернешься, – продолжал Евстафий Кузьмич, – здесь вот что прописано, я и сам по первости не все понял: они там, оказывается, стоворились пока изымать добровольно, но если возникнут недоимки по раскладке, то прибегать к реквизиции.

Соседние мужики зацыкали на него: «Не мешай слушать. Читай Кузьмич, не обращай внимания. Ему сегодня уже все равно, «что повидло, что дерьмо».

– Собственно это все, что вы теперь решите? Дела серьезные. – С этими словами Евстафий Кузьмич сел.

Алтарь Европы

– Да, Евстафий Кузьмич, – задумчиво проговорил Степан Пантелеймонович, – задал ты задачку. Идея-то твоя интересная, но не во всем понятная.

– Мы, Пантелеймоныч, давай поступим так. Я сейчас поеду, – Кузьмич кликнул Михаила и велел готовить лошадь в дорогу, – а вы здесь потолкуйте. Я понимаю, что такие вопросы с кандачка не решаются. А ты днями, не откладывая, заезжай ко мне, да Афанасия с собой захвати, он малый толковый, расскажешь, чем кончилось. Мы подумаем, как это дело половчее сварганить, если кто откажется, неволить не будем.

На том и сошлись. Михаил сказал, что лошади готовы. «Едем». Степан Пантелеймонович снабдил их свежей рыбой.

– Василисе гостинец, – сказал он, и Евстафий Кузьмич с сыном укатили знакомой дорогой домой.

Как и думал Евстафий Кузьмич, дела у царского правительства с добровольной продразверсткой так и не сладились. Начиная уже с 1916 г. привоз и обмолот зерна на заготовительные пункты постоянно падал. Да и хлебная монополия Временного правительства, введенная 25 марта, была встречена возмущением крестьян и крупных помещиков. Но министр земледелия А.И. Шингарев, в прошлом земский врач, мало смысловший в сельском хозяйстве и не видевший необходимости тонкой политики в отношении крестьян, на все упреки только и отвечал, что принятая правительством мера неизбежна, в сложившихся условиях, она «горька и печальна, но без нее обойтись нельзя». Шингареву решить проблему не удалось, как не удалось и публицисту А.В. Пешехонову, и экономисту–теоретику С.Н. Прокоповичу.

* * *

С предстоящей поездкой продумали, пожалуй, все детали. Евстафий Кузьмич настоял на продаже муки, а не зерна. Рассуждал он верно: за муку дают большую цену, а зачем нам терять свои деньги? В конце концов, на том и сошлись. Кузьмич, конечно был прав, говоря о цене, но Афанасий сразу понял его хитрость – мужикам придется срочно перемалывать зерно, а это значило, что они с Кузьмичем получают дополнительный барыш. Действительно, работы на мельнице оказалось столько, что пришлось молотить даже несколько ночей, чтобы успеть к сроку.

Решили так же взять телятины, пока морозы стоят, по весне придется мясо морозить, а при перевозке укрывать по-особому. Иначе говоря, мороки много.

Алтарь Европы

Договорились сообщить речкинскому старосте, чтобы не было претензий и обвинений, что богатеи игнорируют общину. На общем сходе произвели запись желающих ехать в Коломну. Народу записалось меньше, чем думали организаторы, но достаточно и для торговли, и для охраны обоза. Некоторые хитрецы решили погодить и посмотреть, что из этого выйдет?

Поездка прошла на удивление удачно и быстро. Как условились, выехали первого марта затемно. Пересекли Озёры и погнали напрямик коломенской дорогой. Светать начало, когда добрались до Холмов. В Тюменском были уже зацветло. Дорога оказалась хорошо накатанной, и лошади шли ходко. Тюменское означало, что полпути артельщики преодолели. Это был самый сложный участок, т.к. дорога шла лесной чащобой. Ружья и топоры лежали под руками, а кто-то прихватил и вилы, на всякий случай от неожиданностей.

Дальнейший путь предствлялся всем более простым, когда можно было и закурить спокойно, и подремать в один глаз. Вот и купола монастырских церквей Коломны, они хорошо видны с дороги, когда сам город еще не виден. Въехали в Коломну и вскоре оказались возле рынка. Послали посыльных по приемным пунктам кооператоров, узнать цены и посмотреть, где сколько народу. Быстро определились и без заминок сдали муку и мясо, оформили документы, не мешкая, собрались и погнали назад, домой.

Все прибывали какое-то время в некоторой растерянности, как-то никто не ожидал, что все произойдет так гладко и быстро, к тому же за хорошие деньги. Все подсчитывали, сколько он получит из общей кассы. На выезде из Коломны обогнули придорожную церковь, перекрестились и на ближайшей площадке притормозили на короткий отдых. Евстафий Кузьмич обошел весь обоз.

– Что, мужики, притихли, аль не довольны барышами?

Все загомонили: «Что ты, Кузьмич, говоришь такое?», «Ну, Кузьмич, и голова у тебя, как ты такое пронюхал? Все мы бываем в Коломне и о кооперации знали, но такого и в голову не приходило», «У тебя, Кузьмич, наверное, тайные советники, какие есть?».

– Ага, имеются, по ночам ко мне приходят, когда вы все дрыхните без задних ног. Догадайтесь, кто такие? А пока думаете, давайте крайние сани подтягивайте в кучу и доставайте у кого, чего есть. Надо бы перекусить и пойдем до Речек без остановки.

– В Холмах или Тюменском надо бы еще разок тормознуть, дать роздых лошадям. Мужики достали обычные дорожные припасы: хлеб, сало, лук, холодную картошку, огурцы, капусту и, конечно, водку. С удовольствием, хваля Господа Бога и Пресвятую Богоматерь за удачу, выпили, закусили. Добавили. Покурили, потом еще добавили на посошек и погнали дальше.

Алтарь Европы

Свободные от возжей расселись на сани по несколько человек, по дороге доносились разговоры и смех. Было очевидно, что нет-нет да к четвертям они прикладывались не раз. Ну, что ж, большое дело было сделано и не грех было его хорошо обмыть. Главное, чтобы ружья под рукой держали, неровен час ни лихие люди, так волки выйдут из леса, а они пострашнее людей могут оказаться. Поэтому Кузьмич так руководил обозом, чтобы затемно подоспеть к Озёрам, а дальше места пойдут людные, значит менее опасные. Волки, они хищники опасливые – сломя голову на человека напасть не отважатся.

Евстафий Кузьмич отказался делить деньги по количеству сданного хлеба и мяса, хотя мужики пытались уговорить его.

– Нет, мужики, – говорил он, – я свое дело сделал: организовал вас и поездку, а уж делить – давайте сами. Назначайте старшего, достойных ему пару грамотных помощников. Пусть сегодня еще потрудятся, а завтра поутру раздадут каждому.

– Ну, коли ты, Евстафий Кузьмич, отказываешься, то предлагаю Афанасия, он твой сотоварищ в делах, значит ему и доверять можно. К тому же он совсем трезвый.

– Давай Афанасия, – загомонили мужики, – мы согласные.

– Ладно, мужики, я берусь за это дело, если вы мне такое доверие оказываете, но раздавать деньги буду не утром, а сегодня, но позже. Не ровен час, случится чего, как я буду смотреть вам в глаза? Часам к одиннадцати приходите на мельницу, да не опаздывайте. Хоть и удача у нас сегодня такая, но спать тоже надо. На завтра работу никто не отменял.

На том и сошлись, выбрали двоих помощников Афанасию и условились там же на мельнице не медля записываться на новую поездку, кто желает, и рассказать об удаче своим соседям, пусть те из них, кто захочет, завтра вечером записывается у Афанасия.

На следующую поездку записалось в два раза больше народу. Даже те, кто сразу решил не участвовать в подобных делах, не выдержали. Мужик, он и есть мужик, от легких денег никогда не отвернется.

Надо же было такому случиться, наверное наступило удачное время для речкинских. Вторая поездка тоже прошла без сучка, без задоринки. Но удача, как птица: не удержал, она – фьют и выпорхнула из рук. Так и в этот раз. Когда уже рассчитались с конторой, хозяин заявил:

– Больше не приезжайте, нам приказано сворачивать свои дела, ожидается какой-то указ или предписание. Так что еще дня два-три может и продержимся, а там спешно в Москву. Не известно, чего ждать от новой власти? Надо, на всякий случай, успеть все куда-то продать. А то, неровен час: отберут все. Давайте, мужики, погодим, а там будь, что будет. Бог даст все обойдется еще.

Алтарь Европы

Выйдя за Коломну, обоз, как и в прошлый раз, остановился на площадке. Мужики радовались, как дети, очередной удаче, а новенькие, до последнего сомневались, что все, действительно, так будет, как им рассказывали, разохотились продолжить такие заработки. Многие готовы были выгрести все амбары, а сами уж как-нибудь обойтись малым, а в случае острой нужды, занять у богатеев или прикупить на рынке.

– Что за беда такая? – печалились артельщики между первой и второй кружкой водки, – какие-то у них там все разрухи, хаосы? Вот у нас ничего не рушится, только что дом у Ерохи того гляди рухнет, ну ему-то бездельнику и поделом. Хотя даже в такую снежную зиму и то выдержал, не рухнул.

– Главное дело, хлеб в Москве по карточкам дают, ожидают голод. Какой голод, откуда карточки? Ведь это надо же хлеба дают по 200 граммов в руки? А, сколько таких обозов идет в Москву со всей губернии. И это только от своих кооператоров, но ведь в других, хлебных, губерниях Москва тоже закупает.

– При царе, чего мельтишили, разверстки выдумывали, пришли теперь «временные», тоже начинают мельтишить. Вот раньше, платили налог и платили. Тяжеловато, правда, иногда бывало, но жили как-то, да и еще всю Европу умудрялись кормить. Да, бяда с этими политиками и только.

– Все потому, что только и думают, что о себе, а о народе и не помышляют, плевать им на простой народ и растереть.

После того, как обоз двинулся дальше, под влиянием водочки, на радостях, отбросив грустные мысли, развеселились наши артельщики, разговорились, а кто-то даже затянул песню, но на холоде особенно не попоешь. Закон о хлебной монополии, введенный 25 марта, свидетельствовал скорее о слабости Временного правительства, чем о его силе. Действительно, все его мероприятия наглядно показали, что заниматься политикой – это одно, а хозяйствовать – это другое. И уж если заготовкой хлеба будут заниматься врачи и писатели, то кто же тогда будет лечить людей и писать им интересные книжки?

Февраль 1917 г.

Россия, Петроград

Торгово-промышленная палата

У служебного входа в Торгово-промышленную палату в этот день было многолюдно. С утра сюда стал прибывать цвет российского торгового и промышленного капитала, а потому Малолитейный проезд для посторонних с той и другой стороны был перекрыт и строго охранялся жандармами и конными казаками. Прибывающие оставляли в гардеробе калоши и верхнюю

Алтарь Европы

одежду и, как правило, следовали в буфет согреться после ледящих порывов ветра со снегом с Невы, хотя градусники который день показывали устойчивые, не морозные 10 градусов по Цельсию. Они осматривались среди участников и спешили предварительно переговорить с нужными им лицами.

В десять часов утра в конференц-зале должна была открыться Всероссийская конференция торговых и промышленных союзов, которая рассматривалась ее организаторами, как подготовительное мероприятие к I съезду Всероссийского Союза торговли и промышленности, планировавшемуся на 19–22 марта.

Хорошо протопленные печи источали тепло, что уже создавало уютную атмосферу. В буфете было оживленно. Пахло коньяком и фруктами. Вновь прибывавшие не увлекались, но и не отказывались выпить сто-сто пятьдесят граммов коньячка и закусить их лимончиком и бутербродиком с икорочкой или осетринкой, впрочем, многие не отказывались от балыка белужьего бока. После этого переходили к чаю. За чаем велись степенные беседы о житье-бытье, а параллельно обсуждались вопросы предстоящего заседания. Участников из дальних губерний интересовало происходящее в Петрограде, о котором они получали противоречивые сообщения прессы, и поэтому спешили узнать истинное положение дел. Иногда они осматривали прибывавших и отмечали себе, кто прибыл из наиболее крупных воротил.

Февральский озноб постепенно сходил с участников, успевших хорошо согреться изнутри и снаружи. В округлой нише в стене за столиком, не обращая ни на кого внимания, попивал чаек Иван Логгинович Горемыкин со своим соседом по Новгородской губернии – крупным землевладельцем и торговцем сельхозпродукции Пантелеем Агаповичем Бухаловым.

– Ба! – скороговоркой воскликнул один из сравнительно молодых обитателей буфета, которому многое еще было в диковинку, – сам господин Горемыкин пожаловал. Вон сидит скромно, чаек попивает. Ишь, усищи-то распустил с бакенбардами, поболее иной бороды будут.

Его сосед, человек в возрасте и степенного вида, оторвался от чтения газеты, посмотрел поверх пенсне, пробурчал что-то вроде того: «Да, уж», отхлебнул коньячку и более вразумительно произнес: «Это человек прошлого века. Недурной и умный, но, как политик – никчемный» и продолжил чтение газеты.

* * *

Иван Логгинович Горемыкин родился в 1838 г. в семье крупного новгородского землевладельца, вице-губернатора царства Польского, как вышел в отставку, так почти безвыездно жил у себя на даче в Сочи. А здесь,

Алтарь Европы

нате, в такое время объявился в Питере, да еще на такой конференции. Видно душа старого чиновника почуяла, что-то неладное. И.Л. Горемыкин начал свою службу в далеком 1860 г. в Сенате, затем получил должность вице-губернатора Полоцкой губернии, дважды возвращался в Сенат, а в 1904 г. сам стал сенатором, в 1899 г. – членом Госсовета. Когда он посчитал, что его карьера уже на излете, в возрасте 67 лет в 1906 г. его неожиданно назначили председателем Совета министров, но ненадолго, через три месяца он был уволен, теперь, как надеялся он, навсегда. Однако, в начале 1914 г., т.е. через семь лет, он вновь был назначен главою правительства и оставался в этой должности до декабря 1916 г.

В правительственных кругах Горемыкин считался знатоком крестьянского вопроса, именно ему было поручено издать в 1891 г. «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния». Его относили к правым. Иван Логгинович отличался почитанием Закона и имел репутацию «законника», когда его назначили еще в 1895 г. министром внутренних дел, с его именем связывали надежды на послабление административного произвола. Однако этого не произошло. Особое внимание Горемыкин уделял печати, которую он всячески старался поприжать, т.к. считал, что она возбуждает в людях ненужные помыслы и расшатывает традиции, на которых основывается русское общество.

На посту главы правительства Горемыкин выступал против законопроекта об ответственности министров перед Госдумой и, будучи сам владельцем 4700 десятин земли, отвергал аграрные реформы, оставался последовательным противником уступок IV Думе и, в конечном итоге, добился ее роспуска.

В 1915 г. награжден орденом Андрея Первозванного, а в январе 1916 г. отправлен, теперь уж навсегда в отставку. Свою жизнь Иван Логгинович закончил 78-и лет трагически: был убит вместе с женой, дочерью и зятем во время разбойного нападения большевиков на его дачу в Сочи.

* * *

– Обратите внимание, господа, прибыл наш председатель, – заметил кто-то.

В буфет вошел А.И. Гучков, осмотрелся и направился напрямиком к компании, где П.П. Рябушкинский оживленно что-то обсуждал с группкой московских банкиров.

– Пал Палыч, – обратился он к П.П. Рябушкинскому, – у меня к Вам разговор, не терпящий отлагательства, к тому же конфиденциальный.

Алтарь Европы

– Извините, господа, я готов придерживаться нашей договоренности, – сказал им Рябушкинский, – к Вашим услугам, Александр Иванович.

– Идемте, я попросил, чтобы нам приготовили переговорную комнату, вот она слева от столиков.

Не успели зайти в комнату, как постучали в дверь и появилась подавала: «Господа желают чего?»

– Я, пожалуй, съел бы пару бутербродов с рыбой и выпил чаю с кренделем. С утра маковой крошки во рту не было, а до обеда еще далеко, – заказал Гучков.

– А я, наоборот, сыт. Подай, любезный, пожалуй, коньяку граммов сто и чаю, только горячего и с лимоном, – попросил Рябушинский. Подавала ушел.

– Что стряслось, Александр Иванович?

– Собственно ничего не стряслось, но вот какая штука. Как мы и договаривались, я послал главе правительства приглашение на нашу конференцию. Так вот, он сам отказался, но прислал Министра внутренних дел А.Д. Протопопова, а тот взял с собой начальника Главного артиллерийского управления А.А.Маниковского. Вот мне и хотелось бы обсудить с Вами эту ситуацию.

Рябушинский на какое-то время задумался, но вскоре оживился и сказал:

– А знаете, это очень хорошо. Н.Д. Голицын, конечно, понимает, сколько упреков в свой адрес он может услышать, зачем ему скандал, вот он и шлет ненавистного ему Протопопова, этот берет с собой Маниковского, в чей адрес со стороны армии больше всего упреков. Если бы Н.Д. Голицын присутствовал сам, то участники могли бы и воздержаться высказываться на прямую, а здесь их никто не будет сдерживать. То, что прибудет Протопопов – это тоже хорошо – в его адрес полно нареканий и в правительстве, и в обществе, он, конечно, постарается спихнуть все возможное с себя, ну а мы посмотрим и все это послушаем. Нам же будет легче отместить упреки в адрес промышленности.

– Ну, что ж, резонно. Тогда я предоставлю слово вначале А.Д. Протопопову, затем А.А. Маниковскому, пусть откроют свои карты, а потом уже, Пал Палыч, Вам слово – зададите тон последующим выступлениям.

* * *

Когда глава правительства Николай Дмитриевич Голицын получил приглашение на конференцию, он сразу решил не ехать. «Зачем мне все это надо, – думал он, – подставлять себя под огонь явной критики. Однако, –

Алтарь Европы

решил он, – послать кого-то надо. Нужно знать, что там будет делаться, чтобы в нужный момент быть готовым парировать их нападки». Он решил послать военного министра, но тот «Христа ради» просил этого не делать.

– Николай Дмитриевич, – Вы же знаете, они меня там «камнями побьют», а у меня сердце слабое. К тому же к привычной критике последнее время добавились обвинения меня в измене. Я может быть и дурак, но, Вы же, Николай Дмитриевич, знаете – я не изменник. Пошлите А.Д. Протопопова, ему не привыкать к критике, к тому же его присутствие сместит акценты на хаос, а недостатки в экономике уйдут на второй план.

– Неплохо придумано, так и поступим, – решил Н.Д. Голицин.

Рябушинский Павел Павлович родился в 1871 г. в старообрядческой семье хлопчатобумажных фабрикантов и банкиров. Окончил Московскую Практическую академию коммерческих наук (1890). Владел немецким, французским и английским языками. Имел интересы в льняной, стекольной, бумажной полиграфической, автомобильной промышленности. С 1900 г. возглавил Товарищество мануфактур П.М. Рябушинского с сыновьями. С 1901 г. занимался банковским делом и был председателем совета Московского банка, созданного на основе банкирского дома «Братья Рябушинские». С 1906 г. – старшина, а затем председатель Московского биржевого комитета, член Совета съездов представителей промышленности и торговли, самый богатый человек в России.

В ноябре 1905 г. вошел в состав ЦК «Союза 17 октября», но вскоре, будучи несогласным с политикой лидера октябристов А.И. Гучкова, перешел в Партию «мирного обновления», не принимавшую ни революционного насилия, ни правительственного произвола, затем стал одним из инициаторов создания партии «прогрессистов» и председателем ее Московского комитета. Весной 1914 г. вместе с А.И. Коноваловым пытался организовать блок оппозиционных партий (прогрессисты, кадеты, левые октябристы) и левых (эсеры, социал-демократы) для внедумского давления на правительство И.Л. Горемыкина, проводившего консервативную политику. Возглавлял группу так называемых «молодых капиталистов», выступавших за утверждение в стране конституционного строя с переходом реальной власти от дворянско-бюрократических элементов в руки деловой буржуазии. Сторонник проведения либеральной политики в отношении рабочих. В 1908 г. организовал при участии П.Б. Струве так называемые экономические беседы представителей либеральной профессуры (С.А. Котляровский, А.А. Мануйлов и др.) с целью выработать экономическую программу развития страны. Свои политические взгляды пропагандировал в газете «Утро» и «Утро России», в которых выступал с противоположительственными статьями.

Алтарь Европы

Участвовал в движении старообрядцев в качестве товарища представителя совета Съездов старообрядцев.

В начале первой мировой войны стал уполномоченным лазарета, созданного на средства московского купечества в действующей армии. В мае 1915 г. на девятом торгово-промышленном съезде призвал предпринимателей к организации военно-промышленного комитета, с июня председатель Московского Военно-промышленного комитета. Призывал «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти. Избран в Государственный Совет. В ноябре 1916 г. по инициативе Рябушинского при Московском Военно-Промышленном комитете создана «рабочая группа» для объединения рабочих вокруг военно-промышленных комитетов и созыва Всероссийского рабочего съезда. В феврале 1917 г. он выступил за «единство всех социальных сил», однако вскоре потерял надежду на установление конституционного строя и начал отходить от политики, предвещая крах экономики.

Не надеясь более на временное правительство, он поддержал выступление Л.Г. Корнилова, а после его подавления отошел от политики, уехал лечиться в Крым от туберкулеза, где был в середине сентября арестован по решению Симферопольского Совета как «соучастник заговора», но по распоряжению А.Ф. Керенского освобожден.

Октябрьский переворот большевиков он не принял ни в коей мере. Напротив – вступил в антибольшевистский Совет государственного объединения России, созданный П.Н. Милюковым. В 1919 г. эмигрировал во Францию, где был избран почетным председателем торгово-промышленного съезда. Жил в надежде на внутреннюю эволюцию Советской власти в связи с введением НЭПа и призывал готовиться к моменту, когда «на торгово-промышленный класс ляжет колоссальная обязанность – возродить Россию».

Мечтал вернуться в Россию и продолжить деятельность по ее возрождению, но в 1924 г. Павел Павлович скончался в Париже в возрасте пятидесяти трех лет. Парижская газета «Последние новости» написала, что скончался один из самых богатых и влиятельных людей дореволюционной России. В последний путь его провожали только ближайшие родственники и несколько старинных друзей.

* * *

И.Л. Горемыкин посмотрел на часы: «Да...с, еще целых тридцать пять минут до начала и еще минут десять будут тянуться опоздавшие».

– А Вы знаете, Пантелей Агапович, – обратился он к почти задремавшему Бухалову, – ведь все эти «игры» с различными союзами,

Алтарь Европы

комитетами, обществами прошли перед моими глазами, а, порой, приходилось заниматься ими самым непосредственным образом.

– Так...так...так, очень интересно, – оживился Бухалов и допил совсем простывший чай, – и что Вы, Иван Логгинович, обо всем этом думаете? Куда это господа рябушинские и гучковы все это двигают?

– Известно куда. Денег намолотили себе немеренно, теперь им власти подавай, помещиков поприжать хотят во власти, чтобы самим править бал. Только они пока не понимают насколько это тяжелый труд. На меня сколько чертей вешали в прошлые годы? И консерватором называли, и реакционером. А я то видел – стоит из нашего здания вышибить хоть один кирпичик, так оно в одночасье рухнет. Поэтому я писак этих – газетчиков, всегда стремился урезонить, а если надо, то и приструнить, чтобы не подрывали основ государственности. Всему свое время. Вот я и думаю, а может это время, наконец, пришло? Затем я сюда и приехал, послушать, к чему вся эта публика стремится. Благо, что рулит здесь Пал Палыч Рябушинский, он человек, думаю, с понятием, рубить с плеча не будет, а будет двигаться постепенно. Примечаю за ним – человек он, преисполненный патриотических чувств. Ему то же эти революции не нужны, ну а там посмотрим.

– Так, кроме Рябушинского и ему подобных, какая молодежь подросла, все образованные, на всяких языках лопочут, к социалистам их, видите ли, тянет. Нахватались, знаете ли, в Европах идей всяких дурных и все без разбора в дом тащат, нет бы к старикам прислушались. Вот Вы говорите: Рябушинский, а он тоже хмырь еще тот, «классовый мир» ему подавай, ведь это же утопия, он с социалистами тоже пофлиртовать не против, или вот А.И. Коновалов чего стоит. Люди они, в основном, умные, но житейского опыта, я бы сказал, мудрости не хватает.

– Все так. Помню еще в 1870 г., я тогда в вице-губернаторах стоял, затеяли молодцы наши в Петербурге Всероссийский съезд фабрикантов и заводчиков. Съехался тогда народец не слабее нынешних – Савва Тимофеевич Морозов, прибыли братья Прохоровы и Варгунины, Золотарев, Садовников. Народу много понаехало. И порешили они в отраслях и в губерниях создавать объединения торговли, фабрикантов, заводчиков и владельцев мануфактур. Ну и пошло, поехало, создали Общество содействия русской промышленности и торговле.

– А потом, – перебил Горемыкина Бухалов, – основали Торгово-промышленный центр России.

– М...да, так вот, а сначала нашего века стали поговаривать о создании общероссийского объединения промышленников. Так что американцам с их хваленым прогрессом до наших темпов..., куда там.

Алтарь Европы

– Так вона как, с каких пор их во власть уже потянуло. Хотя все правильно, промышленность-то наша и торговля с тех пор бушует, растет на глазах, вот они и объединяются защитить себя через власть. Теперь, значит, Пал Палыч взялся за это дело.

Горемыкин еще раз посмотрел на часы:

– Ну...с, Пантелей Агапович, идемте, пора. А Рябушинский не сейчас, он давно с этими идеями носится. Но такие как Пал Палыч за простой народ все-таки радеют. Не забывают подавать от своих миллионов на нужды страждущих. Это они у стариков своих научились, те тоже горазды были. Помнится в начале девяностых, я тогда еще товарищем министра юстиции служил, надумал помещик Николай Артемьевич, дед нашего Терещенко, владелец села Теткино, что в Курской губернии, пожертвовать своим крестьянам, да не всем, а вдовам, сиротам, калекам, вообще нуждающимся. И что надумал? Он внес в банк 50 тысяч рублей и ежегодно на рождество Христово да на Пасху выдавал им пособие в размере процентов с этой суммы. Получались очень неплохие деньги. И народу на них оказалось немало, человек по триста, до четырехсот бывали благодетельствованы. Вот все бы так, и революций никаких не надо было бы. Хотя нынешняя молодежь, кто правильно жизнь понимает, тоже немало жертвует.

Первое заседание открыл Председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков. Он поздравил участников конференции с ее открытием и поблагодарил всех, что нашли время приехать в это тяжелое для России время. Объяснил задачу конференции: всемерное содействие русской армии в войне, которую, как он заявил, все патриотические силы намерены вести до победного конца. Эти слова Гучкова были встречены бурей аплодисментов, после чего он сообщил регламент.

– Господа участники, – сказал он, – на нашей конференции присутствует министр внутренних дел действительный статский советник, господин Протопопов Александр Дмитриевич и Начальник главного артиллерийского управления, генерал Маниковский Алексей Алексеевич. Услышав эти имена, по аудитории прошел хорошо слышимый шепоток, в котором можно было уловить оживленную интонацию: «Вот Вы-то нам и нужны».

– Я думаю, – продолжал Гучков, – что мы заслушаем господ Протопопова и Маниковского, а потом выступит господин Рябушинский Павел Павлович – инициатор предстоящего съезда и нынешней конференции.

Аудитория одобрительно закивала, раздалось несколько голосов согласия, отдельные хлопки, кто-то крикнул: «Давайте скорее, не будем терять время».

Алтарь Европы

На трибуну не спеша поднялся пятидесятилетний министр, он же крупный помещик Симбирской губернии. Его состояние оценивалось не менее двух миллионов рублей, владелец 4657 десятин земли, лесопильного завода и суконной фабрики, председатель Союза суконных фабрикантов, председатель Совета съездов представителей металлургической промышленности и предводитель дворянства Симбирской губернии, товарищ председателя IV Госдумы. Внимательный наблюдатель мог заметить, что Александр Дмитриевич тщательно скрывает свое волнение в ожидании редких упреков в свой адрес. Будучи опытным политиком, он решил не оправдываться, а сразу перейти в «наступление».

– Господа, – начал Протопопов не спеша, размеренным голосом, не глядя ни в какие записи. Я понимаю ваш настрой высказать наиболее у каждого за последнее время, знаю и то, что за все беспорядки многие обвиняют меня. Внешне, конечно, может показаться, кто, как не министр внутренних дел должен отвечать за хаос в Петрограде, Москве и некоторых других городах страны. Но это чисто внешнее понимание проблемы. Если бы она заключалась только в бездействии МВД, то была легко устранима. Смею отметить, что все сотрудники министерства с удвоенным напряжением трудятся и днем и ночью, но хаос нарастает буквально не по дням, а по часам; была создана в Питере многотысячная милиция и, что-же? Волна хаоса и беспорядков продолжает расти. Гарнизон города не справляется с толпой, а некоторые его части уже переходят на сторону агитаторов. С фронта были направлены войска для умирения в Питер, но их даже не впустили в город, а солдаты братаются с бунтовщиками. Кто же виноват в этом?

Протопопов сделал паузу, отпил из стакана глоток воды и осмотрел затихший зал. Все внимательно смотрели на него в ожидании откровений, хотя все понимали, что докладчик во многом прав.

– Если Вы считаете, – продолжал Протопопов, – что министерство бездействует, я готов уйти в отставку. Найдите человека, который способен навести порядок. А я, наконец-то, займусь своим хозяйством, оно, как и у каждого из вас, требует к себе сегодня большого внимания. Поэтому мне хотелось бы продолжить разговор не только, как министр, но и как такой же, как и вы, предприниматель.

Далее он начал приводить примеры бесчинств, как он выразился, бунтовщиков и смутьянов, и как эти бесчинства влияют на хозяйство страны.

– Охранное отделение Петрограда располагает списками главарей и зачинщиков беспорядков. В руководство зачинщиков внедрен наш человек, и мы знаем все их планы. Весь город разделен на особые сектора, охрана которых поручена воинским частям. Но у нас не хватает сотрудников, чтобы арестовать всех сразу. Тем не менее уже арестовано сто семьдесят человек.

Алтарь Европы

Начальник Петроградского военного округа господин Хабалов гарантирует выставить тридцать тысяч солдат с артиллерией и бронемашинами против нарушителей порядка, но мы не имеем права стрелять.

– Так Вы не стреляйте, а дайте лучше народу хлеба, – раздался зычный голос Михаила Владимировича Родзянко.

– Вздор все это. Хлеб в Петрограде есть. Но в результате провокационных публикаций газетчиков, Ваших, Михаил Владимирович, газет, о планах ввести карточки, все кинулись запасать хлеб и сушить сухари. Вот хлеб и исчез, а пекарни с такими объемами не справляются.

Газеты намекают, что Дума могла бы решить продовольственную проблему. Что ж, хотелось бы верить, что общественные организации лучше нас справятся с проблемой. У меня на руках решение правительства, о передаче всего продовольственного дела в Петрограде в руки городского самоуправления. Надеюсь, Михаил Владимирович, Вы довольны.

– Вы что, принимаете меня за круглого дурака? Вы развалили все дело, а нам теперь расхлебывать!

– Ну, а чего же Вы предлагаете?

– Дума этого вопроса не обсуждала, – Родзянко явно был смущен вопросом и не знал, что ответить. Но не сдержался и высказал сокровенную мысль. – Надо призвать к власти людей, которым верит вся Россия.

– И что же изменится? Отвечайте прямо. Положение намного серьезнее. Хлеб-то найти можно, но на лозунгах толпы – «Долой царя», и здесь одним хлебом без расстрелов уже не обойдешься.

– Ну знаете, Вам бы только расстреливать. Меня, в конце концов, эти детали не интересуют, не вмешивайте меня, это Ваша работа, вот и исправляйте свои недоработки. – нервно выкрикнул Родзянко, встал со своего кресла и быстрым шагом покинул залу.

– Трус, – крикнул ему вдогонку Протопопов.

Все это время Гучков безуспешно стоя пытался призвать спорщиков к порядку.

– Господа, господа, соблюдайте регламент. У нас не обсуждение докладов. Позвольте господину Протопопову закончить.

Когда, наконец, ему это удалось, Протопопов перешел к заключительной части доклада.

– Посмотрим суровой правде в глаза, – резюмировал министр, – в стране нарастает революция, не управляемая, которую поглотила стихия городской толпы и безумия агитаторов-радикалов. После этих слов он впервые заглянул в приготовленный текст и фактически зачитал его. – Финансы расстроены, товарооборот нарушен, производительность труда

Алтарь Европы

резко упала. Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение. Наборы обезлюднили деревню, остановили обработку земли. Деревня несчастна без мужей, братьев, сыновей и даже подростков. В городах приближается голод, деревня задавлена страхом реквизиций. Товаров в продаже мало, цены растут, растет и продажа «из под полы», развивается мародерство. Упорядочить дело некому, хотя начальства много, оно не имеет направляющей воли, плана, системы. Верховная власть перестала быть источником жизни и света. Я думаю, что спасти положение могут только наши совместные усилия и правительство, ответственное перед Думой.

На этом докладчик закончил. Раздались нестройные аплодисменты. Было очевидно, что доклад принят неоднозначно, многое в нем хорошо было продуманно и подкупало слушателей, но его заключение, сделанное как будто по заказу либералов, не понравилось консервативной монархической части участников. Отвечая на вопросы, Протопопов не сказал ничего нового, в том или ином виде он повторял прозвучавшее в докладе. Поэтому А.И. Гучков в какой-то момент прервал докладчика, заявив, что позиция его понятна и в целях экономии времени предложил перейти ко второму докладу. Александр Дмитриевич размеренным шагом вернулся на свое место. «Слава Богу! – Подумал он, – обструкция не состоялась. Вот что значит знать аудиторию и правильно к ней обратиться. Поддержка либералов, – думал он, – сегодня важнее, чем признание у монархистов. С ними как-нибудь договоримся.

– Спасибо, Александр Дмитриевич, – услышал он за спиной благодарность Гучкова, когда спускался с президиумных высот, – доклад Ваш интересный и очень поучительный. Хотя, кажется, что Вы слишком сгустили краски о последствиях хаоса, все сказанное, конечно, имеет место, но не до такой же степени, но, я надеюсь, что выступления участников из различных мест прояснят ситуацию. Следующий доклад у нас начальника Главного артиллерийского управления генерала Маниковского Алексея Алексеевича.

Пока А.А. Маниковский поднимался на трибуну, А.Д. Протопопов получил свою долю поздравлений от близлежащих от него единомышленников. В целом удачное выступление не спасло давно упавшего авторитета Александра Дмитриевича. Через несколько дней после конференции после перехода власти к Временному комитету Госдумы, вечером 28 февраля он сам явился в Таврический дворец, где был арестован как и другие члены царского правительства, которых поместили в министерский павильон Петропавловской крепости. Мытарства последнего времени, постоянные допросы Чрезвычайной следственной комиссии

Алтарь Европы

истожили внутренние силы Александра Дмитриевича, и он был отправлен под охраной в лечебницу для нервных больных, а большевики, захватив власть, перевели его в Москву в Таганскую тюрьму и, несмотря на его болезнь, в октябре 1918 г. он был расстрелян.

После доклада Протопопова положение Маниковского как докладчика намного усложнилось. Ругать правительство – Протопопов уже ругал, поддерживать правительство означает вызвать бурю недовольства у участников. «Ладно, – решил он, – расскажу, как есть, а они пусть решают сами. В конце концов это – доклад, а не отчет перед Думой, в крайнем случае пошумят и утихомируются».

– Вот, обратите внимание Пантелей Агапович, – шепнул на ухо Бухалову Горемыкин, – Протопопов все валил на правительство, а он, вроде, и не причем, этот будет костить промышленников, а себя выставлять не иначе как спасителем Отечества. А в итоге никакого такого особого наступления нашей армии не состоится – это уж поверьте моему опыту. Их послушать, так каждый радуется за Отечество, но в итоге выходит трагикомедия и кто-то в тиши своего кабинета потирает руки.

Алексей Алексеевич Маниковский – пятидесятидвухлетний генерал от артиллерии в мае 1915 г. был назначен начальником Главного артиллерийского управления. Образование получил в Тифлиском кадетском корпусе, после этого в Михайловском артиллерийском училище. Был направлен в Михайловскую артиллерийскую академию, которую окончил в 1891. Службу начал после окончания Офицерской артиллерийской школы. Служил добросовестно, в своей среде был признан крупным специалистом в области береговой артиллерии, хотя громких военных успехов не имел. Опубликовал ряд трудов по теории и практике береговой стрельбы. Масон.

Набирался практического опыта в Усть-Двинской крепостной артиллерии, с 1906 г. назначен ее командиром. С ноября 1904 г. воевал во 2-й маньчжурской армии. В 1906 г. назначен в Кронштадт командиром артиллерии, а с 1914 г. – комендантом Кронштадтской крепости, за год до этого произведен в чин генерала-лейтенанта.

В 1915 г. разразился скандал по поводу нехватки артиллерийских снарядов на фронте. ГАУ и его начальник Д.Д. Кузьмин-Караваев подверглись резкой критике, после чего встал вопрос об укреплении руководства ГАУ. Выбор пал на А.А. Маниковского, которого все знали как энергичного генерала. На совещании в Министерстве обороны один из уважаемых генералов, выдающийся оружейник В.Г. Федоров, заявил: «Маниковский обладает всеми – буквально всеми – качествами для идеального начальника – колоссальной кипучей энергией и исключительными способностями. Он берет все решения на одного себя, с

Алтарь Европы

маху разрубает все встречающиеся препятствия своими быстрыми и энергичными приказами... Далекое предвидение, способность быстро разбираться во всяком запутанном деле, смелость в решениях и привлечение к себе всех сотрудников сердечностью и прямоотой своего к ним отношения – основные качества этого выдающегося человека. Его любимые слова: «Промедление смерти подобно». Маниковский, прежде всего, собрал с фронтов квалифицированных специалистов. С ними к ноябрю 1916 г. был разработан доклад по заводскому строительству. Однако, он выходил далеко за рамки обеспечения армии артиллерией и снарядами. Фактически это была Программа неотлагательной перестройки всей экономической жизни России, программа взаимодействия государства и крупного капитала. С этой программы в стране мог начаться новый этап социально-экономического развития.

Но программа была принята не всеми, так как на вопрос Рябушинского Горемыкину, несколько месяцев находившемуся в отставке и блаженствующему под ласковым солнцем Сочи, где он и повстречал отдохавшего там же с семьей Павла Павловича: «Как Вам видится А.А. Маниковский?», пробурчал с неохотой: «Еще один реформатор сыскался на нашу голову».

Дело шло у ГАУ с большим трудом, но к 1917 г. нужды фронта были удовлетворены в полной мере, и Ставка в этом отношении была спокойна при планировании широкомасштабной операции до тех пор, пока не началась революция.

А.А. Маниковский, будучи хорошим оратором, умевшим владеть аудиторией, после импульсивных заявлений А.Д. Протопопова начал свой доклад спокойным ровным голосом, не предвещавшим резких выпадов в чей-либо адрес. Это заставило аудиторию быстро затихнуть. Даже В.М. Пуришкевич перестал, в присущей ему манере, ерзать на своем месте и выкрикивать различные реплики.

– Господа, – обратился к участникам Алексей Алексеевич, – я человек военный и привык мыслить конкретно, опираясь на проверенные факты, согласованные с командующими армиями. Первый мой тезис такой: «Кризис 1915 г. на фронте миновал, хотя впереди еще предстоят тяжелые бои. В настоящее время на фронт отправляется достаточное количество вооружения, но стратегически этого еще недостаточно, чтобы успешно завершить войну. Враг пока не сломлен, поэтому война закончится тогда, когда у нас окажется несомненный перевес в боевом снабжении. При этом предстоит любой ценой по части боевого снабжения избавиться от иностранной зависимости. Без полной самостоятельности в этом отношении трудно остаться Великой Державой несмотря ни на какие внутренние богатства страны».

Алтарь Европы

При этих словах Рябушинский шепнул на ухо Гучкову: «Каков Маниковский оказался! Правильно ставит вопрос». «Подождите, – ответил осторожный Гучков, – посмотрим, как он будет решать этот вопрос. Вы же знаете его кредо». По аудитории прошел довольный шепоток – предпринимателям понравилось заявление о необходимости самостоятельности. У них появилась надежда, что ГАУ поддержит их притязания на госзаказы. Однако все быстро смолкли на следующем заявлении Маниковского о взаимодействии государства и частной промышленности. Это было еще, что-то сравнительно новое в политике, и от чего в их сторону веяло некоторым холодом. Алексей Алексеевич понимал, что наступает минута, когда присутствующие ждут от него откровения, что это за «взаимодействие» такое? И понимая, что такое «откровение» готово взорвать аудиторию, не желавшую никакого контроля над собой, решил пока обойти эту тему по «касательной». К тому же он помнил свой разговор с Николаем II в конце 1916 г., когда царь предупредил, что на него жалуются за стремление стеснить самостоятельность предпринимателей.

– Помилуйте, Ваше Величество, – парировал тогда Маниковский, – они и так наживаются на госзаказах от 300%, а бывают случаи и до 1000%.

– Ну и пусть наживаются, лишь бы не воровали, – ответил царь.

Маниковский обратил внимание, что Николай II сделал это заявление абсолютно спокойно, было очевидно, что его ответ давно продуман.

– Но это же, – не унимался Маниковский, – хуже воровства, это же открытый грабеж.

– Послушайте, Алексей Алексеевич, – продолжил, уже заметно раздражаясь, царь, – я знаю о Ваших помыслах и, поверьте, ценю Ваше рвение, но, видите ли, есть соображения более высокие, которые заставляют не раздражать общественное мнение.

А.А. Маниковский запомнил этот разговор с царем и старался действовать осторожнее.

– Частная промышленность, – не торопясь, доброжелательно, но фактически поучая, заявил Маниковский, – после войны должна работать на внутренний рынок, который до войны фактически наполнялся заграничными фабриками. Вот поистине благородная задача для нашей частной промышленности – завоевать свой собственный рынок... Для ее выполнения нужно сохранить под контролем ГАУ ячейки тех военных производств, которые получили колоссальные государственные средства, а военных заказов им хватит и в мирное время. Но рассчитывать только на эти заказы, обогатившие банки в войну, в самое тяжелое время для России, нельзя, нужна и частная воля, и инициатива промышленников.

Алтарь Европы

После этих слов Маниковский взял паузу на глоток воды. Аудитория сидела тихо, даже казалось, что она скована глубоким раздумьем. Многие услышали в словах докладчика обещание: «Будете хорошо работать самостоятельно на внутренний рынок, получите и госзаказы, а таковых и сейчас, и в мирное время хватит всем. Так вот оно в чем «взаимодействие». Так это же то, что и требуется. Чем больше будем отдавать, тем больше будем получать». По мере того, как эта мысль доходила до участников, в зале стали возникать отдельные хлопки одобрения, которые скоро переросли в бурную овацию, которую не мог сдержать колокольчик председательствующего, некоторые даже вставали и весело переговаривались между собою.

В.М. Пуришкевич остановился между рядами, он размахивал руками, одной указывал на докладчика, другой на аудиторию, пытался что-то выкрикивать, но его голос тонул в буре оваций. Было очевидно, что он хотел что-то сказать о докладчике и докладе, а также о слушавшей его аудитории.

Алексей Алексеевич понял, что это победа и решил дальше не углублять тему строительства государственных заводов, об этом его детище все знали и поминание о нем могло смазать успех всего доклада, так как было очевидно, что и промышленники, и торговцы рассматривали всю экономику страны через цифры своих бухгалтерских книг.

После выступления А.А. Маниковского было предложено сделать перерыв.

– Господа, – сказал А.И. Гучков, объявляя перерыв, – мы заслушали два доклада из правительства, которые значительно обогатили наше понимание проблемы, а в определенной мере «просветили» нас фактически. Я думаю, после небольшого перерыва и до обеда мы послушаем представителей деловых кругов и сопоставим их видение проблемы с позицией правительства. Думаю, такое сопоставление будет способствовать объективности наших выводов. После обеда приглашаем всех участников к дискуссии, желающие выступить записывайтесь в секретариате конференции. Мне сообщили, что уже записались В.М. Пуришкевич, П.Н. Милюков, М.В. Родзянко. Видимо еще троих-четверых человек мы успеем заслушать, но прошу выступать кратко и по существу обсуждаемых вопросов.

На выходе из залы заседаний и Протопопова, и Маниковского атаковали толпы журналистов. Через неплотно закрытые двери они уже знали суть их докладов.

– Господин Маниковский, – затараторил молодой человек, аккуратно одетый и с блокнотом в руках, – я представляю газету «Утро России».

– Это ту самую газету, которую издает П.П. Рябушинский и финансово поддерживает господин А.И. Коновалов?

Алтарь Европы

– Совершенно верно. Позвольте спросить: неужели Вы верите, что деловой мир действительно поддержит Вашу министерскую программу строительства казенных заводов, а предприниматели согласятся на контроль государства над их производством и торговлей?

А.А. Маниковский понял, что этот писака и, вероятно, другие точно уловили смысл его доклада, хотя эти мысли он высказывал не впервые. Зная, что журналисты будут вынуждены описать орацию, с которой был встречен его доклад, он не боялся теперь более откровенно высказывать свои стремления.

– Во-первых, – сказал он, – я высказывал позицию не правительства, где нас часто не хотят понимать и, порой, сознательно не поддерживают, а ведущих специалистов ГАУ, и знаю, что думаю в определенных кругах нашей политической элиты. Мы полны решимости отстаивать свои позиции и предвидели, что не все предприниматели, не смотря на аплодисменты, которые Вы слышали поймут и поддержат нас. Это были аплодисменты их наиболее просвещенной части, а та масса российских предпринимателей, которая плохо знакома с законами предпринимательской деятельности, не понимает, что наша программа «взаимодействия» направлена, в конечном итоге, на их благо и рассчитана на длительную перспективу, а не только на сегодняшний день, после которого «хоть потоп». Не мы первые, кто решается на коренные меры в экономике, вспомнить хотя бы правительства С.Ю. Витте и П.А. Столыпина.

– Но, если говорить об их деятельности, – кто-то выкрикнул из журналистской массы, – то помнится, чем все это закончилось.

– Да, печальная участь Петра Аркадиевича еще у всех на памяти. Однако, многое из того, что он успел сделать, действует и поныне, его реформы здорово поддержали Россию в войне.

– Господа, господа, – раздался недовольный голос И.А. Горемыкина, – оставьте Алексея Алексеевича в покое, дайте ему отдохнуть после сложного доклада. – Горемыкин, как всегда, не спеша, но твердо и уверенно двигался через толпу. – Идемте Алексей Алексеевич со мной, иначе они не отстанут. «Интересно, – подумал Маниковский, – с какой стати Горемыкин проявляет такое участие ко мне? Видимо, хочет сам что-то выпросить или сказать?»

– Голубчик, – окликнул Иван Логгинович пробежавшего подавалу, – я просил придержать мне столик.

– Проходите, господин Горемыкин, к стеночке, столик Вас там ждет, тот же, что и до заседания. Господин Бухалов уже там.

– Господин Маниковский, – кто-то из журналистов окликнул Алексея Алексеевича, – а кого Вы имели в виду под «определенными кругами политической элиты?»

Алтарь Европы

– Сказано же, не сейчас, – ответил за Маниковского Горемыкин. – Кого, кого? – пробубнил он себе под нос. – Кого надо, того и имел ввиду. Отвечать на такие вопросы, значит поднимать «вой» газетчиков, а это, особенно сейчас, излишне. «Старый, хитрый лис, – подумал Маниковский, – все понимает, да не больно разводит всякие там ля-ля-му-му».

– Вот и наш столик, присаживайтесь, Алексей Алексеевич.

На столе уже лежали еще теплые бублики с маком, кренделя, вазочки с густым вишневым вареньем и конфетами. Подбежал подавала, мигом налил чаю с душистым лимоном.

– Чего изволят господа? – услужливо спросил подавала.

А.А. Маниковский заказал жульен.

– Только горячий, – сказал он. – Я, знаете ли, без горячей пищи не могу, привык как-то.

П.А. Бухалов польстился на заливную осетрину: «А хрен подайте помягче, «горлодер» мне и в нашей провинции надоел, хотя он хорошо «прочищает» мозги, после него в голове становится светлее и сон спадает, правда на нынешнем заседании не до сна».

– А я обойдусь кренделями с вареньем, да не забывай, любезный, чаю подливать.

– Вина, водочки, коньяку господа изволят?

– Мне пожалуй к осетринке не помешает столовая смирновка, 21 номера, граммов этак сто пятьдесят, – заказал Бухалов.

– Вам, Алексей Алексеевич, с удачей, сам Бог велел, сорвать такие аплодисменты... Мне коньячку двадцать граммов в чай, – отвлеченно глядя на подавалу.

– Ну что ж, не откажусь от ста грамм «Наполеона» под горячее-то, – с удовольствием кивнул подавале Маниковский.

– А вы знаете, Алексей Алексеевич, не хочу Вас огорчать, хотя следует заметить, что сегодня Вы одержали успех, но еще не победу. Должен Вас предостеречь, как старший и старый, умудренный опытом человек, потому что Вы мне нравились еще в ту пору, когда меня во второй раз призвали возглавлять правительство. Ваша целеустремленность и энергия удачно сочетаются с осторожностью, отсутствием суетности и умением лавировать перед лицом опасности.

Вы предполагаете, как я понимаю, не просто программу вооружений, а программу экономического развития через преобразование военной промышленности в годы войны и заглядываете в послевоенное устройство страны. Но обратите внимание, что получается? Еще с XIX в. как только начинались реформы, то начинали лететь бомбы в крупных сановников. Вспомните П.А. Столыпина, сколько раз на него покушались. Это, с одной

Алтарь Европы

стороны, а с другой, в Думе ему так и не удалось найти твердой поддержки ни левых, ни правых.

Меня считали крайне правым, даже реакционером. Но, видит Бог, я понимал все те проблемы, которые мешают России, но был уверен, что Россия не та страна, которую одним махом можно изменить, она огромная, тяжелая на подъем, вросшая в традиции и покрывшаяся толстым слоем моха. С нее можно только осторожно слой за слоем снимать устаревающие наросты, иначе весь мох лопнет, и в эти «окна» засосет всех нас: и левых, и правых. Вы думаете, я не вижу какая польза была бы и предпринимателям, и народу, и России в целом от Ваших реформ? Вижу и готов всем сердцем радоваться за их успех. Но, помяните мое слово, скоро к власти придут такие люди, которые будут способны потопить все благие начинания, потому что эти люди не понимают ничего ни в политике, ни в хозяйстве. Для них главным будет красоваться у власти, а таких людей как Вы они сочтут своими противниками. Поэтому не надо ломать уже созданное и создавать нечто новое, нужно по мере необходимости совершенствовать то, что имеется. Это займет больше времени, но этот путь надежнее. Бывали реформаторами и цари, возьмите Петра Великого, но, во-первых, это царь, во-вторых, находились люди, что и царей убивали.

Старик И.Л. Горемыкин в основе своей был прав. Ближайшие месяцы после февральской революций – лучшее тому подтверждение. Промышленники давя на правительство привели дело к тому, что казенное строительство было уничтожено, а новые политические силы не нашли своего пути преодоления экономического кризиса и успешного завершения войны.

Некоторые участники конференции, раззадоренные первыми выступлениями, не расслаблялись за чаем и не заводили серьезных бесед, они стремились побыстрее вернуться в залу и продолжить заседание. Они суетились, не зная, что основные обсуждения происходят не там, а именно за чаем и рюмочкой водки или коньяку. Компания Горемыкина была умудренной опытом, и поэтому Иван Логгинович с удовольствием и не спеша допивал уж какой стакан чаю и нахваливал бублики и варенье, его собеседники тоже не желали кое-как в спешке проглотить манившую их запахом и своим видом закуску, а после этого в впопыхах обжигаясь запить ее чаем. Однако их опыт позволил вовремя закончить трапезу и разговор, после чего они опять же не спеша отправились на дальнейшие слушания.

А.И. Гучков открыл заседание своими ремарками, боясь, что дальнейшие выступления уведут участников в сторону от практического решения насущных задач, которые он видел, прежде всего, в сфере политики.

Алтарь Европы

По его убеждению, именно она призвана навести порядок и стабилизировать экономику.

– На началах непрекращающегося митинга управлять государством нельзя, – с серьезным выражением лица заявил он. – А мы разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть, не выработали пока популярную программу вывода страны из глубочайшего кризиса.

– Это он правильно сказал, – пробубнил себе под нос Пантелей Агапович, разворачивая и отправляя себе в рот душистую шоколадную конфету, обваленную в какао и начиненную гавайским ромом.

– Что Вы сказали? – Шепотом переспросил у него Горемыкин.

– «Молодцы», говорю, взялись за дело, не договорившись, что будут делать, а теперь ищут виновных.

– И вот, что существенно, – продолжал А.И. Гучков, – ведь не столько личные и классовые интересы разделяют нас, а разное понимание структуры человеческого общества и задач государства.

– Иш загнул, – не выдержал в очередной раз П.А. Бухалов, – как хочешь, так и понимай его. Говорун-то каков? То же, поди, на аплодисменты напрашивается?

– Да уж, – не поворачивая головы, многозначительно посопел Горемыкин.

На некотором пространстве от Горемыкина и Бухалова с разных мест стал слышен шелест фантиков и фольги от разворачиваемых конфет, после чего по зале поплыл стойкий аромат шоколада с ромом.

– Что-то Вас не понять, господин Гучков, – раздался невыдержанный выкрик из прохода между рядами, где прогуливался, постепенно впадая в нервное состояние, В.М. Пуришкевич. – Вы не могли бы попроще выражать свои мысли, а то Ваши заявления каждый может трактовать как хочет.

– Куда проще, каждому близкому к политике человеку ясно, что болезнь наша заключается в разделении власти и ответственности. У одних полнота власти, но без тени ответственности, а у других – полнота ответственности, но без тени власти. В этих условиях развал правительства неизбежен. И только сильная власть может спасти страну от той анархии, которая в дальнейшем своем развитии несомненно приведет нашу Родину к гибели.

– Вот оно, – злорадно произнес Горемыкин, – уже соскучились по сильной власти. Вспомните еще Горемыкина – «консерватора и реакционера», еще сотворите себе кумира из какого-нибудь общего любимца-генерала, диктатора России. Вот тогда и посмотрим, кто реакционер, а кто

Алтарь Европы

защитник устоев нашего Отечества? Доживем еще, когда диктатура станет для дураков самой популярной программой.

А.И. Гучков, прежде чем пригласить очередного докладчика, взял паузу и отхлебнул из стакана, но аплодисментов так и не дождался. Аудитория застыла в напряжении, а похрустывание фантиков особенно подчеркивало тишину.

Как и было задумано, к докладу был приглашен П.П. Рябушинский – председатель Московского биржевого военно-промышленного комитета. Все понимали, что его доклад фактически станет основным. То, что говорят все прочие, заслуживало внимания, но что говорил Пал Палыч – для российских предпринимателей становилось программой их коммерческой деятельности.

– Господа! – начал свой доклад Рябушинский, – проблема хаоса и хозяйства России, думаю, всем понятна, поэтому не буду повторять известное, а перейду сразу к вопросу: «Что делать?» Господин Маниковский призывает к строительству государственных предприятий. Может быть он и прав, к примеру, завод А.И. Путилова никогда не производил 6-дюймовых снарядов, но после того, как его огосударствили, он стал производить половину таких снарядов от общего производства. Это солидный аргумент в пользу казенных предприятий. Но наш Союз торговли и промышленности располагает цифрами, которые свидетельствуют, что без частной промышленности фронту и всему хозяйству России не обойтись, на сегодня она в большей степени, чем казенные предприятия, удовлетворяет потребности фронта. Вот и думайте, что делать? А я так считаю, что не следует казенные заводы противопоставлять частным, наоборот, нашему производству нужно давать преимущество, а казенное пусть вырабатывают для всех эталонные образцы продукции.

– Эка..! – протянул Пантелей Агапович, – господин Рябушинский, каков?! Щедрый, «всем сестрам по серьгам» готов раздать.

– Того гляди? – В своей манере пробубнил Горемыкин. – Хитер братец. Я знаю одно, чуть только Маниковский расслабится, как его программе придет конец. Рябушинский своего никому не отдаст, да и чужое может прибрать к рукам, как в той басне про лису и ворону. Хорошо еще, что человек он знающий и порядочный, а не вор. Он берет свое от произведенного, а иной сворует все деньги, а продукцию так и не дает.

– Следующий вопрос, – продолжал П.П. Рябушинский. – Каково реальное положение на фронте? Об этом сейчас много различных толков. Господа кадеты и им подобные глашатаи «истины» запугали всех царщей изменой, но реальных фактов так и не обнаружилось.

При этих словах пришло время П.Н. Милюкову поерзать в своем кресле, он посмотрел на окружающих и их реакцию. На лицах некоторых

Алтарь Европы

участников он обнаружил легкую улыбку, поймал на себе несколько осторожных взглядов. «Ну, вот, – решил Милюков, – сейчас и мне достанется». Всем было известно, что бурное обсуждение проблемы измены началось с заявления П.Н. Милюкова об измене, но при этом он не назвал имена изменников и в чем конкретно они обвиняются, не было обнаружено и каких-либо документов. «Они не понимают, – думал Милюков, – как изменники могут действовать, и вообще, что называется изменой? Считают, что фактические предатели оставят кучу компрометирующего их материала. Измена, иной раз, может быть и не выражена в осознанных действиях, но изменник может действовать таким образом, каким от него ждут вражьи силы, не догадываясь об изначальном происхождении и последствиях своих действий, а наши враги эти последствия знают и планируют их.

Рябушинский подождал, пока участники обменяются репликами, и завершил свою мысль:

– Реальных фактов измены не обнаружилось, зато недостатки в поставках фронту легко стало объяснять этими предположениями. Мне же хотелось посмотреть на проблему поставок глубже.

– Вот, вот, – раздался из зала возглас В.М. Пуришкевича, продолжавшего неровно мерить шагами пространство между рядами, – а то многие ищут «козла отпущения», а сами хотят остаться в стороне. Думают, что как-нибудь все обойдется.

Рябушинский, не обращая внимания на привычные всем реплики Пуришкевича, продолжал свой анализ состояния промышленности.

– Проблема недостатков и перебоев в снабжении связана не с тем, что Россия исчерпала свои ресурсы, эта проблема сильно раздута газетчиками, что является одним из двигателей хаоса, ведущего к недостаткам обеспечения фронта. Россия потеряла часть своей территории, но это привело к незначительному снижению производства. Уголь добывается сейчас примерно в довоенных пределах, чуть снизилась выплавка чугуна и стали, но производство вооружения выросло до 230%, предметов снаряжения до 121%. Наша артиллерия полностью обеспечена снарядами. Об этом говорил господин А.А. Маниковский. Если в начале войны полевая артиллерия полностью обеспечивалась из расчета тысяча снарядов на орудие, то сейчас эта цифра выросла в сорок раз, хотя остаются трудности с тяжелой артиллерией, но об этом нужно было думать нашим генштабовским стратегам раньше, до войны.

Рябушинский сознательно, как добросовестный бухгалтер, ошаршил аудиторию цифрами, которые не укладывались в головах многих участников, привыкших слышать, что воевать скоро будет вообще нечем. Сказал он и о транспорте – о тех тысячах километров вновь построенных железных дорог,

Алтарь Европы

включая дороги облегченного типа в зоне боевых действий. При этом он умело округлял цифры в выгодную для промышленности сторону с тем, чтобы не оставить возможности критики промышленности и облегчить решение противоречий между государством и частным предпринимателем. Не забыл он напомнить и о том, что по концентрации производства Россия еще до войны обошла многие страны, в том числе и Америку.

А.А.Маниковский был глубоко обеспокоен не информацией самой по себе, представленной П.П.Рябушинским, а пониманием того, что эта информация взята из сейфов Главного артиллерийского управления. В своем блокноте он записал: «Выявить болтунов и изгнать их».

* * *

Подсчеты Рябушинского были известны и потому не интересны Маниковскому. Он вспомнил то время, когда возглавил ГАУ. Тогда он поставил себе задачу проследить возникновение «снарядного голода» от производства снарядов до их продвижения на фронт. В марте 1916 г. А.А.Маниковский узнал, что Ставка Верховного главнокомандующего планирует широкоформатное наступление на европейском театре военных действий силами трех фронтов, и в преддверии этого наступления он решил посетить действующую армию, чтобы лично увидеть, что там происходит.

По мере того, как его поезд приближался в расположение Юго-Западного фронта виды из окна вагона становились все печальнее и мрачнее, не было в них радости, начинающейся весны. Огромные площади полей были изрыты окопами и воронками от снарядов, торчали остовы изуродованной и сгоревшей техники, по грязным дорогам медленно шествовала пехота, вымотанные лошади тащили пушки и провиант. Ветки деревьев были покрыты серыми гнездами ворон, которые стаями перелетали по полям в поисках пищи. За походными кухнями тащились стаи голодных собак, которых время от времени солдаты от скуки отгоняли, собаки отбегали на несколько метров, но постепенно вновь прижимались к кухням в надежде получить кость или, хотя бы, кусок хлеба. Всю эту картину усугубляли серые облака, надолго закрывшие солнце и еще холодный, влажный и пронизывающий до костей ветер.

Командующий Юго-Восточным фронтом, генерал от кавалерии, а с 1915 г. к тому же – генерал-адъютант, Брусилев Алексей Алексеевич встретил Маниковского без особой радости, но и без неприязни, которую обычно испытывают к штабным боевые генералы и офицеры. Его простая полевая форма и длинные, словно заточенные усы, подчеркивали деловитость и как бы исключали наигранную суетность перед высоким визитером из

Алтарь Европы

Петербурга. Он мало знал Маниковского, но слышал о нем очень лестные отзывы.

Брусилов предложил Маниковскому присесть ближе к камину, распорядился разжечь его поярче и подать чаю.

Почти шестидесятитрехлетний генерал А.А. Брусилов был потомственным военным. Он начал службу в драгунском полку. Отличался личной храбростью, за участие в русско-турецкой войне награжден орденом Святого Станислава 3-й и 2-й степени, орденом Святой Анны 3-й степени. К началу XX в. он стал известен в России и за рубежом как выдающийся знаток кавалерийской езды. В 1900 г. ему присвоено звание генерал-майор, а в 1912г. – генерал-кавалерии. К. Маннергейм, служивший под началом Брусилова в Петербургской офицерской кавалерийской школе, вспоминал: «А.А.Брусилов был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными». С началом первой мировой войны командовал 8-й армией в Галицкой битве, за что удостоен ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степени, с марта 1916 г. возглавил Юго-Западный фронт.

Хотя начальник ГАУ был более чем на десять лет моложе Брусилова, но опыта ему не занимать, и его участие в делах могло лишь оказать пользу в подготовке компании 1916 г., которая завершилась триумфом главкома в связи с успешным наступлением его фронта и прорывом обороны противника армией генерала А.М. Каледина. Прорыв станет широко известен в России и за рубежом как «Брусиловский прорыв» и еще раз поставит под сомнение заявления о предательстве в военном министерстве и бездарности русского командования.

В ходе беседы на первом месте, вполне понятно, оказался вопрос о боевом оснащении армии.

– О причинах «снарядного голода» говорят разное, а, главное, каждое ведомство пытается переложить ответственность на других, и дело запутывается до предела, – констатировал Брусилов. – Но факт остается фактом – «снарядный голод» стал кошмаром армии.

– Я могу с Вами согласиться, но тогда как объяснить данные, которыми я располагаю: к январю 1915 г. русская армия израсходовала два миллиона триста тысяч снарядов, а до этого она имела четыре миллиона пятьсот тысяч. О каком же «голоде» идет речь? Ведь на складах еще оседает более 2/3 прошлых запасов, и плюс поступают новые?

– Алексей Алексеевич, – удрученно заметил Брусилов, – мы с Вами можем обнаруживать снаряды, где угодно, но пушкарям на передовой до этого нет дела. У них одна команда: «Заряжай», а если заряжать нечем, то

Алтарь Европы

хоть «волком вой». Вы представляете себе эту ситуацию во время боя? Это во время боя. Даже организовывать отступление в прошлом году было сложно без артиллерийского прикрытия.

Беседа длилась долго, пока дежурный не пригласил на ужин. Перед тем как прервать разговор, Брусилов задал вопрос:

– Сегодня Вы переночуете у нас, уж извините при тех удобствах, какие мы можем предложить в прифронтовых условиях, но основными удобствами обеспечим. А какие у Вас планы на завтра?

– Мне бы хотелось побывать на передовой, а уж оттуда не беспокоя Вас, отправлюсь назад в Петроград. У кого бы Вы мне посоветовали побывать?

– Да вот хотя бы в 4-ю стрелковую дивизию к А.И. Деникину. У него ситуация в дивизии, характерная для всего фронта. К тому же Антон Иванович – личность примечательная: его отец крепостной был, отдан рекрутом в армию, где дослужился до майора. Умер в семьдесят восемь лет, когда Антону Ивановичу было всего тринадцать. Жить стало, считай, не на что, и в 1890 г. он пошел вольноопределяющимся в армию, потом закончил Киевское юнкерское училище, а еще через пять лет поступил в Академию Генерального штаба.

– Интересно, я ничего этого не знал. Слышал, что он один из героев русско-японской войны, за что удостоен орденами, а одну из операций, где он отличился, называют не иначе, как «деникинской».

– Это, что? К началу этой войны он дослужился, без каких-либо протекций до генерал-майора, а его дивизию у нас называют «железной». И все это благодаря его таланту и энергии.

Утром рано Маниковский со своими помощниками и казаками отправились на позиции. От охраны Маниковский долго отказывался, но Брусилов был тверд.

– Я, – говорил он, – отвечаю за Вашу безопасность, а береженого Бог бережет. Антон Иванович о Вашем визите предупреден.

По дороге часто встречалось придорожное строительство, отличавшееся от того, что приходилось видеть в тылу. Здесь преимущественно делались легкие насыпи, на которые укладывались шпалы и рельсы для тактических поездов. «Вот тебе и хаос, – думал Маниковский. – Действительно, люди выдумывают всякие сказки, а на самом деле, кто хочет, тот всегда преодолеет любые проблемы».

По прибытии он попал на совещание штаба А.И. Деникина, был представлен участникам, и совещание продолжалось. Докладывал заместитель по материально-техническому оснащению.

Алтарь Европы

– Сегодня ночью, – сообщил он, – прибыло пятьдесят снарядов для нашей единственной оставшейся батареи, которая, как вы знаете, молчит вот уже трое суток.

Штаб вздохнул с радостью и облегчением, а Маниковский с ужасом подумал, что этого количества не хватит и на один бой. Как же они воюют, если рады такой малости? В первые месяцы 1914 г. только одна 76-миллиметровая пушка расходовала по очень приблизительным данным в день более 30 снарядов.

После окончания совещания, когда участники разошлись, с этого вопроса и началась беседа.

– Так вот и воюем, уважаемый Алексей Алексеевич, – горестно произнес Деникин. – Сейчас становится полегче, однако на днях их тяжелая дальнобойная артиллерия как прошлась по нашим тылам, так мы и сидим без снарядов. У меня в памяти останется навсегда весна 1915 г. Помню сражение под Перемышлем. Одиннадцать дней 4-я стрелковая дивизия находилась под ураганным огнем тяжелой артиллерии. От одного постоянного гула снарядов можно было сойти с ума, окопы сносило целыми рядами. Все это время приходилось отбивать одну атаку за другой. Кровь лилась, что называется рекой, на глазах росли горы трупов. Два полка были почти уничтожены только артогнем, а нам и ответить было нечем, так отдельными выстрелами.

– Я видел, что даже в ближайшей прифронтовой полосе строятся железные дороги.

– А что толку, сегодня их построили, а завтра разбомбили.

После разговора в штабе Маниковский и Деникин отправились на передовые позиции. Возле окопов спешили. В целом Маниковский так себе и представлял увиденную им картину. Во всем чувствовались последствия недавнего боя. Особенно неприятен был запах разлагающихся трупов, которые еще не успели предать земле. Солдаты, восстанавливающие окопы, притихли и осторожно посматривали на генералов и их свиту. Младшие офицерские чины перед начальством, наоборот, суетливо бегали вдоль окопов и давали солдатам указания, каждый стремился быть замеченным начальством. Солдаты, хоть были перепачканы грязью и выглядели не как на параде, но было очевидно, что экипированы они хорошо: сапоги и подошвы на них не успели протереться, в хороших длиннополых шинелях, хотя работать было не так удобно, но после работы за то было во что завернуться, чтобы хоть как-то укрыться от вечерней стужи.

На их фоне особенно выделялись солдаты в драных шинелях, прожженных в отдельных местах, с одной-двумя пуговицами, на ногах одни опорки. У некоторых под шинелью виднелось белье, без гимнастеров.

Алтарь Европы

– Что это за чучела, – недовольно спросил Маниковский у Деникина? – Вся Россия ходит в солдатских сапогах, а на передовой солдаты разуты, да еще в такую погоду.

– Это наш позор, только вчера вечером прибывшие из пополнения, не успели за ночь их переодеть. Такие вот молодцы, пока доберутся до передовой по два-три раза продают свою новую экипировку, а деньги пропивают. А вот теперь мы должны их вновь одевать и обувать. Делать нечего, не прогонишь же их назад домой. Многие из них были бы рады.

– А есть во что обувать, одевать?

– Слава Богу, есть. Мы их всех переписали, вечером переоденем.

– И что же. Завтра они опять все пропьют? Ну и дела?

– Ну, у меня не пошалишь. К тому же командующий генерал Брусиллов приказал всем чинам, прибывающим на фронт в таком виде, отмерять по пятьдесят розог.

– Ну и как?

– Результаты отличные. Все воины сразу приобретают уставной вид.

– Этак хочешь – не хочешь, а признаешь розги лучшим учителем расхлябанности русского человека. И ведь по этим пьяницам судят о всей русской армии. Пресса переполнена статьями о босоногом солдате и «сапожном голоде». Всякие там кадеты рады этому и подогревают клевету, подгоняют все под вывод о том, что наши ресурсы исчерпаны. Но на самом деле сапоги идут на фронт десятками миллионов пар.

Прожаживая вдоль окопов, группа вышла на участок, который солдаты еще не умели восстановить и где отчетливо были видны последствия боя. Окопы так были разворочены, что, порой, они равнялись с землей, орудия стояли изуродованными или валялись опрокинутыми в воронки от огня противника. Вокруг орудий суетились солдаты.

– Что это они там делают? – спросил Маниковский. – Снимают неповрежденные детали, а потом будут переставлять их на орудия, которые еще подлежат ремонту. Должен сказать, это неплохое подспорье.

А.А. Маниковский присмотрелся внимательнее к тому, что называлось раньше окопами. Это заметили все и стали тоже рассматривать землю. Он сделал несколько шагов вперед, наклонился и взял, казалось, горсть земли, но на самом деле у него в руке были патроны.

– Что это значит, господин генерал? – недоумевая спросил он и жутким взглядом скользнул по лицу А.И. Деникина.

Антон Иванович понял, что это как раз то, чего ему начальник ГАУ не простит, а ему следует готовиться к самому серьезному нагоняю. Из его путанного доклада следовало, что виной всему были молодые и неопытные

Алтарь Европы

офицеры, которые раздавали солдатам патроны без меры, а те боясь, что при затяжных многодневных боях они могут остаться без патронов, набирали их немеренное число, забивали ими специальные ниши в окопах и наполняли ими карманы, но этого было мало – патроны насыпались кучками на бруствера.

– Господин генерал, – обратился Деникин к Маниковскому, – я понимаю, что это безумное обращение с патронами, но это явление распространилось по всем фронтам. Что делать, кадровых офицеров остается все меньше и меньше, а на их место приходят скороспелые поколения, которые, порой, не готовы принимать разумные решения. Они допускают даже то, что при отступлении солдаты выбрасывают из карманов не только патроны, но и винтовки бросают.

– Но это же совершенно недопустимая и явно преступная расточительность. Вот откуда перебой в снабжении винтовками и патронами. А мы думаем, куда это деваются миллиарды, да... да, миллиарды, патронов?

– Наказываем, господин генерал, но пока эту практику искоренить не удастся. Все дело в морально-психологическом состоянии солдат, в их боязни.

– Это сколько же теряется патронов и винтовок, а я полагаю, что и с артиллерийскими снарядами та же ситуация, – не унимался Маниковский. Он еще раз зацепил горсть земли и в ней опять оказалось несколько патронов. Значит в случае отступления все это достается противнику, а в случае успешного наступления и закрепления на новых позициях они так и теряются здесь или попадают в руки всяким спекулянтам.

Маниковский был настолько возмущен и ошарашен, что какое-то время стоял молча, перебирая в руке патроны в перемешку с землей. Затем взял себя в руки и как-то отрешенно произнес:

– Вот тебе и «голод», голод от избытка. Парадокс. К началу войны патронов произвели значительно больше реальных потребностей армии, только в 1915 г. – более миллиарда, – с этими словами он обвел взглядом присутствующих, хотел что-то сказать, но передумал, только спросил у А.И.Деникина: – Какая примерно длина этой траншеи?

– Не более версты.

– Антон Иванович, – строго обратился Маниковский к Деникину, – я бы хотел собрать все разбросанные патроны и посчитать их на этом участке. Вы могли бы поручить это роте нашей охраны, им все равно делать нечего, а от нас не убудет. Я оставлю своих контролеров. За сегодняшний день они справятся. Нет, так пусть поработают и завтра.

– Хорошо, господин генерал, – упавшим голосом отозвался Деникин.

Алтарь Европы

– Полковник Атаманов, приступайте к работе, отберите себе из наших человек десять. Встретимся в Петрограде, там и доложите о результатах. И прошу, Виктор Ильич, – громко, чтобы слышали все, – сказал он, – подсчет произвести как можно точнее.

– Едемте в штаб.

На уже приличном расстоянии от окопов предстояло спуститься в маленькую лошину, на дне которой протекал ручеек, и проехать кусты, покрывавшие край лошины. Поднявшись наверх за кустами, всадники увидели ряд полевых кухонь, из труб которых уютно шел дымок, а от баков пахло щами из кислой капусты и гречневой кашей. Вокруг кухонь сутились раскрасневшиеся солдаты в белых халатах.

– Ба..! – протянул чуть повеселевший Маниковский. – Вот она где радость и мечта солдата. А что это Вы, Антон Иванович, так далеко кухни расположили от окопов.

– Так, Алексей Алексеевич, чтобы солдат не смущать раньше времени. Попробуй-ка повозись в этой грязи, да на мартовском ветерке, когда на тебя со всех сторон щами и кашей попахивает. К тому же из тактических соображений. Разведка хотя и докладывает, что немцы после боев тоже с трудом приходят в себя, но береженого Бог бережет, исхитрятся, да как долбанут из артиллерии, тогда плакал наш обед. А здесь, глядишь, успеют собраться и отъехать, чтобы их не достали.

– Резонно. Как у Вас с поставками продуктов, хватает?

– Что касается нормативов, то они вполне приличные. Одного только мяса полагается, как Вы знаете, два фунта в качестве доппродукта, хлеба вдоволь и все такое прочее. Солдаты часто просят выдать им доппаек деньгами, а деньги отсылают домой. Но опять же, Алексей Алексеевич, те же проблемы: то продукты не подспели, то где-то потерялись в пути. То прибыли, а у нас бои да в условиях отступления, то же мясо долго не продержишь. Бои кончились, а мясо протухло. Так что бывает солдаты остаются без горячего, а то и вообще без продуктов. А вот командующий Северным фронтом генерал Н.В. Рузский жалуется, что фронт не получает даже битого мяса. И это в условиях, когда по документам армия имеет двухмесячный запас продовольствия.

По прибытии в штаб А.И. Деникин прежде спросил у А.А. Маниковского:

– Какие будут указания, господин генерал?

– Собственно, каких-то таких указаний не будет. Все, что я увидел мне знакомо и понятно, теперь я знаю, как разговаривать со всякими кликушами. Но и Вам, фронтовикам, следует подтянуться. То, что зависит от вас, следует исполнять и срочно исправлять положение. Подробнее Вас и его

Алтарь Европы

превосходительство генерала А.А. Брусилова я информирую после составления подробного отчета. Я бы хотел оставить у Вас еще пару человек дня на два, посмотреть документацию по поставкам вооружения, сам же хочу сегодня отправиться назад, и по дороге посетить склады от фронта до тыла, проследить динамику продвижения вооружения от производителя до окопов.

– Коли так, то прошу отобедать, а мои службы сделают приготовления в дорогу.

– Я прошу Вас, Антон Иванович, свяжите меня по телефону или телеграфу с его превосходительством. Что касается обеда, то давайте без излишеств, штабистов приглашать не надо: я да Вы, мои сопровождающие, Ваш начальник штаба, да Ваши замы по материально-техническому обеспечению и по вооружению. Ни у Вас, ни у меня лишнего времени нет, сейчас главное наладить дела на фронте. Мне щей зачерпните из солдатской кухни, ребятам своим скажите, чтобы без обмана, и хлеба ломоть оттуда же, я прослежу. Кстати сегодня-то щи с мясом или без?

– Сегодня с мясом, по полной форме, а повара у нас отменные, как правило, еще до войны кухарничали и в армии закончили специальные курсы.

Деникин вызвал дежурного офицера, дал ему дополнительные указания, особо наказал всем налить щей из солдатской кухни и хлеба подать оттуда же, а во время обеда, чтобы повара ожидали рядом.

– А повара то зачем? – уже с улыбкой спросил Маниковский.

– Да затем, – тоже улыбаясь, но глядя твердо в его глаза, ответил Деникин, – что если щи Вам понравятся, Вы сможете похвалить поваров, им будет приятно, и к вечеру об этом будет знать вся дивизия, а если не понравятся, то пусть получают нагоняй от Вас, а мне и без этого, думаю, замечаний будет более чем достаточно.

«Ишь, хитрец, – подумал Маниковский, – все-таки хочет раньше времени выудить из меня первые впечатления. Ну, ничего, Антон Иванович, придется подождать. Вопросы серьезные и не терпят скоропалительных выводов».

Когда Маниковскому доложили, сколько разбросанных патронов насчитали на небольшом участке фронта, его поразил шок – восемь миллионов. Не хотелось верить, страшно было верить. Сразу же приходила мысль о подобном мотовстве артиллерийских снарядов.

– Господин полковник, – обратился он к В.И. Атаманову, – потрудитесь эту цифру нигде и никогда не называть, забудьте об этом. Представляете, что начнется в Думе, правительстве, в деловых кругах? Буйные головы все беды перенесут на фронтовиков. Кадеты завопят, что они в тылу радеют за положение на фронте, а солдаты все зарывают в землю. Весь хаос в стране спишут на военных и будут потирать руки. Все слишком серьезно.

Алтарь Европы

* * *

От раздумий и воспоминаний А.А. Маниковского отвлекло упоминание его имени докладчиком.

– Предложение господина А.А. Маниковского о строительстве новых военных заводов звучит заманчиво, – не спеша и растягивая слова, как бы в очередной раз обдумывая концепцию Алексей Алексеевич и глядя в зал, произнес П.П. Рябушинский, – однако, пока эти заводы будут построены и начнут давать продукцию, война уже, глядишь, и закончится.

Эти слова значительная часть аудитории встретила с явным одобрительным возбуждением. Все понимали, что Рябушинский ни коим образом не желает пропускать его проект. Наступила полная тишина в ожидании контрпредложений докладчика, от которых, может быть, зависело развитие деловой жизни в России.

– Я же с мая 1915 г. призываю к реальной мобилизации промышленности и нахожу эту форму взаимодействия наиболее приемлемой в условиях войны. На 9-м съезде представителей промышленности и торговли мы приняли решение о создании районных комитетов для объединения работы фабрик и заводов на войну. А для руководства ими и согласования деятельности с правительством создали центральный военно-промышленный комитет, который возглавляет наш уважаемый председатель – господин Гучков Александр Иванович, сформировали солидный ЦК, из представителей деловых кругов, городских дум. Кому от этого плохо?

Часто и много приходится слышать о необходимости единства всех социальных сил, особенно в условиях войны. Я полностью с этим согласен и предлагаю при наших комитетах создавать «рабочие группы».

Зал вновь одобрительно оживился. Становилось очевидным, что концепцию «взаимодействия» правительства и деловых кругов Рябушинский поворачивает на свой лад: если правительство надеялось таким образом подчинить производство своему влиянию, то он вел дело к тому, что промышленники и торговцы получили реальный рычаг для установления своего контроля над экономикой страны.

– Bravo, господин Рябушинский, – вновь раздался голос В.М.Пуришкевича, – а объединиться с социалистами не желаете? Представляю, как Вы обнимаетесь и милуетесь с госпожой Марией Спиридоновой или застольничаете с Н.С. Чхеидзе. Вы им рассказываете о планах укрепления буржуазии, а они Вам о планах уничтожения капитализма и передела собственности.

Алтарь Европы

– Нет, – невозмутимо произнес Рябушинский, – такого не планируется по ряду обстоятельств и главное из них то, что Россия не достигла того уровня развития, когда она будет готова к переделу частной собственности. Это для многих будет оставаться мечтой, а сегодня мы должны думать о развитии частной инициативы. Мне скрывать нечего, я считаю, что главное слово сейчас не за социалистами и открыто заявляю, что предприниматели – люди, способные обеспечить достаток и процветание. Они и есть истинные хозяева грядущей России. Рассчитывать на Запад не следует, Россию там не любили, не любят и никогда не полюбят, поэтому нам нужно отделиться от Запада, как бы это выразиться поярче, я бы сказал «железным занавесом» и развивать свое производство на внутреннем рынке, а партнеров искать на Востоке, где непочатый край работы.

– Это, что-то новенькое, – прошептал Бухалов, – «железный занавес», я такого еще не слышал. Горемыкин промолчал, только еще больше засопел.

– Нынешние социалисты пребывают в состоянии агрессивного невежества, благодаря которому процессы социального реформирования могут пойти не творчески, а разрушительным путем, что грозит России голодом, нищетой, финансовым крахом. Вот тогда-то костлявая рука голода и народной нищеты может заставить опомниться всяких фантазеров, стремящихся отнять все у одних и передать это «все» другим.

Было очевидно, что аудитория испытала в какой-то момент растерянность от услышанного и не понимала его сути, но быстро пришла в себя и в очередной раз взорвалась бурей аплодисментов. Таким образом, и П.П. Рябушкин получил свою долю восторга от его слушателей. Аудитория взорвалась овацией такой силы, что один из солдатиков охраны, задремавший за дверьми залы заседаний даже вздрогнул от неожиданности и уронил винтовку, за что чуть не получил отвесистую затрещину от унтер-офицера, находящегося здесь же и слушавшего в дверную щелку, что происходит в зале, а Горемыкин чуть не выронил уже развернутый леденец, спросонья оглядел аудиторию и продолжил сопение.

Большевики, как всегда, насколько возможно извратили эту мысль Рябушинского. Сталин и Зиновьев выступили в газетах со статьями, обвинявшими его в призыве буржуазии «задушить народ костлявой рукой голода». Ну, что тут поделаешь? Казуистикой владели они отменно. Рябушинский какое-то время с удовольствием слушал овацию и осматривал аудиторию, затем поднял руку.

– Господа, я еще не закончил, – но голос его тонул в аплодисментах.

А.И. Гучков, звякнул колокольчиком, но и этого оказалось недостаточно, тогда он стал звонить более напористо и призывать участников к спокойствию.

Алтарь Европы

– Господа, господа, – фактически кричал он, позвольте Павлу Павловичу закончить.

Постепенно аудитория стихла.

– Господа, – продолжал Рябушинский, когда аудитория вновь приготовилась слушать – я думаю, что создание различных общественных организаций является хорошим дополнением к деятельности правительства в тех сферах, до которых ему бывает сложно дотянуться и проконтролировать, что позволяет многим заявлять, что в России «власти нет», и ведь действительно, условия работы заводов ухудшаются, поставки сырья на них нерегулярные, рабочие и оборудование простаивают, рабочие не получают продуктов и одежды. Вот они и ропщут на власть.

– Господину Рябушинскому, судя по всему, в нынешней революции более способного нет. – Вновь пробурчал Горемыкин. – Если только Родзянко, тот тоже любого заговорит, а что касается до настоящего дела, что тот, что другой ни на что путное не способны, только и хотят власть подмять под себя.

– Всем понятно, – наклонившись к нему, прошептал Бухалов, – что он хочет подмять власть под эти организации: коли власти нет, то мы займем ее место, а вы главное деньги давайте. Это они горазды.

– Последнее, – произнес Рябушинский. Аудитория приготовилась внимательно слушать, все понимали, что сейчас будет сказано главное. – Можно приводить много аргументов тому, что наша промышленность готова обеспечить потребности войны. Об этом мы слышали в докладе А.А. Маниковского, об этом свидетельствуют данные, которыми располагаю я. И не только войны, но и потребности России в послевоенное время. Вместе с господином П.Б. Струве и его коллегами мы просчитали и выяснили, что П.А. Столыпин был прав, Россия обладает всеми возможностями, чтобы к 50-м годам стать первой и богатейшей индустриальной державой мира. Но что получается, господа? С 1915 года буйные головы в правительстве стали широко и бессистемно размещать заказы за границей, это привело к фантастическим расходам.

– Не надо было стоимость своей продукции вздуть без меры, – язвительно процедил сквозь зубы Горемыкин. – На каждом углу кричат о своем патриотизме, а госзаказы выполняют кое-как, не забывают набивать свои сейфы золотом.

– Ведь всем известно, что марка русской военной промышленности ценится в мире очень высоко. Вместе с заказами за границу стали посылать лучших инженеров, которые сейчас учат американцев, как и что нужно делать. Что это: пренебрежение отечественной продукцией и безосновательные расчеты на Запад? Это ли не дискриминация

Алтарь Европы

отечественного производителя? У меня в руках вырезка из одной французской газеты, послушайте, что пишут сами французы.

«Мы удивляемся, – заявляли участники совещания представителей артиллерийской промышленности, – почему русские обращаются к нам за содействием. Одни петроградские заводы намного превосходят весь наш парижский район. Если бы русские приняли хоть какие-то меры по использованию своих ресурсов, они бы нас оставили далеко позади».

А.А. Маниковский, слушая выдержку из газеты французских промышленников, вспомнил, когда начали поступать из Франции снаряды из чугуна, а не из стали, на запросы с фронта он писал в ставку: «Меня никто не хотел слушать, когда я выступал против заказов на это дерьмо. Что же теперь я могу поделать?»

– А вот извольте данные по Америке, – продолжал Рябушинский. – Было заказано три тысячи шестьсот винтовок. К окончанию срока договора американцы поставили нам лишь малую часть, а остальную, судя по всему, они выполнять не собираются. Вот и считайте, кто и как служит России. И как назвать людей, которые за годы войны только Америке выдали заказов на миллиард двести восемьдесят семь миллионов долларов без достаточно положительных для себя результатов, но при этом американская промышленность из зачаточного состояния выросла до громадных масштабов. Какой из этого можно сделать вывод? Я считаю только один: правительство урезает кредиты на развитие русской военной промышленности и, как оно любит говорить, «экономит» народное золото, но для кого – для иностранных государств.

* * *

Каждая поездка на фронт позволяла А.А. Маниковскому сделать серьезные выводы не только в хозяйственной, но и в политической сферах. Убедившись в том, что тыловые склады забиты снарядами, перед ним встал вопрос: «Почему они не уходят на фронт?» Он давно понимал, что здесь незримо присутствуют чьи-то руки. Но чьи это руки? Здесь можно было думать, что угодно. Слушая Рябушинского, его вдруг осенило, как-то сразу все стало ясно и просто. «Как можно было незаметить? – удивился он. – Рябушинский определенно говорит о необходимости передела власти в пользу буржуазии, вот и смысл всяких его объединений, а недостатки в армии, хаос в стране – это же аргументы». Но если речь идет о невидимых действиях буржуазии, то плохого в этом ничего нет. Все разумные люди к этому стремятся. Но, если это Рябушинский, значит и его «молодые», кто

Алтарь Европы

еще? Его взгляд упал на Гучкова: «Вот, пожалуйста и второй персонаж, ведь неспроста же он здесь председательствует. Кто еще? Конечно князь Львов, Родзянко. Нет, Родзянко в эту компанию не подходит. Не зря Маклаков давно считает его только амбициозным исполнителем.

– Нам нечего бояться, – услышал он заключительные слова Рябушинского, – к нам пойдут в силу необходимости. Так что настал момент вступить на путь полного захвата власти. На этом, господа, я свой доклад закончил.

Аудитория стоя и с возгласами восторга аплодировала докладчику. Все смотрели на трибуну, как бы ожидая, что Рябушинский скажет что-то еще. Лица слушавших доклад были озарены идеями докладчика.

– Присаживайтесь, Павел Павлович, – сказал Гучков, когда Рябушинский приблизился к своему месту в президиуме, поблагодарил его за глубокий, всесторонний анализ и с чувством пожал ему руку. – Это победа, Пал Палыч, завтра ждите в прессе скандала, мы об этом позаботимся, а господа министры пусть подумают, что и как им теперь делать.

Участники, устав от аплодисментов и восторга, перевели дыхание и готовились слушать дальше.

– Смотрите как, – обратился один из участников к соседу, – даже В.М. Пуришкевич перестал бегать по рядам, занял свое место и аплодировал вместе со всеми.

– Надолго ли этот чудик затих?

– Ну вот, подождите, теперь точно чего-нибудь выкинет.

– Господа, – продолжил заседание Гучков, – господин Терещенко Михаил Иванович, председатель Киевского военно-промышленного комитета по нашей программе должен был выступить сейчас, но мы получили от него записку с просьбой снять его доклад, так как «господин Рябушинский, – пишет он, – изложил позицию и назвал факты, в целом схожие с содержанием его доклада, и он не видит необходимости повторяться, а для протокола свои материалы он передаст в секретариат».

– Как, господа, удовлетворим просьбу Михаила Ивановича? Тем более, что до обеда нам предстоит еще заслушать А.И. Коновалова, да и вообще желающих выступить у нас достаточно.

До президиума донеслись слова Пуришкевича, который ехидно улыбаясь и показывая в сторону Терещенко указательным пальцем как «перстом указующим», что-то вещал своим соседям.

– Владимир Митрофанович, – обратился к нему Гучков, – что-то не так?

– Все так, господин председатель. Одно вызывает вопрос: это что же, председателю Киевского военно-промышленного комитета нечего сказать о

Алтарь Европы

состоянии промышленности и торговли в Киев, господин Рябушинский, кажется, я ничего об этом не говорил? Господин председатель, поскольку одно выступление у нас снято, позвольте мне выступить до обеда, мое выступление будет кратким. Дело в том, что я спешу на вокзал, там формируется санитарный поезд и требуется мое участие.

– Ваша просьба понятна, господин Пуришкевич, какие будут мнения? – продолжал Гучков. – Я вижу, что аудитория не возражает? Тогда слово предоставляется Коновалову Александру Ивановичу, председателю Костромского комитета торговли и мануфактур, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, а Вы, Владимир Митрофанович, готовьтесь выступить за ним.

Терещенко Михаил Иванович понимал, что после такого доклада, какой представил Рябушинский, выступать будет сложно: публика будет слушать его в «полуха», но, если услышит что-то, что ей не понравится, то может устроить абстракцию, а это было ему совсем ни к чему, нарываться на противоречия с Рябушинским тем более не входило в планы Михаила Ивановича. Было известно, что их взгляды часто не совпадают в отношении социалистов. При этом он знал основные тезисы доклада А.И. Коновалова, сидя рядом, они обсудили тактику и вместе решили, что Терещенко выступать не будет. Договориться с ним было просто, так как оба они входили в «масонскую пятерку» вместе с А.Ф. Керенским, Н.В. Некрасовым и И.Н. Ефремовым и, поэтому по ряду принципиальных проблем имели общую позицию. Терещенко решил пока помолчать, а уже на торгово-промышленном съезде выступить с учетом сегодняшней дискуссии.

* * *

Михаил Иванович Терещенко мало отличался от присутствующих, он относился к числу крупнейших «молодых предпринимателей» России, возглавляемых П.П. Рябушинским. Происходил М.И. Терещенко из торговых казаков, крупнейших сахарозаводчиков и землевладельцев. Родился в 1886 г. Образование получил в Лейпцигском университете, затем сдал экстерном экзамены по курсу юридического факультета Московского университета. Личное состояние Михаила Ивановича составляло около 7 млн. рублей. Камер-юнкер, владелец типографии.

С началом мировой войны он работал в организациях Красного Креста как многие другие политические деятели настроенные патриотически. С июля 1915 г. возглавлял военно-промышленный комитет, был избран товарищем

Алтарь Европы

председателя Центрального военно-промышленного комитета, занимал пост уполномоченного главного Комитета Земского Союза в Киеве.

Участвовал в возглавлявшемся А.И. Гучковым заговоре. Беспартийный, но был близок к прогрессистам. В первом составе Временного правительства – министр финансов, затем министр иностранных дел, в сентябре стал членом Директории и заместителем министра-председателя. Несмотря на столь высокие посты Терещенко мало разбирался в делах и часто не имел своей позиции по злободневным вопросам. По замечанию управляющего делами Временного правительства В.Д. Набокова, он «обладал гибкостью, светскостью, отсутствием твердых убеждений, продуманного плана, полным дилетантизмом в вопросах внешней политики», а Г.Н. Михайловский говорил, что Терещенко «стремился не выходя из общих рамок дореволюционной политики, поставить себя по-новому как представитель революционного и демократического правительства, которое не может говорить тем же языком, что царское». Вместе с Керенским и Некрасовым активно боролся за создание межпартийной правительственной коалиции с социалистами. Во внешней политике отказывался опубликовать секретные договоры из-за боязни разрыва с союзниками, не раз подтверждал обязательства России перед ними, формально выступал за исключение мира без аннексий и контрибуций в единении с союзниками, за усиление боевой мощи России. В одной из телеграмм русским послам предлагал им «всячески подчеркивать твердую решимость правительства всеми средствами организовывать оборону и продолжать войну. Хотя он был настроен антибольшевистски, но вместе с Некрасовым заявил представителям печати, что Временное правительство чрезвычайно недовольно публикацией материалов по обвинению В.И. Ленина в государственной измене. Разочаровавшись во Временном правительстве, 12 сентября он подал заявление об отставке, в письме Керенскому говорилось: «Контрреволюция, хотя и не непременно монархическая, представляет единственную надежду спасти государство от развала». Однако, уже 25 сентября вновь назначен министром иностранных дел. Вернувшись в правительство, он подготовил доклад о внешней политике, но не встретил одобрения ни в одной политической группировке, а газеты, в том числе и правые, подвергли его выступление критике. Тогда же Терещенко вступил в конфликт с военным министром Д.И. Верховским, заявившем о невозможности для России продолжать войну. Собственно говоря, порой, трудно себе представить, каким ветром занесло Михаила Ивановича в большую политику? Его огромное состояние и сама «светскость» позволяли ему вести совершенно иной образ жизни, к чему были свои предпосылки. Он свободно владел французским, английским, немецким языками, понимал древнегреческий и

Алтарь Европы

латынь, позднее свободно владел в общей сложности 13-ю языками. В 1909–1911 гг. успешно преподавал на кафедре римского и гражданского права Московского университета, но покинул его вместе с другими либеральными преподавателями в знак протеста против увольнения ректора, помощника ректора и проректора университета по распоряжению министра народного просвещения. После чего стал чиновником особых поручений без содержания при Дирекции императорских театров. Вместе с сестрами издавал книги литераторов «серебряного века», в том числе роман «Петербург». Поддерживал дружеские отношения с Александром Блоком. Считался балетоманом. Вместе с другими министрами Временного правительства М.И. Терещенко был арестован большевиками, находился в заключении, но весной 1918 г. освобожден, эмигрировал и жил во Франции.

Потеряв свое состояние в России, он успешно занимался бизнесом за границей, был совладельцем нескольких финансовых компаний и банков во Франции. Вел благотворительную деятельность: создавал приюты для русских эмигрантов и помогал в их обустройстве. Эту сторону своей деятельности он не афишировал. Умер в Монако в 1956 г. в возрасте семидесяти лет.

* * *

А.И. Коновалов легко поднялся в президиум и занял свое место на трибуне. Снял песне и начал его протирать, в то же время он внимательно осматривал участников конференции, некоторые из них, встретившись глазами с Александром Ивановичем, даже испытали некоторую неловкость, им казалось, что именно их докладчик хотел увидеть перед началом доклада и обдать холодом своей надменности. Старшее поколение мирилось с некоторым высокомерием во взгляде Коновалова, понимая, что перед ними не просто предприниматель, а человек, владеющий огромным капиталом, обладающий состоянием только одной костромской хлопчато-бумажной фабрики почти в полтора миллиона рублей и земель в шесть тысяч восемьсот тридцать десятин; кто моложе, видели в нем свой идеал и тайно завидовали ему.

Собственно говоря, Александр Иванович не был человеком надменным, но считал необходимым поддерживать чувство достоинства, очень важное для его положения в деловых и политических кругах. К тому же, будучи человеком интеллигентным, он был во всем сдержан и не суетлив. В свои сорок два года выглядел полным сил и внутренней энергии, аккуратным во всем. Родился он в 1875 г. в семье текстильных фабрикантов. Получил образование на физико-математическом факультете Московского

Алтарь Европы

университета и в профессионально-технической школе прядения и ткачества в Мюльгаузене (Германия). Был одаренным музыкантом, учеником известного в то время профессора Московской консерватории А.И. Зилоти. Входил в думскую масонскую ложу, член Верховного совета «Великого Востока народов России». С 1897 возглавил Товарищество мануфактур «Иван Коновалов с сыном». Особенностью его управления было стремление делать все по-новому, что позволило ему вывести свою отрасль в число передовых. Он относился к категории «молодых» промышленников, сторонник достижения «социального мира» для развития российской промышленности, в 1900 г. ввел на своих фабриках 9-часовой рабочий день, строил жилье для рабочих, школы, больницы, приют, бесплатные ясли на 160 человек, библиотеку-читальню, баню, организовал сберкассу и потребительское общество, снабжавшее рабочих товарами по низким ценам и т.д. В 1905 г. Коновалов стал председателем Костромского комитета торговли и мануфактур и принял активное участие в политической жизни: был в числе организаторов торогово-промышленной партии, созданной в 1905 г. для выборов в I Государственную думу.

В феврале 1911 г. по почину Коновалова газета «Русские ведомости» напечатала письмо с протестом 66 промышленников против репрессивной политики царской администрации по отношению к Московскому университету и увольнению его ректората во главе с ректором. Коновалов, являясь одним из учредителей и членов Московского банка Рябушинских, а также Русского акционерного промышленного общества, был избран депутатом IV Государственной думы, где стал главным экспертом по проблемам экономической политики и по рабочему вопросу. Будучи одним из наиболее дальновидных представителей крупной буржуазии, он стремился к мирному реформированию государственного строя и безуспешно пытался создать блок всех оппозиционных и революционных партий – от левых октябристов до большевиков, которых он считал досадной реальностью, с которой следует считаться. Используя рабочее движение, Коновалов агитировал за давление на правительство И.Л. Горемыкина, чтобы сановники серьезнее относились к запросам думских либералов. Стал одним из организаторов думского «Прогрессивного блока», объединившего оппозиционные фракции под лозунгом создания «Кабинета национальной обороны». Во время революции 1917 г. Коновалов вошел в состав Временного комитета Государственной думы и присутствовал при отказе великого князя Михаила Александровича от престола. В качестве министра торговли и промышленности он вошел в первый состав Временного правительства. В июле 1917 г. вступил в кадетскую партию. При этом он считал необходимым разумный мир с большевиками, чтобы избежать

Алтарь Европы

торжества Ленина. В сентябре 1917 г. вошел в 3-е коалиционное Временное правительство. Утром 25 октября перед отъездом из Петрограда А.Ф. Керенский поручил Коновалову организацию вооруженного сопротивления большевикам в столице. Но уже днем Коновалов был вынужден послать в Ставку последнюю телеграмму: «Петроградский Совет объявил правительство низложенным, потребовал передачи власти угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера «Аврора». Мы считаем, что правительство может передать власть лишь Учредительному собранию, и решили не сдаваться, а передать себя защите народа и армии. Ускорьте посылку войск. Но 26 октября в 1 ч. 50 мин. Коновалова вместе с другими министрами Временного правительства арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. 26 ноября он написал письмо на имя представителя Учредительного Собрания, подписанное всеми министрами, заключенными в крепости, в котором Временное правительство передавало всю власть Учредительному Собранию и просило предоставить его членам возможность явиться в Собрание и дать полный отчет о своих действиях.

В 1918 г. освобожден и эмигрировал во Францию, где выступал за продолжение борьбы с большевиками. За границей он стал одним из руководителей Российского земско-городского союза (Земгора), занимавшегося устройством русских за границей. В 1924–1940 гг. – председатель правления редакции издававшейся в Париже П.Н. Милюковым газеты «Последние новости» – наиболее популярного периодического издания довоенной русской эмиграции. Когда началась вторая мировая война, Коновалов уехал в США, где занял антифашистские позиции. После освобождения Франции вернулся в Париж, где и скончался в 1948 г. в возрасте семидесяти трех лет.

* * *

Протерев пенсне, Коновалов начал свое выступление словами:

– Если хозяева не будут полновластными владельцами своих предприятий, то предприятия не смогут нормально работать, и тогда неизбежен экономический тупик. В этом я полностью поддерживаю господина Рябушинского: «Время для передела собственности не наступило». Что же желать? И предприниматели, и рабочие недовольны своим положением. Спасение в одном, я считаю, что предприниматели должны саморганизовываться и не мешать рабочим своей самоорганизации. Если мы будем смотреть на самоорганизацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы лишь будем содействовать анархии, содействовать собственной гибели.

Алтарь Европы

После этих слов по аудитории прошел легкий шопоток, и было не понятно, одобряет она тезис или нет, было так же очевидно, что сказанное докладчиком не осталось без ее внимания. Горемыкин слегка поерзал в кресле, но его лицо не выражало никаких эмоций, Гучков сделал какую-то запись, все уже знали, что он записывает не все, а только очень важное. Рябушинский с вниманием обвел аудиторию взглядом и прошептал что-то на ухо Гучкову.

– Я возлагаю большие надежды, – продолжал Александр Иванович, – на наш Прогрессивный блок. Если мои сторонники поддержат меня и будут агитировать за такую «самоорганизацию», то уверен, мы получим со стороны «рабочих групп», то есть рабочего движения, значительную поддержку. Но этого сегодня уже мало, после приостановки деятельности Госдумы актуальным стал созыв Всероссийского рабочего съезда для формирования массовой легальной организации рабочих. Такая организация создала бы широкую социальную базу под оппозиционную деятельность либеральных партий. И, наконец, в условиях ожесточенной войны нам давно требуется «ответственное министерство», то есть «кабинет национальной обороны».

Я считаю необходимым всемерное рабочее законодательство. Еще в 1913 г. я внес в Госдуму законопроект, предусматривающий охрану труда женщин и малолетних, строительство жилья для рабочих, страхование по инвалидности, старости и т.д. Сегодня все мы должны приложить усилия к тому, чтобы обеспечить рабочему законодательству развитие, согласно назревшим потребностям, под лозунгом «Все для войны». Этот лозунг должен объединить всех сынов родины.

Александр Иванович не спеша отпил глоток воды из стакана, а аудитория встретила его предложения аплодисментами. Это не было овацией, но присутствующие были настроены патриотически и не могли не поприветствовать призывы к победоносной войне. Пройдет несколько месяцев и А.И. Коновалов поймет, что победоносной войны не будет, что на руку большевикам, от которых никакого «социального мира» ждать не приходилось, а их животная ненависть ко всему буржуазному явится той не скрываемой ими основой, на которой произойдет эскалация лозунга «Смерть буржуазии». Поэтому в июне он выступит за сепаратный мир с Германией.

Когда А.И. Коновалов закончил свое выступление, участники конференции одарили его дружными аплодисментами, кое-кто аплодировал стоя. И все же героем этого дня остался П.П. Рябушинский, хотя бы потому, что все, что говорили другие, по смыслу было близко его тезисам, но Павел Павлович был первым, кто произнес свою «декларацию», а Александр Иванович доложил свою вариацию им сказанного.

Алтарь Европы

Пока аудитория аплодировала, В.М. Пуришкевич, не дожидаясь объявления его выступления, двинулся к трибуне, где чуть было в попытках не сбил с ног А.И. Коновалова. Все обратили внимание на зажатую в гультфике его брюк красную гвоздику. Когда А.И. Гучков объявлял его доклад, он уже стоял на трибуне и с нетерпением ожидал разрешения начать выступление.

– Господа, – начал он присущим ему крикливым голосом с вопроса, от которого присутствовавшие сразу смолкли, поняв, что сейчас последует «разнос» всех и всяк, – я не понимаю, что здесь происходит и где я нахожусь? На собрании деловых кругов или съезде социалистических партий. К тому же происходящего в темной комнате, в которой, как выясняется, того самого черного кота не обнаружили.

Что получается, вначале господин А.Д. Протопопов пугал нас хаосом, захлестнувшим страну. Хотя мы и без него это знаем. Затем он обвинил правительство в том, что оно не предпринимает мер против этого хаоса. Но свою часть вины не признал. Мало того, фактически заявил, что если кто-то пытается исправить положение, так это он.

Затем выступил господин А.А. Маниковский, который утешил нас тем, что фактически пытался доказать: все не так уж плохо, а сказки об отсталости нашей промышленности придуманы прессой. Он обнадежил нас цифрами сколько, чего производится для нужд фронта, и заверил, что этими цифрами промышленность готова завалить армию, хотя на вопрос: а где же она эта реальная продукция, он так и не ответил, оставив тем самым вопрос о хаосе открытым. Судя по – всему, господин Маниковский считает наши нынешние проблемы фактически преодоленными и мечтает о новой программе построения Великой России. Прямо хочется встать и крикнуть: «Благодетель Вы наш! Чтобы мы без Вас делали?» Вот уж не перевелись в России новые витте и столыпины, но на деле пока что весь этот хаос, вернее неспособность справиться с ним, породили явление, которое я бы назвал «министерской чехардой», что свидетельствует о неспособности правящей элиты управлять страной. Впрочем, эта чехарда будет, я думаю, продолжаться.

Но главное не в этом. Главное в выступлениях руководителей нашей новой плеяды предпринимателей господ Рябушинского и Коновалова.

По мере доклада Пуришкевича настроение участников постепенно менялось от полной тишины к нарастающему шепоту, в коем ощущался рост недовольства выводами докладчика. Это не смущало Владимира Митрофановича, а заставляло его говорить громче. Желание успеть высказать все, что он запланировал, постепенно приводило его в состояние горячности, это еще больше раздражало аудиторию.

– Парадокс, – категорически заявил он, – но наши промышленники и банкиры, как их называют – «народные кровопийцы», оказывается если чего

Алтарь Европы

и желают, так поскорее и покрепче побрататься с рабочими и совместными силами бороться против врагов Отечества.

Шум в зале нарастал, слышались выкрики: «Пуришкевич, что Вы там несете?» «Не смейте оскорблять докладчиков», «Вы не имеете право говорить так об уважаемых обществом людях».

– Имею, имею, я имею право говорить то, что думаю, а вам моя правда режет глаза, вот вы и шумите.

Интересно получается, ради «классового мира» они предлагают всякие там объединения и группы. Послушать их, так еще немного и они откажутся от своих капиталов, передадут заводы и фабрики своим рабочим. А как же, иначе мира не будет. Социалисты об этом прямо заявляют: «Землю – крестьянам, заводы – рабочим». Тогда встает вопрос – а кому власть? Социалисты на этот вопрос уже ответили: «Власть народу!» А буржуазию к «позорному столбу истории». Вот так.

– Вы слишком прямолинейны, Пуришкевич, – раздался с первого ряда голос П.Н.Милюкова.

– Вот, господа, слышите, что заявляет наш главный кадет и демократ – я «слишком прямолинейный».

Пусть я буду каким угодно прямолинейным, но я сказал то, что есть на самом деле и не я и не мой Союз довел страну до этого состояния, а вы и такие, как вы своими интригами и заговорами развалили основы государства Российского, а теперь ищите виновных, не наша, а ваша пресса раскачивает государственный корабль, не я, а вы стремитесь во власть любыми путями. Только помяните меня, не видать вам этой власти никогда. Фактически вы ведете дело к тому, что власть достанется тем, против кого вы боритесь.

Учитывал или нет Владимир Митрофанович, что среди участников конференции значительную часть составляли кадеты и люди по своим политическим убеждениям близкие идеям кадетов, которых часто обвиняли в разных разностях и они были привычны к критике, но вот, чтобы так, открыто обвинить их в подрыве «устоев» власти? Такого еще не было, а потому из взорвавшейся аудитории накатилась волна негодования и выкриков. Со всех сторон можно было слышать: «Уберите его с трибуны», «Не желаем больше слушать», «Гоните его».

Из первых рядов к трибуне бросилось несколько человек, завидев это, с другой стороны, им наперерез спешило несколько сторонников Пуришкевича. У трибуны они встретились, и началась форменная потасовка. Пуришкевич оказался в центре ее, в него вцепилось несколько рук и пытались оторвать от кафедры, но он крепко держался, пытаясь еще что-то говорить, но уже никто ничего не слышал и не слушал.

Алтарь Европы

А.И. Гучков бесполезно звонил в колокольчик и пытался призвать участников к порядку. Наступил тот момент, когда всем хотелось выплеснуть чашу своего негодования, иными словами наступило то, что называют хаосом: шуму много, а толку никакого, руками машут, а дело стоит.

И вот этот хаос перерос в «разруху» всей конференции, после того, как раздался еще раз голос П.Н. Милюкова, ясно слышимый в его окружении, в президиуме и Владимиру Митрофановичу на трибуне: «Пуришкевич, Вы шут, Вы заказной шут и Ваше место в цирке» – крикнул Павел Николаевич, будучи уверенным, что он не сможет вырваться из окружения цепких рук и ответить за это оскорбление должным образом. Возмущение переполнило Пуришкевича, в ответ он крикнул: «А Вы, Милюков, вообще подлец, так что сидите и помалкивайте». Но этого ему показалось мало, в гневе он схватил стакан с водой и запустил его в Милюкова.

* * *

Павел Николаевич Милюков родился, в 1859 г. в дворянской семье известного московского архитектора Николая Павловича Милюкова, выходца из рода Семена Мелюка (Милюка), участника Куликовской битвы.

По его воспоминаниям «отец занимался своими делами, вообще не обращал внимания на детей и не занимался нашим воспитанием. Руководила нами мать». Павел Николаевич – крупный политический деятель, известный историк и публицист, лидер Конституционно-демократической партии («Партии народной свободы»).

П.И. Милюков окончил 1-ю Московскую гимназию. В 1877 г. во время Русско-турецкой войны служил добровольцем в Закавказье в качестве казначея войскового хозяйства, а затем уполномоченного московского санитарного отряда. После войны учился на историко-филологическом факультете Московского университета, но в 1881 г. его исключили за участие в студенческой сходке, и несколько месяцев провел в Бутырской тюрьме. Однако через год был восстановлен. Учился у В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. В студенческие годы после смерти отца, чтобы обеспечить семью, давал частные уроки. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, но докторскую диссертацию не защитил (существует версия, что это было результатом отказа присудить ему сразу докторскую степень за магистерскую диссертацию, за что выступали многие члены ученого совета, но против выступил В.О. Ключевский, после чего отношения между ним и Милюковым были испорчены). Диссертация была опубликована и принята научной общественностью. В ней обращает внимание вывод Милюкова о том, что реформы Петра I не были

Алтарь Европы

запланированы изначально, а проводились спонтанно под влиянием объективно складывавшихся социально-экономических потребностей России.

В 1895 г. уволен из университета из-за политической неблагонадежности и выслан в Рязань. Признание неблагонадежности вызвали публичные лекции Милюкова, в которых он настаивал на необходимости развития российской гражданственности. В Рязани он начал писать свой главный труд «Очерки по истории русской культуры», в котором он показал большую роль государства в формировании русского общества и, имея свои особенности Россия шла европейским путем развития, и привел свои доводы относительно приспособляемости русского «национального типа» к заимствованным общественным институтам. В книге было указано на основные закономерности эволюции разных сторон социальной жизни. Милюков не считал возможным объяснять исторический процесс развитием производства или «духовным началом», он рассматривал историю как ряд взаимосвязанных, но разных историй: политической, военной, культурной и т.д.

В 1897 г. его пригласили в Софийское высшее училище для чтения лекций по истории, но уже в 1898 г. по требованию русского правительства его отстранили от преподавания в Болгарии. Неоднократно выезжал с археологической экспедицией в Македонию, где был открыт некрополь галльштадтского периода. За балканские труды признан крупнейшим в России балканистом.

С 1899 г. занимался политической деятельностью, а в 1901 г. за оппозиционную деятельность вновь провел несколько месяцев в тюрьме.

Вскоре стал одним из признанных идеологов российского либерализма. Публиковал статьи в эмигрантском издании «Освобождение», которые свидетельствовали о его явной оппозиционности; к 1905 г. заслужил репутацию «отпетого революционера».

В 1903–1905 гг. жил в США, где читал лекции в Чикагском университете, а также в Бостоне и Гарварде.

На протяжении всей своей жизни Петр Николаевич много выступал с публичными лекциями, а за его научные труды был признан одним из крупнейших историков России, а кто-то видел в нем и выдающегося ученого. Наряду с этим он постоянно сотрудничал с газетами и журналами, часто редактировал их.

В 1905 г., получив известия о «кровавом воскресеньи» 9 января 1905 г., вернулся в Россию. В мае – августе 1905 г. был председателем Союза союзов – объединения профессиональных организаций, находившихся в оппозиции к правительству. В октябре 1905 г. стал одним из основателей Конституционно-демократической партии, и принял активное участие в

Алтарь Европы

составлении ее программы. В марте 1907 г. избран председателем Центрального комитета этой партии и признан лидером КДП (кадетов). Милюков считал, что Россия должна быть «конструктивной и парламентской монархией». Редактируя партийную газету «Речь», орган кадетов, он стал автором большинства ее передовых статей. Его активность была на столько велика, что у его современников складывалось впечатление, что он один, в основном, определял политику партии. Во время внутривнутрипартийных дискуссий между членами партии обычно занимал центристские позиции. Постепенно вся жизнь Павла Николаевича оказалась полностью посвященной деятельности партии. Член ЦК кадетской партии А.В. Тыркова писала: «В партии было много незаурядных людей, Милюков поднялся над ними. В нем было редкое для русского общественного деятеля сосредоточенное честолюбие».

Несмотря на явное лидерство в либеральных кругах Милюков не был избран по имущественному цензу в I и II Думы, но фактически был руководителем фракции кадетов в них. Его доклад в III партийном съезде лег в основу тактики партийной фракции в I Думе, а после ее роспуска в 1906 г. он участвовал в написании «Выборгского воззвания», в котором содержался призыв к гражданскому неповиновению, все «подписанты» были осуждены к тюремному заключению и потеряли право избираться в Думу. Однако, поскольку Павел Николаевич не был депутатом и то «воззвание» не подписывал, поэтому он не подвергся репрессиям и продолжал политическую деятельность.

В 1907–1917 гг. избирался в III и IV Государственные думы, в которых руководил кадетской фракции, которая выступала как «оппозиция Его Величества», но не «Его Величеству». В Думе он много и критически выступал, активно способствовал отставке министра иностранных дел Извольского. Критиковал также и внутривнутриполитический курс правительства, а в марте 1914 г. вслед за ним вся партия, перешла к открытой конфронтации с правительством, и призвала Думу к его изоляции. Предложение было поддержано большинством.

Выступления Милюкова являлись предметом постоянных нападок на него правых, а порой, и «октябристов». Однако его основные предложения всегда голосовались в Думе абсолютным большинством или единогласно. Политическая деятельность П.Н. Милюкова позволяет судить о нем, как о «великолепном теоретике либерализма и посредственном практическом политике, не способном понять чаяний различных слоев населения страны». Впрочем, подобным образом можно характеризовать не только Милюкова, но и многих других профессиональных революционеров.

Алтарь Европы

С началом Первой мировой войны Павел Николаевич оставаясь пацифистом отстаивал лозунг «войны до победного конца», и, ради этого в 1914–1915 г. считал возможным соглашение с правительством на патриотической основе, но с 1915 г. после поражений русской армии, вновь вернулся к решительной оппозиции правительству, которое оказалось неспособным обеспечить победу в войне. Отсюда возникла идея создания «Прогрессивного блока» в Государственной думе. Милюков стал одним из организаторов и лидеров блока. По их убеждению победа в войне возможна лишь при замене правительства на министерство «народного доверия». 1 ноября 1916 г. Павел Николаевич выступил в Думе с нашумевшей речью, которая стала называться «Глупость или измена?» и фактически привела к шпиономании. Объектом резкой критики стал глава правительства Б.В. Штюрмер, как известно, ставленник Александры Федоровны, имя которой также упоминалось в негативном свете. Милюков стал автором, получившего большое хождение понятие «темные силы», которые ведут Россию к полному краху. Во главе этих сил был назван Григорий Распутин, недовольство которым стало в российском обществе всеобщим.

Милюков сознательно использовал клевету с целью подготовки к государственному перевороту, о чем впоследствии сожалел. Известно, что он был одним из тех, кто вынашивал планы замены Николая II, а вместе с ним всех тех, кого он причислял к «темным силам» и чистки государственного аппарата.

После отречения Николая II, Милюков стал членом Временного комитета Думы, выступал за сохранение в стране конституционной монархии, однако большинство лидеров «Прогрессивного блока» высказывалось против.

В первом составе Временного правительства (март-май 1917 г.) был министром иностранных дел. Выступал за выполнение Россией своих обязательств перед союзниками по Антанте и, следовательно, за продолжение войны до победного конца. Попутно заметим, что в годы войны Павел Николаевич пережил личную трагедию, – в войне погибли оба его сына. 18 апреля 1917 г. он направил союзникам ноту, в которой он изложил свои внешнеполитические взгляды. Его нота союзникам вызвала негодование левых, большевики и их союзники устроили демонстрации в столице.

Воспользовавшись этим, оппоненты Милюкова в правительстве, в частности, Г.Е. Львов и А.Ф. Керенский добились создания коалиционного кабинета министров с социалистами, в котором Милюкову был предложен второстепенный пост министра народного просвещения. Возмущенный Павел Николаевич отказался от этой должности и вышел из состава правительства.

Алтарь Европы

В августе 1917 г. он заявил, что Временное правительство обречено, и спасти Россию от анархии может только военная диктатура.

Резко негативно отнесся Милюков к приходу к власти большевиков и стал последовательным сторонником вооруженной борьбы с ними. Уехал на Дон, где присоединился к «Алексеевской организации», затем переехал в Киев, там, в мае 1918 г. начал переговоры с германским командованием, которое рассматривал единственно реальной силой в качестве потенциального союзника в борьбе с большевиками. Поскольку переговоры не были поддержаны большинством кадетов, он сложил с себя обязанности председателя ЦК партии (позднее он признал переговоры ошибочными), а в ноябре 1918 г. уехал в Западную Европу, чтобы добиться от союзников поддержки Белого движения. Жил в Англии, с 1920 г. – во Франции. Вынужден был признать, что «Россия не может быть освобождена от большевиков вопреки воле народа» и разработал «новую тактику», направленную на внутреннее преодоление большевизма, отвергавшую как продолжение вооруженной борьбы внутри России, так и иностранную интервенцию. Считал необходимым союз с социалистами на основе признания республиканского и федеративного порядка в России, уничтожения помещичьего землевладения, развития местного самоуправления. Против «новой тактики» выступали многие члены партии, а Милюков, потеряв внутрипартийную поддержку, вынужден был покинуть ее ряды. В июне 1921 г. он стал одним из лидеров Парижской демократической группы Партии народной свободы.

Эмигрантская жизнь Милюкова складывалась не лучшим образом. Разлад с кадетами дополняли обвинения монархистов в том, что его речь в Думе «Глупость или измена?» стала «штурмовым сигналом» к революции, за что в марте 1922 г. в Берлинской опере на него было совершено покушение, но его давнишний поклонник В.Д. Набоков закрыл его своей грудью и погиб.

Политические неурядицы Милюкова дополнились известиями о смерти дочери, которая осталась в России. Жизненные невзгоды не сломили Павла Николаевича. С апреля 1921 г. по июнь 1940 г. он редактировал Парижскую газету «Последние новости», в которой много места отводилось событиям в России; продолжал заниматься историческими исследованиями, писал «Воспоминания».

Во время Отечественной войны был решительным противником Германии, незадолго до смерти искренне радовался победе советских войск под Сталинградом. Умер в 1943 г. в возрасте 84 лет, похоронен в Париже.

Алтарь Европы

* * *

После того, как Пуришкевич запустил стакан в Милюкова Рябушинский быстро что-то сказал А.И. Гучкову, и тот вызвал охрану. В зал быстро вбежали солдаты. «Растащите их, – скомандовал Гучков, – а господина Пуришкевича сопроводите на выход». Когда солдатам удалось протиснуться к Пуришкевичу и несколько ослабить негодование дерущихся, ему предложили покинуть помещение. «Я покину его, – заявил Пуришкевич, – но только на Ваших плечах». Солдаты не ожидали такого поворота дела и в растерянности посмотрели на Гучкова: «Давай, – рассерженно скомандовал тот, – только быстрее».

– Извольте, – подставил свою спину один из солдат.

Другие помогли Владимиру Митрофановичу усесться ему на плечи, свесив ноги. Он артистично выбросил вперед руку и скомандовал: «Вперед», скрестил руки на груди и, не глядя больше на аудиторию, гордо поднял голову. Его вынесли в холл. Там он достал пятак и щедро подал его солдату: «Спасибо тебе, голубчик».

– Рад стараться, Ваше высокоблагородие, – от неожиданности радостно рывкнул тот.

После того, как аудитория попритихла, председательствующий объявил перерыв на обед.

– Вот Вам и представление, – оживленно резюмировал Бухалов, – ну что, Иван Логинович, идемте обедать?

– Знаете, я поеду обедать, пожалуй, домой. Здесь все ясно. Больше меня ничего не интересует. Едемте со мной, Пантелей Агапович.

– Благодарю за приглашение, любезный Иван Логинович, но мне надо быть до конца. Дворянское собрание и земцы мне наказывали выслушать все самым тщательным образом и по возвращении рассказать все в деталях. У нас ведь, знаете-ли свои прожекты имеются, и нарастает свой хаос и разруха.

– Ну как Вам будет угодно, но до отъезда все же прошу найти время и пожаловать ко мне попрощаться. Когда еще свидимся. Я в ближайшее время отбуду в Сочи.

И.Л. Горемыкин, спускаясь в гардероб, на лестнице столкнулся с В.М. Пуришкевичем. Тот пытался обойти своего некстати появившегося встречного, но Иван Логинович преградил ему путь тростью и без лишних объяснений, глядя куда-то через него вдаль, твердым голосом заявил:

– Господин Пуришкевич, я давно наблюдаю за Вашей деятельностью и, чтобы о Вас не говорили, прихожу к заключению, что В.А. Маклаков был прав, считая Вас «много лучше своей репутации». Я знаю, Вы меня не любите, Бог с Вами, меня многие не любят, да я и не девка, чтобы меня любили. Помнится, Вы написали эпиграмму, после того, как меня назначили

Алтарь Европы

перед войной главой правительства. Хотели досадить мне, но не вышло. Она мне понравилась. Как это у Вас там?

Друг, не верь слепой надежде,

Говорю тебе, не верь!

Горе мыкали мы прежде,

Горе мыкаем теперь

Вы сами не заметили, что первыми строчками фактически оправдываете меня.

Пуришкевич вопросительно посмотрел в глаза Горемыкина.

– Да, да, – слегка иронично заметил тот на немой вопрос Пуришкевича, – фактически Вы признали, что Горемыкин не сможет осчастливить Россию, какими бы то ни было поворотами в политике, как не удалось этого сделать его предшественникам, поскольку дело не в главе правительства, а несколько в иных сферах. Но я не отправлял в Сибирь толпами осужденных, как всеобщий любимец и либерал П.А. Столыпин, и хаоса такого, как сейчас, не было, но на моих плечах лежала тяжесть первых лет войны, и мы ее в то время не проигрывали, а, имея сильнейшего противника в Европе, часто обставляли и конфузили его, а вот как сложится на фронте этот год, сие пока неизвестно. Да и чем закончится вся эта возня под одеялом тоже. Выходит вы опять правы в своих сегодняшних обвинениях.

Вот Вам, Владимир Митрофанович результаты моих наблюдений, подумайте над ними. С начала войны и до ноября 1916 г. армия была обеспечена запасом продовольствия на два месяца, но по мере роста противоречий у наших предпринимателей с Думой эти запасы стали сокращаться до запасов на несколько дней. Хлеба, порой, остается на один раз поесть солдату. А как возник конфликт с Думой, так сразу же заговорили о голоде, и правительство не в силах изменить положение. Складывается впечатление, что кому-то очень хорошо, когда народу и солдатам плохо.

Сегодня, когда я ехал сюда, мне встретились повозки с коровьими тушами, я остановился и спросил у мужиков, что это означает? Знаете, что они мне ответили? Оказывается, они не могут сдать привезенную ими из деревни прекрасную говядину. Никто не принимает.

Спрашивается, почему в наше тяжелое время все пункты, как по команде, оказались закрытыми?

Вот они и докатались из одного приемного пункта в другой, пока их мясо не протухло. Это к вопросу о происхождении хаоса, надвигающемся голоде, о котором сейчас говорят все, и парадоксах нашей жизни. Сибирь завалена продовольствием, а перевозок к нам осуществить не может.

Алтарь Европы

И еще, вот вы предрекали сегодня будущее, и я в главном с Вами согласен. А хотите я предскажу будущее Вашего «Союза русского народа имени Михаила Архангела»? Пик его популярности прошел, монархическое движение лихорадит от постоянных противоречий ваших руководителей, и скоро он распадется окончательно, так как на сцену выступают новые политические силы. У их вождей уже иная психология, а черносотенное движение так и не предложило российской общественности ничего путного в противовес либеральным, революционным и радикально-левым идеям. У вас нет позитивной программы. Крестьянство требует перемен и ему дали лозунг: «Земля— крестьянам», а что у вас? Ничего. Буржуазия? Вы сегодня слышали, о чем она толкует, ругались с ними. А что толку? Вопрос поставили, но ответа на него не дали. Только что запустили в Милюкова стаканом, ну и что? Я бы в него и графином запустил. Так что бросайте Вы это грязное дело, пока не вляпались во что-то серьезное. Вас считают неплохим литератором, вот и займитесь литературным творчеством, публицистикой, ну наконец, журналистикой.

Горемыкин как неожиданно для Владимира Митрофановича начал этот разговор, так, как бы на полуслове, и прервал его. «Честь имею», – сказал он на прощанье и стал не спеша спускаться дальше по лестнице в гардероб. Хотя, думал он про себя, такие, как Пуришкевич в политике тоже нужны: он умный и честный человек. Такие хороши в оппозиции, но во власть пускать, конечно, их нельзя. Пуришкевич какое-то время в задумчивости и в растерянности смотрел ему вслед, затем очнулся и продолжил свой путь.

* * *

Пуришкевич Владимир Митрофанович родился в 1870 г. в Кишиневе, в семье бессарабских землевладельцев. Внук священника, протоирея, молдованина, выслужившего для сына потомственное дворянство, по матери потомок декабриста, католика, А.О. Карниловича. Закончил кишиневскую гимназию с золотой медалью, затем историко-филологический факультет Новороссийского университета и защитил диплом с золотой медалью. Писал стихи, которые многим нравились, политические эпиграммы. После окончания университета стал признанным публицистом и блестящим оратором.

Начал карьеру с гласного Аккерманского уездного, затем Бессарабского земств. Во время неурожая 1897–1898 гг. он проявил организаторские способности в борьбе с голодом, открыл двадцать бесплатных столовых, чем

Алтарь Европы

спас от явной смерти местных крестьян, после чего был избран председателем Аккерманской уездной земской управы.

В Петербурге он появился в начале XX в. в качестве чиновника МВД, прикомандированного к Главному управлению по печати, а в 1904 г. его взял к себе чиновником для особых поручений В.К. Плеве.

В эти годы стали возникать монархические черносотенные организации. В.М. Пуришкевич вступил в одну из первых и крупнейшую из них: «Союз русского народа», и вскоре стал одним из ее лидеров. Однако, между ним и председателем А.И. Дубровиным возникли непреодолимые противоречия. Владимир Митрофанович всегда и во всем стремился быть лидером и часто не желал мириться с авторитетом других. В конце концов его взрывной характер привел к расколу Союза, большинство осталось с председателем А.И. Дубровиным, а из числа своих сторонников В.М. Пуришкевич создал «Русский народный союз имени Михаила Архангела», который в скором времени приобрел огромную популярность. Союз создавался не как партия, он не преследовал никаких партийных целей и намерений. По замыслу его организаторов, Союз «есть сам Великий русский народ, приходящий в себя и постепенно собирающийся с духом, чтобы отстоять свое достоинство от всех возможных бед. Это есть сам народ, освобождающийся от натиска всяких партий, от всего партийного и пакостного, а не народного».

К расколу «Русский народный союз» привели противоречия между Пуришкевичем и Дубровиным по вопросам о методах борьбы и о статусе Госдумы. А.И. Дубровин видел в ней только лишь совещательный орган, в то время как В.М. Пуришкевич настаивал на предоставлении Думе законодательных прав и представительного собрания. Современники не переставали удивляться тому, как в голове Владимира Митрофановича уживались идеи самодержавия и законодательной Думы. Но вот таков он был В.М. Пуришкевич, может потому, что он стремился маневрировать между самодержавием и Думой, лишь бы не пережить еще раз ужаса революции.

Во главу угла своей деятельности Союз русского народа под руководством В.М. Пуришкевича ставил развитие национального русского самосознания и объединение всех русских людей для общей работы на благо России, которое виделось в триединстве «Православие. Самодержавие. Народность». Поэтому В.М. Пуришкевич считал необходимым превратить Думу в соборный орган и добиваться единения царя с народом, применять стратегию противодействия революционной угрозе. Причем первенствующую роль в государстве он оставлял за русским народом (великороссы, белоруссы, малороссы), а залогом успеха считал просвещение народа в политической, религиозной и патриотической сферах.

Алтарь Европы

Название «Черносотенные» организации происходит от древнерусского «черная сотня» – тяглое посадское население. Черносотенцы возводят свое происхождение к низовому нижегородскому ополчению Смутного времени, предводимого Кузьмой Мининым, которые «стояли за дом пресвятой Богородицы и православную христианскую веру и ополчались против разорителей земли русской ради спасения веры отцовской и отечества от погибели».

Черносотенное движение выступило в начале XX в. под лозунгами защиты Российской империи и его традиционных ценностей. В годы первой русской революции – это монархические организации: «Русская монархическая партия» Грингмута, «Черные Сотни», «Союз русского народа» Дубровина, «Союз Михаила Архангела» и другие, имевшие свои отделения во многих городах России. Термин «черная сотня» вошел в широкое употребление как унижительное журналистское клише, используемое для обозначения ультраправых деятелей.

Черносотенное движение начала XX в. было единственным общественно-политическим движением России, во главе которого часто стояли священнослужители, впоследствии канонизированные как православные святые.

В различные организации входили: Святитель Тихон (патриарх Московский и всея Руси); Священномученик Владимир (Митрополит Киевский); Святой мученик Иоанн (Восторгов); 32 епископа и множество других священников, мирян, среди которых предполагаются химик Д.Т. Менделеев – ученый-энциклопедист, педагог, художник В.М. Васнецов, историк Д.И. Ёловайский, садовод и селекционер И.В. Мичурин, контр-адмирал командир крейсера «Варяг» В.Ф. Руднев, философ В.В. Розанов.

Святой Иоанн Кронштадский, уже при жизни почитавшийся православным народом, как всероссийский Пастырь, как «святой батюшка», в годы первой революции активно поддержал простых русских людей, стихийно выступивших на защиту православной государственности. Он благословил создание «Союза русского народа» и вступил в его ряды, призывая народ вести войну. «Царь у нас праведной и благочестивой жизни, – проповедовал он, – Богом послан ему тяжелый крест страданий, как Своему избраннику и любимому чаду... Он держит высоко и славно знамя веры Христовой и всем сердцем предан Царю – царей, глубоко почитая друзей Его – святых Его. Он подает всем православным пример искреннего благочестия...».

В разное время к лику святых были причислены черносотенцы: епископ Тобольский Гермоген, епископ Орловский Макарий, архиепископ Андроник (Никольский).

Алтарь Европы

С Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем произошла удивительная метаморфоза. Он был порядочным и достаточно вдумчивым человеком, можно сказать незаурядным, тем не менее его имя стало нарицательным благодаря шокирующему и экстравагантному поведению. Он стал самой известной фигурой в России. Его имя можно встретить в произведениях Теффи, Черного, Маршака и других. Самуил Яковлевич писал: «Моя любовь в политике – Пуришкевич. Ибо над его речами, воззваниями, возгласами и воплями я сразу смеюсь и плачу». Газеты переполняли статьи и фельетоны о нем. Популярной среди мальчишек была игра в «пуришкевича», а в обществе сравнение с ним могло привести к дуэли. Среди питерских извозчиков его имя использовалось как бранное.

В то же время ему всегда хватало голосов, чтобы быть избранным во II, III и IV Государственную думу, А государь-император одарил его личным портретом с подписью во время празднования столетия присоединения Бессарабии к России и принимал его у себя в кабинете. Но в конце 1916 – начале 1917 г. под влиянием недоброжелателей В.М. Пуришкевича, царь охладил к нему, поэтому авторитет «Русского народного союза» стал резко падать и он не сыграл существенной роли в событиях 1917 г., впрочем, как и другие черносотенные организации. После октябрьского переворота их лидеры были перебиты большевиками. Авторитет же самого Владимира Митрофановича до Октября оставался на достаточно высоком уровне.

В Думе он выступал не только по политическим, но и по многим другим практическим вопросам, всегда имел свое видение проблемы и делал вполне разумные предложения. Так он часто выступал по вопросам образования, в III Думе участвовал в дискуссии и отстаивал проект постройки Амурской железнодорожной магистрали.

Считался патриотически настроенным политическим и общественным деятелем. Свой взгляд на противников патриотической идеи он высказал в 1917 г. на митинге в Михайловском манеже, посвященном 300-летию дома Романовых, поделив их на две категории: страшных и нестрашных. Пуришкевич считал нестрашными «жидов и инородцев, не проникшихся идеями русской государственности», поскольку «рожа жида сама укажет нам спасительный исход», инородцы и революционеры действуют открыто, а с открытым врагом знаешь, как бороться. Иное дело скрытый враг. «Это те, которые, пользуясь своим положением, стараются изобразить нас какой-то дикой бандой хулиганов».

Черносотенное движение традиционно связывают с погромами, которые в России были ощутимы в годы революции 1905 г. и последующий период. Такие погромы наносили большой вред авторитету движения. К тому же, за период с февраля 1905 г. в результате погромов было убито и ранено много

Алтарь Европы

руководителей местных отделов Союзов, его активных участников. Большое количество погромов произведено на митингах, крестных ходах и шествиях, организованных Союзом. В ответ на такие погромы в качестве самообороны при заводских отделах Союза, для поддержания порядка на массовых мероприятиях, стали создаваться дружины, поэтому Дружинам предписывалось чисто охранительная функция, и никакого отношения к пьяным толпам лавочников, как об этом писали газеты, они не имели. Подобного рода деятельность не была предусмотрена уставом Союза, после стабилизации в стране они сразу же были расформированы.

В то время монархические организации в России объединяли огромную массу не только простых горожан, но и уважаемых в обществе людей. А вот газетчики презрительно старались оскорбить национальные и религиозные чувства русского человека. Союз Пуришкевича выступал за сохранение исторических устоев России – Православия и Самодержавия. Он поддерживал реформы П.А. Столыпина, Государственную думу, но настаивал на лишении избирательных прав иудеев и ограничении представительства Кавказа и Польши.

Большинство в Союзе представляли крестьяне, которые в некоторых территориях записывались в него целыми селами; значительную часть составляли рабочие-отходники; ощутимо было присутствие горожан-мещан, купцов; входили в него так же представители интеллигенции, тяготевшие к монархической идее. Возглавляли Союз и его организации в основном дворяне.

В марте 1917 г. В.М. Пуришкевич поддержал создание Временного правительства, но вскоре разочаровался в его возможностях и выступил против его политики. Он начал вести тайную пропаганду за создание подпольных организаций монархического толка после того, как Временное правительство запретило почти все монархические организации, а большинство их руководителей оказалось за решеткой. 28 августа 1917 г. Пуришкевич выступил на митинге солдат Петроградского гарнизона, но солдаты не поддержали и потребовали его ареста.

Так он оказался в «Крестах». После октябрьского переворота он приступил к подготовке заговора с целью свержения Советской власти и вновь был арестован, но через полгода после вмешательства Ф.Э. Дзержинского и Н.Н. Крестинского под честное слово не участвовать более в политике его амнистировали.

Честного слова Владимир Митрофанович, конечно, не сдержал – не тот темперамент, а отправился вначале в Киев, а потом на Дон, где примкнул к белому движению. В возрасте пятидесяти лет он умер в Новороссийске от сыпного тифа.